

Николь Берд
Дорогой притворщик
Серия «Сага о семье Синклер», книга 1

OCR Roland; SpellCheck Satok

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=157615

Дорогой притворщик: АСТ, АСТ Москва, Хранитель; Москва; 2006

ISBN 5-9713-2675-9; 5-9762-0076-1

Аннотация

Замужество казалось юной Психее Хилл единственной возможностью вырвать свое наследство из лап жадного опекуна. Идея вступить в фиктивный брак, щедро заплатить «супругу» и забыть о его существовании выглядела заманчиво, а игрок Гейбриел Синклер был идеальным кандидатом на роль «мужа»...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	15
Глава 3	33
Глава 4	56
Глава 5	73
Глава 6	94
Глава 7	111
Глава 8	135
Глава 9	150
Глава 10	166
Глава 11	178
Глава 12	188
Глава 13	201
Глава 14	220
Глава 15	235
Глава 16	251
Глава 17	273
Глава 18	299
Глава 19	324
Глава 20	340
Глава 21	358
Глава 22	376
Глава 23	396

Николь Берд

Дорогой притворщик

Глава 1

Ему следовало предвидеть, что удачного расклада карт недостаточно. Мало выиграть, надо еще получить выигрыш. Стремясь в рай, нужно быть предельно внимательным, чтобы не споткнуться на ступенях, ведущих в ад.

– Вот... Вот он!

Гейбриел Синклер оглянулся. Он смешался с толпой запоздавших театралов в надежде избавиться от своих преследователей, но ускользнуть от банды головорезов, гнавшихся за ним по улицам Лондона, было не так просто.

Гейбриел спрятался за спину толстого джентльмена в широком плаще, хотя небольшой рост этого человека не мог скрыть высокую фигуру Гейбриела. Костлявая женщина, шедшая под руку с другим мужчиной, взглянула на него, покраснела, и ее тонкие губы растянулись в жеманной улыбке. Не приглядываясь, Гейбриел машинально улыбнулся в ответ. Он всегда производил впечатление на женщин и уже не обращал на это внимания.

Синклера больше беспокоили люди в грубой одежде, сгрудившиеся в стороне от таявшей толпы зрителей: их было

слишком много даже для него. Благодаря безупречному вечернему костюму Гейбриела можно было принять за великосветского повесу, заглянувшего в театр, чтобы развеять скуку, но человек со шрамом – очевидно, предводитель шайки – обладал острым взглядом, и его трудно было обмануть.

– Хватайте его, безмозглые трусы!

Гейбриел отступил в тень стоявшего на углу здания, затем повернулся и бросился бежать.

В узком переулке рядом с кучей мусора, валявшегося на земле, одинокий дворник нашел утешение в бутылке дешевого джина. Прислонившись к стене театра, он храпел в сладком забытии. Из его открытого рта, словно туман из болота, вырывался сильный запах алкоголя, заглушавший даже вонь гниющих отбросов. Его лысая голова блестела в свете уличного фонаря, руки все еще любовно сжимали пустую бутылку, а брошенная метла перегораживала узкий проход.

Гейбриел вовремя заметил грязную метлу и перескочил через нее. За спиной он услышал приглушенное проклятие, потом звук падающего тела. Преследователь оказался не таким ловким.

Гейбриел усмехнулся, но ему следовало беречь силы. Он еще не избавился от своих врагов. Синклер пробежал несколько ярдов, затем перепрыгнул через грязную лужу. Краем глаза он заметил на воде отражение темной фигуры, следовавшей за ним. За спиной шлепали чьи-то ноги, и почти тотчас же раздался непонятный свистящий звук. Гейбри-

ел обернулся в тот момент, когда на него опускалась дубинка.

Немало мужчин погибало в таких вот темных грязных переулках, но Гейбриел Синклер не собирался пополнять их ряды.

Он ловко уклонился от удара, затем, ухватившись за дубинку, приподнял ее и прижал к горлу негодяя. Тот со стоном повалился на землю. Гейбриел вырвал оружие из его ослабевших пальцев и ударил другого бандита в живот.

Негодяй согнулся пополам, изрыгая проклятия, за которыми последовало содержимое его желудка.

– Может, съел что-нибудь не то? – любезно осведомился Гейбриел. – Может, вино было плохое?

Он настороженно посмотрел на остальную троицу, которая при виде оружия в страхе попятилась назад. У двоих были только тяжелые палки, но главарь, злобно прищурив глаза, выхватил из рукава острый клинок и шагнул вперед. Его изуродованное шрамом лицо исказила мерзкая ухмылка, обнажились гнилые зубы. По тому, как он поигрывал ножом, чувствовалось, что он часто пускает его в ход.

Зловонное дыхание донеслось до Гейбриела. Он не смотрел на узкое лезвие смертельного оружия, а следил за глазами главаря. Гейбриел был далеко не глуп, он прекрасно знал, когда надо сражаться, а когда благоразумнее спастись бегством.

«Правда, – подумал молодой человек, – благоразумие ни-

когда не входило в число моих достоинств». Он сделал быстрый взмах дубинкой, и наемный убийца отскочил в сторону, а Гейбриел снова бросился бежать.

Он повернул за угол, но через несколько ярдов ему преградил дорогу тощий долговязый человек, почти одного с ним роста, который расхаживал взад-вперед у служебного входа в театр. Другой человек в вечернем костюме, дергая себя за галстук, бормотал, читая на листе бумаги: «У тети Софи седые волосы и длинный нос. У кузена Мервина толстый живот и жидкие волосы. Нет, это у кузена Персивала. О, черт, никак не запомню!»

Синклер попытался обойти его, но тот двинулся прямо на Гейбриела. Они столкнулись. Растопыбив руки, человек выронил бумагу и растянулся на деревянных ступенях входа.

– Простите! – Гейбриел с трудом удержался на ногах, но выронил дубинку. Он с надеждой посмотрел на запертую дверь. Шаги в переулке приближались, но тут послышался цокот копыт.

Появился экипаж – не наемная карета, которой он мог бы воспользоваться, а чей-то частный экипаж. К удивлению Гейбриела, он остановился перед ними.

– Кто из вас маркиз Таррингтон? – обратился кучер к обоим прохожим.

Распростертый на ступенях человек взглянул на кучера и слабо взмахнул рукой.

– Это... это он, вот этот.

Гейбриел резко повернулся и взглянул на незнакомца.

– Что?

Дверца кареты гостеприимно распахнулась, и в эту минуту из-за угла показались преследователи с оружием наготове. За ними, спотыкаясь, ковылял четвертый – тот, которого Гейбриел сбил с ног в переулке.

– Садитесь, пожалуйста, милорд, – гостеприимно пригласил кучер.

Гейбриел не мог отказаться от подарка судьбы. Он прыгнул внутрь и захлопнул дверцу. Карета тронулась. В окно он видел, как преследователи смотрят вслед удаляющемуся экипажу.

– В другой раз, джентльмены! – крикнул Гейбриел, со смехом откидываясь на мягкие бархатные подушки. Вот так возвращение на родину!

Впервые за весь вечер Гейбриел вздохнул свободно. Он направлялся в самый лучший клуб, где играли в карты, но так и не добрался до него. В свое время он встречал людей, не умеющих достойно проигрывать, но ни один не мог сравниться с Барретом, его гневом и ненавистью.

Конечно, мало кто проигрывал столько, сколько Баррет! Имение на юге Англии, земельная собственность, достаточная для того, чтобы вернуть положение в обществе обнищавшему младшему сыну, «паршивой овце», с позором покинувшему Англию несколько лет назад.

Гейбриел давно ждал случая достойно, с деньгами по-

явиться перед своей семьей и наконец доказать своему отцу и родственникам, что он совсем не тот жалкий неудачник, каким все его считали. Он поклялся, что никогда не явится с поджатым хвостом, нищим и опозоренным. Ему не нужны их подачки!

Гейбриел невольно сжал кулаки. Нет, он вернется, если добьется успеха, или не вернется никогда. Собственное имение и красивый дом в городе изменят всю его жизнь. Если он успеет получить свой выигрыш.

Баррет, проигравший в карты родовое право, нашел страшный способ не отдавать долг чести.

Мертвым трофеи не нужны.

Но Гейбриел не собирался умирать ради чьего-то удовольствия. Иначе он не скитался бы долгие годы по окраинам цивилизованного мира, существуя только за счет сообразительности, обаяния, красивой внешности и математического склада ума, помогавшего ему за карточным столом.

Он снова посмотрел в окошко на изменившийся облик Лондона. Вот заново отделанный особняк, новый магазин с выставленными в витринах элегантными дамскими шляпами, украшенными страусовыми перьями и изящными шелковыми розами. Улицы освещены намного лучше, чем во время его первого посещения, когда он был еще мальчиком, газовые фонари горели ярче масляных.

И сам Гейбриел тоже изменился, вероятно, еще больше, чем город и страна, с тех пор как он их покинул. Син-

клер взглянул на свои загорелые руки с длинными сильными пальцами, они даже отдаленно не напоминали пухлые белые ручки мальчика, изгнанного отцом из родного дома и лишенного наследства. Возвратился мужчина, готовый занять свое место в обществе и уже не нуждающийся в отцовском благословении.

Карета замедлила ход, чтобы пропустить старомодную колымагу, загородившую дорогу, и Гейбриел услышал ругательства кучера и скрип колес. Он, прикрыв глаза, улыбнулся. Эти ругательства звучали слаще музыки Моцарта – ведь они звучали по-английски, а не по-французски, не по-немецки, не по-испански и не на одном из диалектов Вест-Индии. А уличные запахи? Запах конского навоза, мокрого кирпича и лошадиного пота – это запахи Лондона, а не острые ароматы тобагосского рынка или вонь гниющей воды венецианского канала! Наконец-то он дома, и на этот раз... на этот раз никто не посмеет его выгнать!

«Куда же привезет меня карета?» – подумал Гейбриел. Его это не особо волновало, поскольку на время он избавился от своих преследователей. Судя по тому, как они старались, им пообещали солидную награду. Зная, какую выгоду получит от его гибели Баррет, Гейбриел не сомневался в щедрости своего врага.

А где же настоящий маркиз Таррингтон? Все еще в театре, ухаживает за какой-нибудь смазливенькой актрисочкой в маленькой примерной? Он будет недоволен, что кучер по-

добрал не того человека. Но почему же слуга не узнал своего хозяина? И почему человек, которого Гейбриел толкнул, принял его за этого Таррингтона? Здесь таилась какая-то загадка, но Гейбриел и сам был большим любителем интриг.

Карета снова замедлила ход. И на этот раз остановилась перед внушительным зданием, из которого выбежали лакеи, спешившие открыть дверцы кареты.

«Сейчас меня разоблачат», – подумал Гейбриел. Он еще не знал, как поступит, но надеялся, что ему в очередной раз повезет. С легким волнением Синклер поправил галстук и вышел из кареты. Когда он ступил на неровные камни мостовой, лакеи, как ни странно, несколько не удивились.

– Ваша милость! – Слуга поклонился и отступил в сторону, открывая Гейбриелу дорогу к великолепному дому, возвышавшемуся перед ним. Высокие окна светились, бросая лучи света на темную улицу. До Гейбриела доносились звуки фортепьяно и приглушенные голоса.

Он медленно поднялся по широким ступеням. Значит, этот дом не принадлежит маркизу, и внутри собралось довольно большое общество. Его привезли сюда как гостя. Сможет ли он, Гейбриел, притворяться еще какое-то время? «А почему бы и нет?» – подумал он. Гейбриел всегда любил хорошее общество.

Кивнув ливрейному лакею, встретившему его в передней, он задержался у большого зеркала. Спасаясь бегством, Гейбриел потерял шляпу, но его темные волосы были в порядке,

а одежда, несмотря на то что он побывал в грязном переулке, выглядела безупречно. Смахнув невидимую пылинку и разгладив лацканы, Синклер расправил плечи и приготовился подняться по лестнице на следующий этаж, откуда доносились голоса и звон бокалов.

Господи, ему сейчас просто необходим бокал вина! Гейбриел надеялся, что хозяин разбирается в винах и у него хороший винный погреб. От пережитой опасности у Гейбриела пересохло в горле, и ему страшно хотелось пить.

Очевидно, все гости уже собрались, и он поднимался по лестнице в одиночестве. Самое неприятное, что ему грозит – это устремленные на него глаза всех присутствующих, когда он войдет в широко распахнутые двери. Если повезет, он сможет на некоторое время затеряться в толпе и насладиться бокалом бургундского, пока не придется снова спастись бегством. Ему столь часто приходилось так поступать, что бегство казалось обычным делом. Только на этот раз его целью была не легкая победа или крупный карточный выигрыш. На этот раз его целью было состояние, которое он получит, если выживет. Ему надо кое-что доказать отцу, брату, остроносым теткам и, вероятно, самому себе.

С такими мыслями Гейбриел придал лицу выражение благородной невозмутимости и приветливой любезности и переступил порог.

Ничего не спрашивая, лакей громко провозгласил:
– Маркиз Таррингтон.

Разговоры смолкли, и все присутствующие повернулись в его сторону, а в дальнем конце зала пожилая дама поднесла к глазам лорнет и пристально посмотрела на него.

Гейбриел ждал, что кто-нибудь крикнет: «Самозванец! Это не маркиз!»

Но ничто не нарушило тишины. Он быстро оглядел рядную толпу и встретился взглядом со стоявшей поодаль женщиной. На мгновение у него перехватило дыхание.

Она была высокой – высокой для дамы, – стройной и великолепно сложенной, ее прекрасную фигуру не могли скрыть мягкие складки голубого вечернего платья. Жаль только, что ворот платья был слишком высоким, Гейбриел не сомневался, что на ее грудь стоило посмотреть. Ее светлые волосы были забраны в строгий узел, а когда она окинула Гейбриела холодным взглядом своих голубых глаз, ее лицо осталось спокойным. Правильные черты, овал лица отличались классической красотой, но в ее холодных глазах он увидел скрытую страстность, о которой эта женщина, может быть, и сама не подозревала. Гейбриел, которого не зря на семи языках называли авантюристом, почувствовал таившуюся под чопорностью лаву, как зверь чувствует опасность.

На минуту Синклер забыл о своем ненадежном положении. Он пробудет здесь недолго и никогда больше не сможет любоваться этим чудным видением. Поэтому вспыхнувшее в нем влечение следовало потушить. Очень жаль, но ничего не поделаешь.

– Так это и есть, – громко прозвучал в тишине голос дамы с лорнетом, – твой таинственный жених, с которым ты наконец соизволила познакомиться свою семью?

Гейбриелу потребовалось все его хладнокровие, чтобы скрыть изумление. Он лишь моргнул, но сохранил на лице выражение вежливого равнодушия. Жених? Попалась птичка. Он уже обдумывал путь к спасению, когда белокурая богиня заговорила.

– Добро пожаловать, милорд, – сказала она.

Глава 2

Психее Персефоне Хилл было тоскливо. Последние полчаса ее жизни превратились в адские муки. Кузен Перси то и дело наклонялся к ее плечу, пытаясь весьма нескромно заглянуть в вырез платья; туфли жали, а жених опаздывал на собственную помолвку.

И сейчас, подавив раздражение, она шагнула вперед, с радостью избавляясь от назойливости Перси, и направилась к человеку, который должен был навсегда изменить ее жизнь.

От него требовалось лишь выполнять ее приказания.

Горничная, обговаривавшая условия с второразрядным, никому не известным актером, сказала, что он высокий, темноволосый и довольно приятный на вид. Психея никогда не сомневалась в зоркости своей служанки, но если Симпсон решила, что этот человек всего лишь «довольно приятен на вид»...

Изобразив на лице радостную улыбку, она протянула затянутую в перчатку руку высокому незнакомцу. С каждым шагом Психея все больше ощущала беспокойство, как будто приближалась к какому-то источнику невероятной, неведомой силы, скрытой под обычным вечерним костюмом. Глядя в темные, настороженные и насмешливые глаза, устремленные на нее, она неожиданно смутилась. У нее возникло безумное желание отдернуть свою руку прежде, чем он при-

коснется к ней. Психея переборола себя и уверенно подошла к гостю.

Вблизи он оказался еще выше. Густые черные волосы, темные глаза глубокого синего цвета, а не карие, как она подумала сначала, и – весьма странно для аристократа – смуглые черты лица. На четко очерченных губах – восхищенная улыбка, позволявшая видеть его ровные белые зубы; небольшой шрам на твердом подбородке. Психея решительно сделала последний шаг навстречу своему будущему.

– Вы опоздали, – сказала она, стараясь скрыть недовольство.

Он изогнул темную бровь.

– Дорогая, я не знал, что требуются мои услуги.

Он взял ее руку и, повернув ладонью вверх, поднес к губам. Не ожидавшая такого проявления близости, девушка чуть не вскрикнула, когда жар его поцелуя обжег ей ладонь. Она вырвала руку.

Неужели все актеры так развязны? Без сомнения, он привык к женщинам легкого поведения, а не к благовоспитанным девицам, которые имеют веские причины соблюдать приличия. Психея глубоко вздохнула и попыталась успокоиться.

Кокетливо опустив ресницы под взглядами присутствующих, ожидавших, как она отнесется к проявлению любви со стороны своего будущего мужа, Психея торопливо произнесла тихим голосом, не соответствовавшим ее кроткой улыбке:

– Вы знаете, что ваши услуги нужны, иначе вас здесь не было бы. Так ведите себя прилично и получите, что вам причитается.

Глядя на нее из-под густых черных ресниц, Гейбриел усмехнулся.

– Видит Бог, я люблю женщин с характером.

Надеясь, что никто не слышал его возмутительного замечания, девушка подхватила его под локоть и ущипнула сквозь дорогое тонкое сукно. «Неужели все актеры так хорошо одеваются? – подумала она. – Должно быть, они неплохо зарабатывают на сцене!» Психея надеялась, что он не пользуетесь большим успехом, как заверяла ее горничная, иначе кто-нибудь из родственников может узнать его, и тогда ее гениальному и крайне рискованному плану придет конец.

В ответ на ее щипок у него лишь слегка напряглись бицепсы. Неужели все актеры так хорошо сложены? Этот чуть прищурил свои невероятно красивые глаза. Психея чувствовала исходящий от него мужской запах мыла и прекрасного одеколona и чуть заметный запах улицы, как будто он слишком долго бродил по задворкам. Это больше подходило для какого-нибудь незаметного служителя подмостков. Психея приказала себе успокоиться: вся семья с любопытством пристально следила за ними.

Она услышала, как у нее за спиной кто-то кашлянул. Психея и актер обернулись и оказались лицом к лицу с двумя мужчинами, смотревшими на них с почти одинаковым вы-

ражением.

– Это дядя Уилфред, милорд, – поспешила она представить их друг другу. – Мой добрый опекун, который горячо заботится о моих интересах после смерти моих родителей. – Если и была ирония в ее словах, то казалось, ее никто не заметил. – А это, конечно, его сын и мой кузен, Перси.

Ни один из них не протянул руки, поэтому ее подставной жених ограничился легким кивком.

Отец и сын были ниже актера. Лысину дяди Уилфреда окружали седые волосы, и такая же лысина проглядывала сквозь редющую шевелюру его сына. Добротная одежда хорошего покроя не скрывала их толстых животов, свидетельствовавших о волчьем аппетите и малоподвижном образе жизни. Круглые лица обоих джентльменов выражали открытую неприязнь.

– Никогда не слышал о таком титуле, Таррингтон, – грубо заметил дядя. – Кажется странным, а?

– Действительно, наш род стар, но, к сожалению, ничем не прославился, – признался актер.

Позади Психеи кто-то коротко засмеялся и умолк. Но это было только начало!

– И почему это наша семья должна считать вас подходящим женихом для нашей любимой племянницы? – грозно спросил дядя Уилфред.

– Потому что я буду лелеять ее, сделаю счастливой, и у нас будет много красивых детей, – как бы отвечая на загадку,

весело заявил актер.

Пухлые щеки Перси налились кровью, а его отец сердито свел брови.

– Вы слишком дерзки! У нас уже давно имеются планы на будущее нашей дорогой Психеи. По правде говоря, вот Перси...

– Который всегда был для меня дорогим братом, – перебила Психея, понимая, что за этим последует, – и я уверена, он желает мне счастья.

– Н-ну, да, – пробормотал Перси. – Но, черт побери, ты же знаешь, что я... что я тебе не родной брат, Психея.

– Пожалуйста, Перси, не забывай, что ты джентльмен! – Стоявшая неподалеку тетя Мэрис сердито посмотрела на него. – Нам не нужны такие выражения в присутствии дам.

– Да, тетя Мэрис. – Перси вынул платок и отер вспотевший лоб. – Конечно, нет, простите меня... Но мы с Психеей... мы всегда... Психея, ты же знаешь... черт...

Она слишком хорошо обо всем знала и не желала снова слышать заученные заверения в любви. Психея решительно повернула актера лицом к остальным членам семьи, ожидавшим, когда их представят.

– Это моя кузина Матильда, – указала она, – и моя тетя Мэрис.

Актер поклонился обеим дамам – и, Боже, с какой грацией! Психея вдруг подумала, что он, должно быть, прекрасно танцует. Как бы она чувствовала себя в его объятиях,

кружась в вальсе?.. Девушка резко оборвала себя. Если все пройдет благополучно, она больше никогда его не увидит. Он находится здесь по одной-единственной причине, и причина эта не имеет никакого отношения к танцам.

Он говорил какие-то любезности ее родственникам, и Психея прислушалась.

– Ничего удивительного, что Психея так наделена красотой и элегантностью, – говорил этот человек. – Я вижу, что это не чуждо и другим членам ее семьи.

Психея пристально посмотрела на Гейбриела, и кузина Матильда тоже с сомнением смотрела на него, словно подозревала, что он смеется над ними. Матильда была толстой и пухлой, как откормленная куропатка, с короткой шеей и неприлично красными щеками. А Мэрис, с подозрением изучавшая новоявленного маркиза, была худой и сухонькой, как старая индейка, которую забыли вовремя зарезать.

– У вас прекрасные глаза, кузина Матильда, – продолжал Гейбриел, – такие чистые и глубокие, как горное озеро.

Боже мой, так оно и есть, почему же она не замечала этого раньше? Глаза Матильды светились зеленовато-коричневым цветом, как гладкая поверхность глубоких вод, так и сказал актер. Психея увидела, что Матильда еще больше покраснела от удовольствия, а Мэрис сдержанно кивнула в знак одобрения.

– Благодарю вас, – прошептала Матильда. – Вы слишком добры.

А на обычно суровом лице тети Мэрис появилась улыбка.

– Всего лишь наблюдателен, – небрежно ответил он, улыбувшись.

«Если я не уведу его, Матильде захочется самой выйти за него замуж», – с усмешкой подумала Психея. Но, подводя его к другой группе родственников, взглянула на него с большим уважением.

– Вы были великодушны, – тихо сказала она. – Матильда не привыкла к комплиментам, но у нее очень нежная душа.

– Каждая женщина красива, – прошептал Гейбриел в ответ. – Если умешь видеть.

Не смотрел ли он опять на ее фигуру, скрытую платьем? Почему-то в его взгляде не было того похотливого вожделения, которое Психея всегда замечала у Перси, и она не чувствовала привычного отвращения. В обществе этого человека женщина чувствовала, что он искренно восхищается ею, и...

Психея старалась собраться с мыслями. Такая лесть – самая опасная, убеждала она себя. Обманщик-маркиз обменялся любезностями с остальными родственниками, собравшимися на его помолвку, и Психея чувствовала, как постепенно меняется атмосфера в зале: он очаровывал женщин и уверенно смотрел в глаза мужчинам.

В дальнем углу, выпрямившись, сидела в большом кресле, напоминавшем трон, женщина с седыми волосами, и Психея, хорошо знавшая свою двоюродную тетку Софи, понимала,

что ее суждение будет решающим.

– Что бы она ни говорила, не спорьте с ней! – шепотом предупредила Психея, подводя его к последнему и, если не считать дядю Уилфреда, самому грозному члену семьи. – Проявите уважение. Говорите как можно меньше, как я вам и писала.

– Это моя двоюродная бабушка Софи, о которой я вам много рассказывала, – повысив голос, сказала Психея.

– Так вот кто вскружил голову моей неприступной племяннице! – Старая дама направила на него лорнет. – Никогда не думала, что такое может произойти. У вас красивое лицо, но какое это имеет значение? Должно быть, в вас есть что-то помимо этого.

– Конечно. – Гейбриел склонился в изящном поклоне и поднес протянутую ему руку к губам. – Почему же еще дорогая Психея приняла мое предложение?

– Значит, вы не гонитесь за ее богатством? – резко спросила тетя Софи, отнимая руку.

– Разумный человек никогда не возражает против богатства, – улыбнулся он.

Психея прикусила губу, ожидая взрыва негодования. Но старая дама неожиданно засмеялась.

– По крайней мере, вы не притворяетесь, – сказала она. – Я думала, что, может быть, вы одурманили мою племянницу всякой романтической чепухой о ее небесно-голубых глазах, розовых, как лепестки, губках и прочей ерундой.

– О, я увидел в ней не только глаза и губы, – заверил их обоих нанятый жених, устремляя взгляд на закрытый лиф и грудь, скрытую под бледно-голубым шелком.

Психея вспыхнула и попыталась снова ущипнуть его за руку, но поняла, что он был к этому готов и не почувствовал боли. Кем бы ни был этот актер, но соображал он быстро.

Тетя Софи снова усмехнулась.

– Может оказаться, что вы нам подходите, – снисходительно сказала она, удивив своим тоном Психею. – Может оказаться, что вы нам подходите, лорд Таррингтон.

Психея, все еще сердясь на актера за его возмутительное поведение, изумленно смотрела на свою тетку.

Вопреки всему ее план удался! Она с облегчением вздохнула, вспоминая, как отчаяние заставило ее придумать такой невероятный выход.

Причиной был кузен Персивал, который с самого начала сезона буквально прилип к ней, следя за каждым ее шагом. Если она приезжала на званый вечер или бал, он тут же оказывался рядом с ней. Если она выезжала за город, чтобы побыть на свежем воздухе, он ждал там, безжалостно погоняя степенную лошадку, чтобы не отставать от своей храброй кузины. Он бросал свирепые взгляды на предполагаемых соперников и даже, не обращая внимания на попытки освободиться от него, хватал ее за руку при приближении любого холостяка, восхищавшегося красотой Психеи или оказывавшего ей слишком много внимания. И такая настойчивость

приносила свои плоды. Ряды ее поклонников редели, и Психея понимала, что с каждым годом их число будет уменьшаться.

Перси, как бы она ни сопротивлялась, без труда становился ее тенью. Они получали приглашения на одни и те же вечера и балы. Семья ее отца гордилась своим безупречным происхождением, хотя обладала скромными средствами. Только ее хорошо образованный отец со своей склонностью к необычным экспериментам и новым изобретениям сумел сколотить большое состояние, удачно вложив деньги после финансового кризиса. За этим богатством и охотился дядя Уилфред – еще когда его брат был жив. Теперь же Уилфред со своим невыносимым олухом-сыном считали, что богатство у них в руках. Оставалось только убедить Психею выйти замуж за кузена.

Однако несмотря на огромное желание получить финансовую независимость, она не могла заставить себя сделать этот шаг. Когда Перси брал ее руку в свои пухлые влажные ладони, ей хотелось оттолкнуть его. Психея никогда не целовала его, но от одного только взгляда на мокрые розовые губы Перси ее тошнило.

В точно сформулированных в завещании отца условиях оговаривалось, что наследство остается под опекой до тех пор, пока она не будет обручена. Но даже жажда свободы, которую предоставил бы ей брак, не могла победить отвращения к кузену.

И когда две недели назад в саду графини Шрусбери он загнал Психею в колючие кусты остролиста, ей пришлось прибегнуть к крайним мерам.

– Пожалуйста, кузина, – просил Перси, ловя руку Психеи. – Ты же знаешь мои чувства...

– А ты знаешь мои чувства, Перси. Мы сто раз говорили об этом. Я не могу выйти за тебя замуж. Я не люблю тебя, – твердо заявила Психея, пряча руку за спину.

Только брачный обет отделял Перси от огромного состояния Психеи, и он становился невероятно настойчивым.

– Да ладно, кузина, я понимаю твою девичью нерешительность, так и положено, но тебе пора выслушать мои признания. Ты превращаешься в старую деву. Тебе двадцать пять, и это... твой седьмой сезон? Лучше прими мое предложение: это может оказаться твоим последним шансом.

– Перси, я еще не на смертном одре. И я не жеманничаю!

– Конечно, жеманничаешь, – возразил он. – Ты всегда соблюдала приличия, не то что твоя мать, которая...

Очевидно, он заметил, как гневно вспыхнули ее глаза, и торопливо заговорил:

– То есть я глубоко уважаю твою мать, но разъезжать по окрестностям и навязывать свои странные идеи порядочным женщинам...

– Перси, ты говорил обо мне, – напомнила ему Психея и тотчас же пожалела об этом, ибо он снова протянул к ней руку. Она хотела отойти в сторону, отступая от колючего ку-

ста, острые листья которого цеплялись за ее шелковое платье, но натолкнулась на край каменной скамьи. От боли у нее подогнулись колени, и она опустилась на скамью. Перси этим воспользовался.

– Правильно, я говорил о нас. Дорогая, дорогая Психея, ты должна позволить мне выразить мою неугасающую любовь. – К ее ужасу, он опустился на колени на мокрую траву, крепко сжимая ее руку.

– Сейчас же встань, Перси! О нас станут судачить. К тому же ты испортишь свои лучшие панталоны.

При мысли об испорченной одежде он поморщился, но с колен не поднялся.

– Мне все равно, что будут говорить, – с наглым видом заявил он. – Я хочу, чтобы все знали о моих чувствах.

В обществе уже болтали, что ее жадный дядюшка не позволит ей выйти замуж за кого-либо другого. Что же ей сделать, чтобы получить хоть какую-то независимость, не связывая свою жизнь с этим рохлей? Казалось, выбора не было. Кто посмеет подойти к ней, когда Перси сторожит ее, как собака кость? И все же...

Брак с Перси освободит ее от опеки, убеждала она себя, стараясь найти силы согласиться. Если ей повезет, его вожделение после свадьбы быстро угаснет, не встретив ответа с ее стороны. И тогда она сможет позаботиться о Цирцее. Однако...

После свадьбы муж будет по закону распоряжаться ее до-

ходами. А Перси такой же скряга, как и его отец. Нет, брак с кузеном не выход из положения, сказала она себе с облегчением, ибо при мысли о Перси, прижимающемся к ее телу, у нее по коже пробежали мурашки. Она снова попыталась высвободить свою руку.

– Перси, я не могу выйти за тебя замуж!

– Это почему? – Он наклонился к ней, вытягивая губы. Боже, он хочет ее поцеловать!

– Потому что я уже помолвлена! – отрезала Психея и замолчала, пораженная не меньше своего кузена, который выпучил глаза и стал похож на испуганную жабу. Он отпустил ее руку и поднялся на ноги.

– Что ты говоришь, помолвлена? С кем? Я тебе не верю!

– С маркизом Кар... Тар... с маркизом Таррингтоном, – в отчаянии заявила она. – Я познакомилась с ним в Европе, когда прошлым летом ездила туда с тетей Софи и сестрой.

– Ты говорила, что ездила, чтобы показать Цирцее знаменитые музеи, – возразил с негодованием Перси, выражение обиды на его лице было почти комичным.

– Мы в них и ходили, – ответила она. – Он большой любитель искусства, этот маркиз.

– Француз? Ты хочешь выйти замуж за проклятого француза? – Ее кузен никак не мог переварить свалившуюся на него новость. – Это невозможно, отец никогда этого не допустит.

– Он, конечно же, англичанин, только живет в Европе, –

пояснила Психею, пытаясь сообразить, как сделать эту историю более правдоподобной. – А когда дядя Уилфред познакомится с маркизом, я уверена, он увидит, что это подходящий для меня жених.

– Никогда! Я поговорю с отцом, – угрожающим тоном сказал Перси. – Он запретит тебе!

И Перси ушел, оставив Психею размышлять. На следующее утро она послала записку мистеру Уоткинсу, поверенному их семьи. Он принял ее в своем кабинете с темными деревянными панелями, налил чай в тонкие фарфоровые чашки и сказал:

– Моя дорогая Психея, вы знаете, что я не могу освободить вас от опеки, как бы вам этого ни хотелось. Ваш отец только хотел защитить вас...

– Защитить меня? Не знаю, чего он хотел, но он отдал меня прямо в потные руки Перси, – возразила Психея. Они десятки раз обсуждали это и копались в сложном языке документов. – Нет, по-моему, я нашла лазейку!

Он протянул ей чашку и тарелочку с ломтиками лимона.

– Что вы хотите сказать? – осторожно поинтересовался поверенный.

– Найдите шестую страницу, – попросила Психея, – где говорится, что я получу половину наследства после помолвки.

– Ах да. – Мистер Уоткинс отыскал нужную страницу. – Ваш отец желал, чтобы у вас было достаточно средств на

покупку свадебного платья и подготовку свадебной церемонии, поскольку знал скупость своего брата, то есть склонность Уилфреда к экономии...

– Так, а теперь возьмите восьмую страницу. Дядя имеет право помешать нежелательному браку, но здесь не говорится, что он имеет право запретить помолвку!

Этот гениальный по своей простоте план пришел ей в голову накануне ночью, когда она, ворочаясь, не могла уснуть, обеспокоенная все возрастающей наглостью Перси.

Поверенный надел очки и перечитал тяжеловесные фразы документа.

– Возможно, вы вправе это и так истолковать, но...

– Мне не надо ничего истолковывать, тут так написано! – Психея в волнении сжала руки.

– Даже если это и так, дорогое дитя, то какая вам от этого польза, если вы никогда не сможете выйти замуж?

– Я буду распоряжаться половиной своего состояния! – воскликнула она, раздраженная его медлительностью. – Это намного, намного больше, чем сейчас мне дает дядя Уилфред. Я смогу нанять учителей живописи для Цирцеи, мы сможем путешествовать. Я смогу делать все, чего не позволяет мне дядя за мои же деньги!

Поверенный задумался. Свобода, закрыв глаза, думала Психея. Свобода от преследований кузена, свобода от указаний дяди.

– Но это бессмысленно! Ни один жених не согласится на

такие условия, – сказал поверенный, – обручение и никакой свадьбы.

– О, я знаю одного, который согласится, – заверила его Психея, понимая, что глаза выдадут ее.

Мистер Уоткинс, прищурившись, изучал ее сквозь очки. Помолчав, он только сказал:

– Будьте осторожны, моя девочка.

Психея ехала домой, сияя от счастья. Наконец она нашла способ вырваться из клетки. Она навеки будет обручена с таинственным маркизом, созданным ее воображением, и никто больше не будет указывать ни ей, ни Цирcee, что они должны делать.

Это было великолепно...

Если не считать того, что дядя, когда Перси сообщил ему новость, захотел посмотреть на человека, устроившего неожиданную тайную помолвку. Психея испугалась, что ее план рухнет, но затем решила нанять кого-нибудь, чтобы тот сыграл роль маркиза. Ей всего-то требовался приличного вида жених, который появится на один вечер, а затем таинственный маркиз снова исчезнет за Ла-Маншем, а она будет распоряжаться собственными деньгами...

Ради этого стоило провести несколько бессонных ночей, обдумывая детали плана. Психея отправила горничную в театр, чтобы та подобрала подходящего на эту роль актера, пообещав ему содержание за три месяца. Симпсон доложила, что все слажено.

Правда, Психея не ожидала, что неизвестный актер будет выглядеть и вести себя, как этот высокий человек с прекрасной фигурой и таким поразительно красивым лицом. И если он так хорошо играл свою роль, то почему не пользовался успехом в театре? Сегодня она могла бы поклясться, что он и в самом деле джентльмен. Но какое это имело значение, когда все получилось, получилось так, как она задумала!

Радуюсь успешному осуществлению самого безумного плана, какой только она могла придумать, Психея вспомнила своих родителей, которые при всей их эксцентричности не позволяли себе так, как она, пренебрегать условностями. Внезапно ее размышления были прерваны.

Один из родственников приглашал ее «жениха» к себе на вечер. Не было ли и других приглашений? Ей следует быть внимательнее.

– Нет-нет, его уже здесь не будет, вы ведь уезжаете, милорд? – поспешно вмешалась она.

– Как, уже покидаете свою будущую жену? Мы должны как следует принять жениха нашей дорогой Психеи. А вы, милорд, уж конечно, не очень спешите в Европу?

– Совсем не спешу, – ответил актер, улыбаясь Психее хищной улыбкой. Он насмешливо смотрел на нее, показывая белые зубы. – Я не собираюсь огорчать свою невесту скорым отъездом. – Он повернулся к мужчинам и наклонился, как бы делаясь с ними секретом. – Она, знаете ли, не переносит долгой разлуки со мной. Плачет, пока глаза не покраснеют и

не опухнут от слез, ужасно. – Он поморщился, словно представил себе распухшее лицо Психеи.

К ее досаде, мужчины закивали и с сочувствием посмотрели на Психею, ожидая, что она тут же разразится рыданиями.

Невероятно! Они знали ее всю жизнь и никогда не видели в истерике. И в то же время воспринимали слова этого наглого актеришки как непреложную истину. Ее мать была права. Все мужчины, собравшись вместе, становятся дураками.

– Но я никогда в жизни... – пыталась протестовать Психея, чувствуя, как краснеет от возмущения. Он предупреждающе сжал ее локоть, но девушку заставило замолчать не его прикосновение, а неожиданно возникшая тревожная мысль. Не станет ли этот негодяй шантажировать ее, требуя еще денег, не в этом ли все дело?

– А можно спросить, сынок, как твое полное имя? – поинтересовался пожилой мужчина.

Актер улыбнулся:

– Конечно, дядя Октавиус. Мы же в своей семье. Меня зовут Гейбриел Синклер, маркиз... – он взглянул на застывшую в ужасе Психею, – маркиз Таррингтон.

Глава 3

Вечер, начавшийся для Психеи, радовавшейся успеху своей затеи, вполне благополучно, теперь потерял для нее всякую привлекательность. Онемев от изумления, она слушала, как самозванный маркиз с удовольствием принимает приглашения от ее совсем недавно враждебно настроенных родственников. Околдовал он их всех, что ли? Каким же чудовищем оказался этот человек, никому не известный актеришка, чьи способности она, на свою беду, недооценила?

Когда дворецкий объявил, что обед подан, тетя Софи и дядя Уилфред возглавили процессию, направившуюся в столовую. За ними торжественно шествовали пожилые знатные леди со своими кавалерами и маркиз с Психеей. За столом она с облегчением обнаружила, что маркиза, несмотря на его положение жениха, не посадили рядом с ней. Возможно, Перси подкупил дворецкого. Стараясь собраться с мыслями, она невольно напрягала слух, пытаясь понять, что вызывало такой веселый смех на другом конце стола.

Что он им рассказывал, какие фантастические истории о своих путешествиях и приключениях? До нее доносились лишь обрывки разговора, который казался самым веселым и занимательным за этим длинным столом. Неужели фигляры так много путешествуют? Нет, его забавные истории, конечно, всего лишь выдумки. И что произойдет, когда его разоб-

лачат, а это становилось все более вероятным? Психея боялась, что с ней впервые в жизни случится истерика.

Несмотря на соблазнительные деликатесы, лежавшие на ее тарелке, у нее полностью пропал аппетит. Спазмы в желудке заставили Психею отодвинуть сое из шампиньонов. Не наказывает ли ее Бог за то, что она пренебрегла правилами поведения, которых всегда старательно придерживалась? Она уже отчаянно сожалела о своем поступке.

Как только актер, который, должно быть, уже достаточно выпил, выдаст себя, его разоблачат как обманщика, и она останется во власти дяди. Тогда, чтобы избежать громкого скандала, ее заставят выйти за Перси.

О, что же она наделала? Психее стало нехорошо. Цирцея останется совершенно беспомощной, она подвела свою маленькую сестричку, и им обоим грозит позор. И все потому, что какой-то наглый актер не желает сидеть тихо и играть свою роль или, напротив, играет ее слишком хорошо.

За столом почти все умолкли и, не смущаясь, слушали истории и шутки, которые так свободно и увлекательно рассказывал этот человек. Его болтовня сопровождалась взрывами смеха тех, кому посчастливилось оказаться рядом с ним.

Сидевший рядом с ней Перси сердито тыкал вилкой в кусок жареной свинины.

– Не могу понять, как ты могла отдать предпочтение явному мошеннику...

Психея испугалась, что упадет в обморок.

– Что ты говоришь? – чуть слышно спросила она.

– Я говорю, что все эти очаровательные манеры – одно притворство. Ему нужны только твои деньги. Как ты могла увлечься этим охотником за приданым?

Психея немного успокоилась.

– Это неправда, – сказала она, стараясь убедить кузена, что верит собственным словам. Но в душе она боялась, что Перси прав и этого актера интересуют не только обещанные ею деньги, а и возможность получить нечто большее. Если это так, то он просто обезумел, войдя в эту роль и не думая о последствиях для них обоих в случае провала.

– Не понимаю, как ты могла предпочесть такого вертопраха своему родному кузену, которого знаешь всю жизнь. – Перси бросил вилку, и его глаза сузились от злости. На его подбородке остались следы подливки, а салфетку покрывали пятна и крошки.

Она посмотрела на него и с трудом сдержала раздражение.

– Я знаю, это трудно понять, Перси. Но всем известно, что женщинам свойственны капризы.

Как и всегда, Перси не заметил иронии.

– Ты совсем потеряла голову, Психея, а я-то думал, что ты не унаследовала безрассудства своих родителей.

Девушка сердито взглянула на него, и он попытался исправить положение:

– То есть ты всегда уважала требования общества, вела себя прилично, а не как... некоторые. Но этот, этот... да он

просто фат, Психея. Я думал, ты умнее! – От негодования Перси сорвался на крик.

Психея посмотрела в ту сторону, где сидел ее «жених». В нем она не увидела ничего фатовского: безукоризненного покроя черный фрак, белоснежный галстук – все говорило о хорошем вкусе. Единственным украшением был перстень с печаткой, но никаких брелоков, золотых цепочек или бриллиантовых запонок, подчеркивавших богатство или особый вкус их обладателя. Он действительно выделялся из толпы, но едва ли в том была его вина. Казалось, темные волосы, смуглая кожа должны были делать его похожим на обычного рабочего, но, как ни странно, они только подчеркивали красоту его лица и светившихся умом темно-синих глаз. Нет, такой актер не мог оставаться незамеченным публикой!

Казалось, он загипнотизировал всю ее семью. Или почти всю, ее двоюродного дедушку Эрнеста интересовал только его пудинг. Психея отвернулась от Перси и стала слушать своего «жениха».

Он рассказывал какую-то невероятную историю об игорных притонах на одном из островов Вест-Индии – не там ли он приобрел этот загар? Кто-то пытался обыграть его, и он под хохот остальных игроков раздел до пояса этого шулера, чтобы показать карты, спрятанные у того в рукаве.

– И когда я сорвал с него рубашку, посыпался целый дождь из королей, дам и валетов всех мастей, и тут этот негодяй Антонио сделал вид, что и понятия не имел, какая под-

кладка у его рубашки.

Все сидевшие за столом разразились хохотом, так смешно рассказывал актер. Даже Психея не сдержала улыбки.

Но тут один из ее кузенов, Мервин, имевший, как и ее отец, склонность к наукам, нерешительно кашлянул.

– Гм, я был на Барбадосе в прошлом году, когда ездил в Америку. Я, э... не помню такого клуба, о котором вы рассказываете.

В столовой повисла напряженная тишина. Психея почувствовала, что внутри у нее все сжалось в твердый комок. Вот оно – этот идиот слишком разболтался, и тайна сейчас откроется. Им конец!

Актер взглянул на молодого человека, осмелившегося усомниться в правдивости его рассказа, и что-то похожее на уважение мелькнуло в его синих глазах. Затем он поднял бокал с рубиновым вином и в раздумье отхлебнул.

– Эта часть города пользовалась дурной славой, кузен. Вероятно, вас не настолько интересовали людские пороки?

Но Мервин, хотя его худое лицо и побледнело, стоял на своем:

– Нет, думаю, я видел весь остров.

Некоторые родственники уже с подозрением смотрели на маркиза. Психея видела, что достигнутый успех рассыпается как карточный домик. О, что же ей делать?

Невероятно, но ее наемный жених улыбнулся:

– Этот клуб находился в стороне от главной дороги в Бри-

джтауне, позади небольшой гостиницы, и его владелицей была... э-э... женщина сомнительной репутации и многих достоинств. Ее звали Нэн, у нее были огненно-рыжие волосы, она носила крестьянские кофты и юбки, слишком прозрачные, чтобы скрыть ее прелести, обычно такого не увидишь ни на одном балу.

Глаза Мервина за стеклами очков заморгали, и его лицо, а затем и шея залились яркой краской.

– Э... да, – сказал он, не глядя на членов семьи женского пола. – Я... э-э... кажется, вспоминаю эту... леди.

Атмосфера сразу же разрядилась. Некоторые мужчины усмехнулись, а дамы напустили на себя суровый вид или прятали улыбки. Брат Мервина упрекнул его:

– А ты, братец, говорил, что путешествие было таким познавательным?

– Но так и было, – еще гуще покраснел Мервин. Многие рассмеялись, только мать Мервина нахмурилась.

Перси, с раздувающимися от гнева ноздрями, наклонился к Психее. От него пахло смесью чеснока и вина.

– Если тебе нравятся такие мужчины, то я ужасно в тебе разочарован. Ты хочешь отдать себя, свое будущее и свои деньги такому негодяю... Ну, видно, я тебя совсем не знал. – И довольный собой Перси принялся с ожесточением жевать жареную свинину.

Психея немного расслабилась, ей стало легче дышать. Но она резким тоном спросила Перси:

– Что же тебя больше беспокоит – мое будущее или мои деньги?

Перси, казалось, осознал, что допустил ошибку.

– Ты меня неправильно поняла, дорогая моя Психея.

– Нет, я прекрасно тебя поняла. Я не слабоумная.

Наконец тетя Софи сделала знак дамам, чтобы они удалились и предоставили мужчинам наслаждаться своим бренди и вонючими испанскими сигарами. Выходя из столовой, Психея не удержалась и бросила умоляющий взгляд на своего подставного жениха.

«Не переигрывай», – хотела попросить его она.

К ее возмущению, Гейбриел ответил холодным насмешливым взглядом. И более того, один темно-синий глаз подмигнул ей.

Ну и нервы у этого человека! Она убавит его вознаграждение за то, что он не выполняет ее указания. Психея неохотно вошла в гостиную. Теперь, когда женщины были одни, молодые дамы окружили ее.

– Расскажи же нам, как ты с ним познакомилась, – попросила кузина Матильда. – И каким он был внимательным и отзывчивым на каждую твою просьбу...

«Внимательным»? «Отзывчивым»? Да этот актер издевался над ней!

– Это, должно быть, самая романтическая история! – продолжала Матильда. – Я так рада, что ты встретила настоящую любовь, а не просто кузена, который...

– Который заботится о собственном кармане. Но я никогда не думала, что ты способна решиться на тайную помолвку, – недовольно сказала тетя Мэрис. – Я признаю, в этом человеке есть шарм, но достаточно ли хорошо ты его знаешь?

Измученная переживаниями во время обеда и терзаемая собственными сомнениями, Психея на этот раз растерялась. Помощь пришла с неожиданной стороны.

– Оставьте девочку в покое, – приказала тетя Софи. – Психея, подойди и сядь рядом со мной, дитя.

Психея опустилась на стул рядом с большим креслом, ножки которого были вырезаны в форме крокодильих лап. Во рту у нее пересохло от волнения, так она боялась начала допроса. Ее двоюродная тетка была поражена, узнав что в Европе, находясь под ее строгим присмотром, Психея втайне обручилась.

Но она снова удивила девушку.

– Теперь я вижу, что ты в нем нашла, – сказала тетя Софи, поднося к глазам лорнет и пристально глядя на Психею. – По-моему, он очаровал всех женщин нашей семьи, даже, – она взглянула на тетю Мэрис, сидевшую со свойственным ей недовольным выражением на лице, – даже Мэрис, хотя она и скрывает это. Мужчинам же недостаточно красивой внешности и прекрасных манер, они хотят убедиться в происхождении и благосостоянии маркиза, особенно это беспокоит твоего дядю Уилфреда.

– Но... – Психея совсем растерялась. Ну почему все так

сложно? А как хорошо было задумано! – Я думаю, у него... все родные умерли, поэтому он и уехал за границу, чтобы избежать воспоминаний.

– В самом деле? – Софи отмахнулась от лакея, принесшего на подносе наливку. – Нет, убери, не выношу этот напиток. Подай мне настоящего бренди, а не бурду, которую припас Уилфред. Одну из моих бутылок.

Когда слуга удалился, она продолжала:

– Я бы сказала, что он не из тех, кто может сбежать от воспоминаний. Хотя его имя кажется мне знакомым.

– Неужели? – слабым голосом спросила Психея.

– Сейчас не могу сказать, но я вспомню. А пока не доверяй ему свое сердце, девочка. На мой взгляд, уж очень он ловок!

– Сердце здесь ни при чем... – начала Психея и запнулась, ужаснувшись, что сейчас опровергнет всю придуманную ею историю любви с первого взгляда.

– Конечно, если ты всего лишь хочешь избавиться от Перси, что вполне понятно, – ничуть не удивившись, согласилась Софи. – Никто тебя за это не осудит, по крайней мере ни одна женщина. Поэтому я молчала, а не пыталась у тебя подробности, как ты познакомилась с этим таинственным маркизом. Но будь осторожна! Может быть, теперь тебе угрожает более тяжкая участь, чем та, которой ты хотела избежать.

Психея, потрясенная пронизательностью тетки, смогла только кивнуть. Все равно Софи не стала бы ее слушать. Пси-

хее оставалось лишь надеяться, что дядя Уилфред не столь проницателен.

Психея почти обрадовалась, когда к дамам присоединились мужчины, и с нетерпением ждала возможности отвести подставного жениха в сторону и поговорить с ним наедине.

– А теперь... – Она увлекла Гейбриела в нишу окна под предлогом, что ей хочется показать ему сад. – Что еще вам нужно?

Гейбриел улыбнулся. Он оглядел девушку с головы до ног и взял ее за руку, которую она под взглядами наблюдавших за ними родственников была вынуждена протянуть ему.

Он поцеловал ее пальцы, и Психея попыталась скрыть невольную дрожь, пробежавшую по ее телу. Сердце забилося сильнее, и она инстинктивно постаралась отодвинуться от него.

– Дорогая, здесь не место говорить об этом. Боюсь, твой девственный румянец...

– О, не надо меня дурачить, – перебила Психея, чувствуя, что и в самом деле краснеет. – Вы знаете, что я имею в виду. Сколько еще вам надо? Сколько денег? Я предупреждала, что ограничена в средствах, и вы не получите ни на полпенса больше.

Гейбриел взглянул на ее строгое шелковое платье, жемчужные серьги в изящных ушах и нитку дорогого жемчуга на белой шее. Этого было достаточно, чтобы выразить его недоверие.

Психея прикусила губу и отвела взгляд.

– У меня есть деньги, но я не имею к ним доступа. Пока не буду обручена, я не могу пользоваться собственными деньгами; дядя Уилфред дает мне понемногу, как двенадцатилетней девочке. А мне требуется больше!

– В самом деле... – Гейбриел вспомнил, что, перед тем как появилась карета, у служебного входа в театр он натолкнулся на худого мужчину в дешевом вечернем платье. Картина начала проясняться.

Все было очень просто. Она устроила эту помолвку не для того, чтобы скрыть позорное бегство жениха, исчезнувшего в последнюю минуту. Она не ждала ребенка, как он даже мог предположить. Не было, никогда не существовало никакого маркиза – она все это придумала!

Гейбриел посмотрел на нее с возросшим уважением.

– Какая изобретательность, – с откровенным восхищением сказал он. – Как же, черт возьми, вы собирались осуществить этот обман?

На мгновение Психея потеряла дар речи. Он восхищался ее планом? Меньше всего она заслуживала восхищения за свой дерзкий, нарушающий все приличия поступок. Что же он за человек?

Ему явно были не чужды обман или пороки, если верить его рассказам, а именно такой сама Психея никогда не хотела бы быть. Это означало пренебрежение всеми условностями, что было свойственно ее родителям... Она прогнала эту

мысль и вызвала в воображении серьезное личико Цирцеи. У Психеи была благородная цель. Чего она не могла бы сказать об этом негодяе.

Гейбриел наблюдал, как нарастает ее гнев, негодование лишает ее холодного самообладания и придает живости ее ясным голубым глазам. Он постарался скрыть улыбку.

– Конечно, я собиралась сделать это с помощью хорошего актера. Как вы думаете, почему горничная обещала вам так много? И если вы намереваетесь с помощью шантажа заставить меня заплатить вам больше, то будете весьма разочарованы. У меня денег нет, то есть сейчас, и они будут, только если мне удастся этот обман. – Она ткнула пальцем в его галстук. – И если вы будете нарушать условия, вы заплатите мне штраф. И получите меньше, а не больше!

– Какое суровое наказание, – с серьезным видом возразил Гейбриел. – И незаслуженное. Я – просто олицетворение приличий. – Он взял ее за руку.

– Приличия! – возмутилась Психея, пытаясь выдернуть руку. – Целовать мою ладонь – прилично? Подмигивать мне – прилично?

Гейбриел не хотел отпускать ее, восхитительно гладкая, нежная кожа возбуждала в нем желания. Он снова поцеловал ее ладонь.

Психея чувствовала прикосновение его теплых губ, его дыхание, и что-то пробуждалось в ней, какое-то незнакомое пугающее ощущение. Она всеми силами старалась сохранять

спокойствие.

– Сэр, не забывайте, где вы находитесь!

– Я наслаждаюсь обществом моей невесты и ее любящих родственников, – ответил он, с удовлетворением глядя на вспыхнувший на ее щеках румянец. – А что касается уменьшения оплаты, то я никогда не брал деньги за поцелуи, хотя мне это и советовали. Кроме того, мне не нужно больше денег.

– Тогда в чем же дело?

– Я всего лишь хочу войти в эту роль. Мне хотелось бы стать вашим женихом, моя дорогая. – Гейбриел нежно улыбнулся и еще раз поцеловал ее в ладонь, восхищаясь мягкой гладкой кожей. А такая ли у нее кожа в других, скрытых платьем местах? Ему хотелось погладить ее грудь и показать, как он может по-настоящему смутить ее.

Она и сейчас выглядела достаточно взволнованной.

– Н-но... – Психея старалась не замечать теплоту его руки.

– Я бы сказал, что, целуя руку своей невесты, я только оказываю ей внимание, и ничего больше.

– Это была шокирующая сцена.

– Шокирующая? – Глаза его весело блеснули. – Если такой поцелуй шокирует вас, Психея, то вам следовало бы одолжить у вашей тети нюхательную соль.

– Зачем? – недоверчиво спросила она.

– Затем, что сейчас с вами может случиться апоплексический удар.

С ловкостью, которой, несмотря на его возмутительную наглость, Психея от него не ожидала, он обхватил ее шею и притянул к себе. Только на мгновение их губы соприкоснулись, но от ощущения его близости она замерла и не ударила его по лицу, как он того заслуживал. Возможно, она слишком много выпила вина, и поэтому ее охватывал жар и кружилась голова. Конечно, это вино, а не свежесть его запаха и не тепло его прикосновения. Ни одна неуклюжая попытка поклонников обнять ее так не действовала на Психею.

Гейбриел посмотрел в затуманившиеся глаза Психеи, удивляясь самому себе. Невинный легкий поцелуй не мог заставить его сердце биться быстрее, чем во время побега через весь Лондон. Но оно билось! Он всего лишь хотел узнать вкус деликатеса, а теперь ему хотелось съесть все блюдо целиком.

Вероятно, его роль доставит ему больше удовольствия, чем он предполагал.

Психея обеими руками оттолкнула его и выглянула из-за драпировки. Только одна пара искоса поглядывала в их сторону, даже Перси увлеченно беседовал с ее дядями.

– Вы с ума сошли? – прошептала она. Гейбриел тряхнул головой.

– Должно быть.

– Вы ужасный распутник! Вы... вы... – Не найдя подходящего слова, чтобы выразить свое возмущение, Психея вышла из ниши, надеясь, что выглядит не слишком раскрас-

невшейся.

Гейбриел с ангельской улыбкой на смуглом лице не спеша последовал за ней.

– Ваше поведение, сэра... – снова попыталась она заговорить.

– Неприлично? – подсказал он.

– Да! Очень неприлично. Вы бессовестный негодяй, как и говорил Перси, и совсем не умеете себя вести.

– Бедная невинная Психея, неужели вы считаете это оскорблением?

– Конечно, – ответила она с сомнением в голосе.

– Надеюсь, вы и дальше будете так думать, – со странным выражением в глазах заметил Гейбриел.

Уж не жалеет ли он ее? Психея хотела уйти, но одна мысль остановила ее – ничто не мешает ей самой правильно вести себя.

– Я поступлю с вами честно. Этот поцелуй обойдется вам в пять фунтов!

Гейбриел только усмехнулся.

Он безумен, явно безумен. Психея повернулась, намереваясь присоединиться к гостям. Из другого конца комнаты раздался недовольный голос Мэрис:

– Послушай, Психея, удели нам внимание. Ты обещала перевертывать ноты, когда Матильда будет играть нам новую пьесу.

Кузина Матильда, чье мастерство в игре на фортепья-

но было весьма посредственным, умоляюще посмотрела на мать, но Мэрис не обратила на это внимания. Психея покорилась неизбежному. Она убеждала себя, что рада избавиться от самозванца.

– Потом поговорим, – шепотом сказала она Гейбриелу. – И, пожалуйста, больше никаких сказок об экзотических островах!

– Может быть, рассказать о Европе? – так же тихо ответил он. – У меня там тоже было несколько забавных приключений.

– Господи, не надо! Так не долго попасть в беду.

– Психея!

– Да, тетя Мэрис, я иду.

Гейбриел смотрел, как она шла через комнату – у девушки была осанка королевы. Психея заняла место возле Матильды и ободряюще улыбнулась толстушке-кузине.

– Я уверена, новая мелодия восхитительна, – сказала она.

Гейбриел скрыл усмешку. Она не была эгоисткой, хотя и любила деньги. Однако она отвоевывала собственные деньги, и это выгодно отличало ее от большинства женщин. Чаще всего они стремились получить от очередного любовника как можно больше и не раз очищали его карманы. Гейбриел подозревал, что эта женщина, несмотря на свою красоту и скрытую под холодностью страстность, мало чем отличалась от прочих. Стараясь не утратить своего цинизма, он оглядел комнату.

Все семейство слушало игру Матильды, храбро сражавшейся с фортепьяно. Ее мать, очевидно, полностью лишенная музыкального слуха, одобрительно кивала, остальные стоически делали вид, что восхищаются.

Первая мелодия закончилась, раздались слабые аплодисменты.

– Очень мило, дорогая, – заметила одна из дам.

– А теперь новую балладу, – распорядилась Мэрис.

– Ах, мама, мне не хочется петь, – взмолилась Матильда.

– Глупости, у тебя неплохой голос, – настаивала любящая мать.

Матильда поставила на пюпитр новые ноты и, медленно проведя пальцами по клавишам, запела. Гейбриел невольно поморщился. Голос у нее был слабый, и она, боясь заслужить неодобрение матери, пела еще хуже, чем играла.

Матильда умоляюще взглянула на Психею, переворачивавшую ноты. Та тотчас же присоединилась к ней, стараясь не заглушать голосок кузины. Но ее приятное контральто придавало глубину и силу, столь необходимые голосу кузины. На этот раз аплодисменты, к которым охотно присоединился Гейбриел, были громче.

Матильда покраснела от удовольствия. Когда обе певицы перешли к следующей песне, Гейбриел подумал, что у этой ледяной девы есть не только сердце, но и другие чувства, глубоко скрытые под внешней холодностью.

Но не ее привлекательность заставляла его тянуть время и

играть опасную роль. Он взглянул в окно на темный сад, погруженные в темноту кусты. Лучшего укрытия он не смог бы найти, более безопасного и надежного, чем дешевые комнаты или гостиницы, чтобы спрятаться от преследования шайки убийц. Гейбриел не обманывал себя надеждой, что они оставят его в покое. Выйдя на улицу, он снова превратится в беззащитную мишень.

Как ни странно, он вдруг осознал, что ему здесь нравится. Дружная семья, теплый прием, какого он не встретил бы у своих родных. И, несмотря на то, что множество приглашений и сердечных слов предназначались не ему, а придуманному жениху, на сердце у него потеплело. Гейбриел вспомнил одинокого мальчишку, изгнанного из родного дома, где никто из близких не встал на его сторону. Боль не покидала его, хотя он спрятал ее в самой глубине души и никогда не жалел самого себя. Это было непозволительной роскошью!

Здесь, в этой комнате, среди людей, искренне проявлявших любовь друг к другу, лед, сковывавший его сердце, таял. Его тронула Мэрис, сиявшая гордостью за свою толстушку дочь. Он так долго жил один, что почти забыл о существовании таких чувств, как нежность и любовь, пока не оказался в теплой, ярко освещенной комнате, где женские голоса сливались в нежную мелодию.

Черт побери, должно быть, он слишком много выпил! У Гейбриела Синклера, обманщика и шулера, не может быть таких мыслей. Но вино тут ни при чем, каким бы дешевым

и плохим ни был портвейн, выбранный дядей Уилфредом. Гейбриел должен отплатить Психее за ее невольную помощь и спасти ее от брака с кузеном, который во всем походил на своего толстого и жадного отца. Гейбриел не сомневался, что Психея заслуживает лучшего мужа, чем этот самодовольный хвастливый болван Перси.

Во время странствий Гейбриел повидал немало странных вещей, и капризы судьбы не удивляли его.

Когда обе певицы отошли от инструмента, Психеей завладели ее тетушки. Они болтали с ней, хлопали ее по руке и щипали за щечку. Время от времени она с тревогой поглядывала на него.

Гейбриел охотно оставался стоять в стороне, чтобы не вызывать у нее излишнего беспокойства. Он отказался, когда его пригласили за стол поиграть в карты. Эти пожилые дамы и господа могли легко оказаться его жертвами, но, освободив их карманы от денег, он потерял бы симпатии своей новой «семьи».

Гейбриел поделился вполне безобидными рассказами с Мервином, когда этот застенчивый молодой человек решился поведать ему о своем путешествии по Вест-Индии. А когда гости начали расходиться, он присоединился к своей невесте, чтобы попрощаться с новыми знакомыми. Психея, напряженно застыв, говорила всем любезные фразы. Несмотря на то, что этот проклятый актер в конце вечера вел себя скромнее, она была рада избавиться от него. Не мог же

он выполнить свою угрозу и остаться в ее жизни, убеждала она себя, но при этой страшной мысли сердце у нее учащенно билось.

Психея хотела только одного – чтобы он исчез. А если ее подставной жених потребует еще денег, то сейчас она не может удовлетворить требования негодяя. Похоже, она совершила ошибку, отдав себя во власть этого красивого мерзавца.

Перси с отцом уходили последними.

– Я не даю согласия на этот брак, – сурово напомнил им обоим дядя Уилфред. – Вам еще рано думать о медовом месяце.

– И ты меня еще увидишь, – проворчал Перси, неуклюже наклоняясь к руке Психеи. – Ты еще пожалеешь об этом необдуманном поступке, кузина, и я буду рядом, готовый простить тебя вопреки скандалу, который вызовет расторжение помолвки.

– Твое великодушие делает тебе честь, – серьезным тоном ответила Психея. Ее слишком волновала близость Гейбриела, мешавшая ей сосредоточиться. Тот удивленно приподнял бровь.

– Не думаю, что возникнет такая необходимость, – спокойно заметил Гейбриел. – Я уверен, вы постепенно полюбите меня как родственника, кузен.

Перси сердито посмотрел на него, а дядя Уилфред засопел.

– О, довольно, Перси, – вмешалась тетя Софи. – У меня ноги болят. Жаловаться будешь в следующий раз.

Мужчины ушли, и Психея с облегчением услышала, как они спускаются по лестнице.

Софи оглядела Психею и Гейбриела.

– Можешь попрощаться, Психея, – сказала она, – но пять минут, не дольше, и не забывай о слугах.

Она медленно стала подниматься по лестнице в свои покои. Двое лакеев ждали в конце холла, но достаточно далеко, чтобы слышать их разговор.

– Слава Богу, все кончилось, – понизив голос, сказала Психея. – Я принесу вам кошелек с деньгами, который обещала моя горничная.

Гейбриел улыбнулся, и блеск его глаз испугал ее.

– О нет, моя дорогая! Вы забыли, что я вам сказал? Я ваш жених, и я не уйду. Я буду вашим гостем, ведь дом маркиза в Европе. И вы же не отправите своего любимого в гостиницу.

– Вы не можете! – в ужасе воскликнула Психея. – Это неприлично.

– У вас есть дуэнья, – спокойно возразил он. – Все вполне прилично. Никто не посмеет считать иначе, когда в доме находится тетя Софи.

Конечно, у нее есть дуэнья! Незамужняя женщина не могла жить одна, и дом полон слуг, и пребывание в доме чпипкомна ей ничем не грозит. Но если он каждый день будет пу-

таться под ногами и видеться с ее родственниками, то возможность разоблачения возрастет. Психея чувствовала, как холодеет от страха.

Она не успела придумать, что ему ответить, как услышала донесшийся сверху звук и, повернувшись, увидела перегнувшуюся через перила сестру.

– Это тот актер? – как всегда напрямик спросила Цирцея. – У него очень приятный вид.

– Цирцея! – Психея была в отчаянии от того, что так и не научила сестренку держать язык за зубами. – Замолчи!

– Почему? И почему он не уходит?

– Я остаюсь, чтобы в совершенстве овладеть ролью, – ответил Гейбриел, с интересом глядя на нее. Она была совершенно не похожа на свою красавицу сестру. Цирцея была худенькой, с не оформившейся еще фигуркой, прямыми каштановыми волосами и зелеными глазами, смотревшими с откровенным любопытством.

– Конечно, – к его удивлению, согласилась с ним девочка. – Любой художник хочет достичь совершенства в своем творчестве.

– Цирцея, отправляйся спать! Мы поговорим утром. – Психея окончательно потеряла терпение.

– Спокойной ночи, любовь моя. – Гейбриел хотел взять руку своей «невесты», но она отдернула ее.

Тогда он поклонился и обратился к стоявшим у дверей лакеям:

– Можете проводить меня в самую лучшую комнату для гостей.

Слуга послушно повел его. Психея осталась стоять у лестницы с пылающим от гнева лицом. Гейбриел понимал ее, но другого выхода у него не было. Снаружи его поджидала смерть от ножа убийцы. Возможно, опасность караулила его и здесь. Гейбриел вспомнил изгиб шеи и соблазнительные плечи Психеи, но он не должен поддаваться соблазну. Перед ним открывалась новая дорога в жизнь, и, видит Бог, он добьется своего.

Дрожа от возмущения, Психея смотрела, как актер поднимается по лестнице. Он бессовестно воспользовался ее положением. Да, он ей нужен, теперь вся семья верила, что он ее жених, и она не могла ни разоблачить его, ни выгнать вон, по крайней мере, сейчас. Всего несколько дней притворства, успокаивала себя Психея. Потом она укажет Гейбриелу Синклеру на дверь и больше никогда не будет страдать от его присутствия.

Глава 4

Утро только начиналось, когда Психею разбудил стук колес за окном. Она взглянула на бледные лучи света, проникавшие сквозь тяжелые занавеси, и, отвернувшись, снова собралась заснуть. Но что-то в ее сознании мешало ей.

Затем она вспомнила о событиях прошлой ночи и, тихо охнув, села на постели.

Этот человек! Этот самозванец, вероятно, спокойно спал в ее лучшей комнате для гостей. Если только не сбежал глубокой ночью, унося с собой узел с дорогим столовым серебром... Впрочем, она была бы этому даже рада. Избавление от опасного притворщика, так усердно исполнявшего свою роль, стоило нескольких серебряных приборов.

Теперь Психея уже не могла уснуть. Она легла, натянула до подбородка одеяло, жалея, что не может спрятаться под ним целиком, как делала ребенком, когда ей снились страшные сны. Но Гейбриел не был ночным кошмаром, он не растает, как туман при первых же лучах солнца. Что ей с ним делать? Она как можно скорее должна избавиться от него, прежде чем кто-нибудь раскроет ее обман.

Психея лежала с широко раскрытыми глазами, пытаясь найти способ исправить содеянное, но ей ничего не приходило в голову. Если бы все ее родственники не видели его, тогда другое дело, но ради этого она и устроила помолвку – до-

казать, что жених действительно существует. И маркиз Гэррингтон стал живым человеком, и эту иллюзию надо сохранять, иначе она снова окажется во власти кузена Перси. Психея вспомнила, как он собирался поцеловать ее, и содрогнулась. Только не брак с Перси!

Психея дернула за сонетку. Появившаяся горничная внесла поднос с завтраком, чаем и горячими тостами и осторожно поставила его на кровать.

Психея собиралась налить себе чаю, но увидела на подносе огромную пачку писем. Утренняя почта. Изумленная Психея взяла лежавшее сверху письмо.

– Что это? – Она сломала восковую печать и развернула лист бумаги. Приглашение на ленч, ей и ее жениху. – О нет! – простонала Психея, просмотрев еще несколько записок с золотым обрезом.

Все одно и то же, казалось, каждый член ее семьи жаждал принять у себя очаровательного маркиза. А что начнется, когда и другие знакомые узнают о смазливом негодяе? Будет еще хуже.

Она взглянула на горничную, и Симпсон состроила гримаску.

– Мне жаль, мисс Психея, – сказала она. – Когда я отправилась в театр, я подробно объяснила этому, – она понизила голос, – актеру, что он должен делать. И ничего не говорила о том, что он будет здесь ночевать. Я ушам своим не поверила, услышав, как все слуги болтают об этом. Я ничего не

понимаю.

– Я тоже, – призналась Психея.

Она вспомнила дерзкий взгляд Гейбриела, которым он смерил ее с головы до ног. Она тогда почувствовала, как какая-то искра пробежала между ними, но – нет, нет, она не должна думать об этом. Он должен знать, что это невозможно! У знатной леди и безродного актера не может быть ничего общего. Он задумал что-то другое. Если он надеялся шантажировать ее...

– Думаю, он хочет вытянуть из меня побольше денег, – сказала Психея горничной. – А поскольку я объяснила ему, что деньги у меня будут только в том случае, если мой план удастся, он хочет подождать, не развяжет ли дядя свой кошелек.

У Симпсон по-прежнему был встревоженный вид.

– Мне кажется, он не способен на шантаж. Я бы не сказала, что он такой смекалистый, мисс, – вслух размышляла она. – Старается казаться не тем, кто он есть...

Несмотря на свое беспокойство, Психея улыбнулась:

– Но этим и занимаются актеры!

Симпсон поджала губы. Она давно служила у Психеи и могла позволить себе говорить все, что думает.

– Так то на сцене, мисс. Это другое дело.

– Правда, но нам придется потерпеть пару дней, пока я не придумаю, как от него избавиться, а ты тем временем постарайся отвести любые подозрения, которые могут возникнуть

у слуг.

Симпсон заколебалась.

– Что? – Психея старалась скрыть свое беспокойство. Неужели уже что-то случилось? Черт бы побрал этого человека!

– Уилсон исчез.

– Который из них Уилсон? – нахмурилась Психея.

– Новый младший лакей, мисс. Тот, который вчера проводил актера в спальню. И, – трагическим шепотом закончила Симпсон, – с тех пор его больше не видели.

Психея прикусила губу. Странные мысли пронеслись у нее в голове. У актера не было причины убивать ни в чем не повинного слугу. Или была? Не выдал ли чем-то себя актер, и ему пришлось устранить Уилсона, чтобы... нет, спокойная уверенность, с которой актер держался весь вечер с ее родными, не могла изменить ему за короткие минуты общения с лакеем. Тогда что же произошло?

– Должна быть какая-то объяснимая причина, – постаралась она успокоить обеих. – Уилсон появится.

Психея надеялась, что из-за задуманного ею обмана не пострадал невинный человек.

С помощью Симпсон она быстро закончила свой туалет и надела самое скромное бледно-голубое муслиновое платье с высоким воротом.

Спустившись вниз, девушка увидела, что в столовой никого нет. Тетя Софи обычно не выходила из своих комнат так

рано, а Цирцея завтракала в классной комнате. В малой гостиной весело потрескивал огонь в камине, но и там никого не было, как и в большой гостиной, и в библиотеке. Где же, черт побери, этот человек? Или он собирается проваляться в постели целый день?

Симпсон ушла в помещения для прислуги, пообещав сообщить ей, когда вернется Уилсон.

Психея, погрузившись в размышления, стояла на лестнице, когда в дверь позвонили. Это не мог быть лакей, он бы вошел через черный ход. А принимать визитеров, приехавших поздравить ее с помолвкой, у нее не было никакого желания, и Психея поспешно вошла в гостиную. Она намеревалась предупредить дворецкого, чтобы он говорил всем, что ее нет дома.

Но когда старик дворецкий Джоурс пыхтя поднялся по лестнице и открыл дверь в гостиную, она ничего не успела сказать, ибо гость уже стоял за его спиной.

– Психея! – Это был Перси с красным от переполнявшего его возбуждения лицом. – Я должен поговорить с тобой!

Только его недоставало.

– Перси, сейчас не время.

Казалось, он ее не слышал. Он вломился в комнату, на ходу бросив шляпу и перчатки дворецкому, который с поклоном вышел.

– Я был в клубе, поговорил со всеми, кого только мог найти, и никто, повторяю, никто не слышал о таком титуле –

Таррингтон. Откуда мы знаем, что этот парень именно тот, за кого себя выдает?

– О, Перси, ты просто смешон! – Психея всеми силами старалась скрыть от Перси свой страх. – Он же сам говорил тебе, что это малоизвестный титул.

– Но маркиз, Психея, – настаивал Перси. – Такие титулы, знаешь ли, не растут на каждом дереве!

– Конечно, но... Перси, это не твое дело. Это моя жизнь, и перестань в нее вмешиваться...

– Не мое дело? Конечно, мое. Если тебя, женщину со слабым умом и чересчур чувствительную, не защитят твои родственники, то кто же еще это сможет сделать? Это ради твоей же пользы. Спроси моего отца.

Психее не хотелось, чтобы дядя Уилфред вмешивался в ее жизнь, он и так делал это слишком часто.

– Дядя должен уважать мои желания.

Перси даже не удостоил ее ответом. Он ходил по ковру, скрипя слишком тесными башмаками, и, наконец, остановился перед ней.

– Тут дело нечисто. Я должен поговорить с ним, как мужчина с мужчиной. Где он?

– Не знаю, – не подумав, ответила Психея и испуганно зажала рот рукой.

– Не знаешь? Как же так? Разве у него нет дома в Лондоне?

– Но я же говорила тебе, он жил за границей.

– Очень подозрительно. Зачем англичанину уезжать из своей страны, если только он не сбежал от долгов или скандала? – с неожиданной пронизательностью заключил Перси. – Ему нужны твои деньги, как я и говорил. А если у него нет дома, то в какой гостинице он обычно останавливается? Хоть это-то он тебе сказал?

– Э... он остановился у нас, – робко ответила Психея, она так волновалась, что плохо соображала. Ей казалось, что ее обман вот-вот раскроется.

– Здесь? – изумился Перси. – И тетя Софи позволила?

– Конечно, он же мой жених. И никто не усомнится, что моя тетя допустит нарушение приличий.

– Все же этого недостаточно. Ладно, по крайней мере, он под присмотром. Я хочу поговорить с ним. – Перси ухватился за сонетку и сильно дернул за нее.

– Нет! – Психея судорожно искала предлог – любой предлог, чтобы помешать ему. – Ты не можешь. Думаю, он еще не проснулся.

Появился дворецкий, на этот раз слишком быстро. Психее оставалось только надеяться, что он не подслушивал за дверью.

– Джоурс, отведи меня в комнату этого проклятого маркиза, – приказал Перси с уверенностью человека, давно знакомого со слугами этого дома.

Дворецкий кивнул, и Перси последовал за ним. Психея, с горечью сознавая, что ситуация выходит из-под контроля,

побежала вслед за ними.

– Перси, я не позволю беспокоить моего гостя!

Но он не слушал. Неужели все кончится, едва начавшись? Ее великолепный план рушился.

Дворецкий подвел их к комнате для гостей, и Перси, небрежно стукнув в дверь, распахнул ее, не дожидаясь разрешения войти. Психея услышала изумленное восклицание.

«Это Перси», – подумала она. А затем раздался разгневанный рев.

Что это, Перси набросился на актера? Или – она вспомнила пропавшего лакея – актер набросился на Перси? Может, кого-то убивают? Психея кинулась в комнату и застыла на пороге.

– Что это такое, сэр? Вы что, какой-то дикарь? Как вы смеее так оскорбительно вести себя в доме моей кухни? – возмутился Перси.

Психея ахнула. Актер сидел в большом высоком кресле лицом к окну, по-видимому, читая газету. Она сразу же поняла, что так возмутило Перси. Актер был совершенно голым, как новорожденное дитя. То есть он казался голым, прикрытым только лежавшей на коленях газетой. Широкие плечи и грудь были обнажены, газета скрывала лишь нижнюю часть тела, но Психея успела увидеть мускулистые ноги и голые ступни.

Психея чувствовала, что краснеет. Она никогда не видела обнаженного мужчину. Зрелище было неприличным до ужа-

са! Но она не могла не заметить, что его тело было не менее прекрасным, чем его лицо, что у него широкие плечи и красивые сильные руки. Она поспешила отвести глаза и стала рассматривать рисунок на ковре у себя под ногами.

– Нет, что вы, – спокойно сказал Гейбриел, как будто каждый день принимал гостей в таком виде. Бессовестный тип! – Просто произошла маленькая неприятность с моей одеждой. Сегодня утром, когда слуга принес мне чашку чая, он взял мой вечерний костюм, чтобы почистить и погладить его. А когда я встал, то узнал, что мой багаж еще не доставили.

– Н-но... – заикаясь начал все еще возбужденный Перси.

– Вчера вечером я послал в гостиницу лакея за моими вещами, – невозмутимо продолжал Гейбриел, – но слуги говорят, что он еще не вернулся.

Забыв о смущении, Психея возмутилась:

– Вы послали моего лакея одного ночью на улицу! Да как вы смели?

– Не вижу ничего необычного в моей просьбе, – заметил Гейбриел. – Я хорошо заплатил ему.

– Но в такой поздний час! – не могла успокоиться Психея. – Разве вы не знаете, что на улицах Лондона всегда опасно? Разбойники, грабители и... и уж не знаю кто.

– За границей я жил в более опасных местах, поэтому не подумал. Мне искренне жаль, если ваш слуга пострадал. – Впервые Психея услышала в его голосе тревогу, и ее гнев немного утих.

Перси покачал головой, как бы показывая, что не стоит беспокоиться о такой незначительной персоне, как лакеи.

– Вы достаточно убедительно объяснили отсутствие у вас одежды, – заключил Перси. – Но я хотел бы знать, как вы объясните это!

Гейбриел огляделся по сторонам в поисках какого-то таинственно появившегося предмета и улыбнулся:

– Боюсь, я не понимаю, что вы имеете в виду. Перси покраснел, и его пухлые руки сжались в кулаки.

– Под этим, милорд, я подразумеваю, что вы – мошенник! Никто никогда не слышал о вас. Вашего титула не существует, и вашего имени никто не знает. Вы – сплошная тайна.

Психея, затаив дыхание, ждала, что ответит актер. Но Гейбриел, казалось, был доволен.

– Прекрасно.

– П-прекрасно? – удивился Перси.

– Да, все любят что-то новое, и я буду пользоваться успехом. И скоро все молодые модники начнут притворяться, что не знают друг друга. Мы все превратимся в таинственных незнакомцев.

Психея невольно хихикнула, и Перси в ужасе посмотрел на нее. Она не могла не восхищаться дерзостью актера.

– Я требую, чтобы вы немедленно покинули этот дом! – снова бросился в атаку Перси. – Сидите тут... в таком виде! Я не позволю компрометировать леди, чья репутация безупречна.

– Неужели? – Синие глаза Гейбриела смотрели на Психею, и она надеялась, что не покраснела. – Ни одного пятнышка, ни одного проступка? Дорогая, какую же скучную и унылую жизнь вы вели до сих пор. Как я рад, что внес в вашу жизнь разнообразие, без которого мы оба умерли бы от скуки.

– Прошу прощения... – сердито заговорил Перси, но в синих глазах актера появился стальной блеск.

– Кроме того, это я должен заботиться о своей невесте, защищать ее и ее репутацию от любой опасности, – холодно произнес Гейбриел, и Перси сразу как-то сжался, его узкие плечи поникли.

А у Психеи потеплело на сердце! Она так долго чувствовала себя одинокой. Несмотря на многочисленную родню, после смерти родителей она ощущала себя беззащитной перед всеми поворотами и ударами судьбы. Психея была вынуждена в одиночестве бороться с приставаниями Перси, со скаредностью дяди и заботиться о себе и своей сестре. Иметь защитником такого человека... который бы оберегал ее от врагов, всегда становился на ее сторону... она тряхнула головой, прогоняя эти мысли. Все это лишь мечты! Этот человек – актер, ему нет до нее дела, ему ни к чему защищать ее или ее доброе имя.

И все же на мгновение боль, так долго мучившая ее, утихла. Он, вероятно, действительно прекрасный актер. Но она не должна забывать, что его талант делает воображаемое правдой, и его интересует только ее кошелек.

– Я... я... – Перси явно хотел взять себя в руки и снова высказать свое праведное негодование. – Я настаиваю, чтобы вы забрали свои вещи и убрались отсюда...

– В том-то и беда, что у меня нет вещей, – напомнил ему актер. – Не думаю, что вы желаете выставить меня на улицу раздетым.

– Едва ли это прилично, Перси, – со скрытой насмешкой тихо заметила Психея. – Это плохо отразится на моей репутации.

– Нет, нет, но... – растерялся Перси. Но, как было известно Психее, он всегда старался, чтобы последнее слово оставалось за ним. – Я требую, чтобы слуги принесли вам одежду, и тогда вы сможете уйти! Что касается этой неслыханной помолвки...

– Перси! – ледяным тоном остановила его Психея. – Ты не можешь мне указывать, что делать и за кого выходить замуж.

Перси словно и не слышал ее.

– Я поговорю с отцом.

– Твой отец не властен запретить помолвку! – отрезала Психея, забыв о присутствии актера. – Как только поверенный возьмется за дело, у меня будет половина моего состояния. При необходимости мы обратимся в суд!

– Ты не сделаешь этого, – ошеломленно посмотрел на нее Перси. – Подумай о сплетнях и скандале...

– Тогда пусть дядя Уилфред не вмешивается, – холодно сказала она. – Я смогу распорядиться собственными деньга-

ми.

– Но сам брак невозможен без благословения отца, а он никогда его не даст.

– Не все сразу, – ответила Психея, стараясь сдерживать волнение. Если у нее будет больше денег, ее положение улучшится, а Цирцея получит уроки живописи, которых заслуживает ее талант. Они смогут путешествовать, уехать в Европу, избавиться от настойчивых ухаживаний Перси. Она снова начнет жить, а главное – получит свободу. Когда исчезнет этот актер, она останется помолвленной с несуществующим маркизом, созданным ее воображением.

– Этого брака никогда не будет, – повторил Перси. – А пока я поговорю со слугами об этом... об одежде этого человека. – Он в ярости выбежал из комнаты, даже забыв, что оставляет кухню в логове льва.

Психея понимала, что тут оставаться неприлично и она должна тотчас же уйти. Но ей надо было поговорить с актером без свидетелей. Пропавший лакей...

Гейбриел смотрел на нее с непроницаемым выражением лица. Насмешливый блеск в его синих глазах, которым он дразнил туповатого Перси, погас, и совсем другое чувство, о котором ей было страшно подумать, светилось в его взгляде.

– Простите меня за мой вид, – сказал он. – И за то, что я сижу в вашем присутствии, но в данных обстоятельствах я не могу встать...

– Нет, нет, – поспешила заверить его Психея, невольно

отступая назад в страхе, что этот непредсказуемый человек способен «исправить положение». – Пожалуйста, не вставайте. Нам надо поговорить.

– Могу только сказать, что мое время, как и многое другое, принадлежит вам, спрашивайте, дорогая Психея.

– Вы невыносимы, сэр. Мне нужно только ваше время. И я заплатила вам за один вечер.

Он непринужденно откинулся на спинку кресла.

– Считайте это выступлением на бис, дорогая. Сдерживая негодование, Психея до боли стиснула зубы.

– Ваше присутствие больше не требуется, и не называйте меня «дорогая».

– Как скажете, милая Психея.

– Я не разрешаю вам так называть меня! – Теряя самообладание, Психея указала на дверь. – Я требую, чтобы вы покинули мой дом.

– Я не беру почасовой оплаты, дорогая Психея. – Гейбриел задумчиво и с интересом изучал ее.

– Не называйте меня так! – выкрикнула она. – Я не могу больше продолжать эту игру.

«Как интересно, – подумал Гейбриел, – такая холодная красавица может испепелить мужчину своим гневом». Если бы только у него было время разжечь в ней эту страсть, спрятанную под внешней холодностью.

– Но вы не можете и проиграть ее, – спокойно возразил он. Его самообладание пристыдило Психею.

– Нет, я не могу проиграть. Моя сестра и ее будущее значат для меня больше, чем мелкие, – она многозначительно посмотрела на Гейбриела, – или крупные неприятности. Но не забывайте, что вы маркиз Таррингтон, или вернее, что вы не маркиз Таррингтон.

Гейбриел пожал широкими смуглыми плечами, на которые Психея старалась не смотреть. Где он жил раньше, где солнце так опалило его кожу? Она представила его на берегу южного моря или в тропических джунглях. Нет, она не может тратить время на фантазии, как бы ни был красив этот шантажист.

– Может быть, мне не нужен ваш титул, Психея. – Гейбриел не обращал внимания на ее широко раскрывшиеся глаза, он думал о том, какая великолепная фигура скрыта под строгим платьем. – Может быть, он у меня уже есть.

У Психеи округлились глаза.

– А может быть, Зевс на молнии спустится с неба и сожжет моего дядю и Перси? – Девушка выразительно взглянула на его колени, прикрытые газетами.

– Я здесь только для того, чтобы помочь вам, дорогая Пси... мисс Хилл. Если помните, у нас общая цель.

– Разве? – Она взяла себя в руки. – Кроме того, вы послали моего слугу с поручением в такое время, когда честные люди не выходят на улицу. Вам следовало подождать до утра.

– Вы правы, но я не хотел очутиться в том положении, в котором нахожусь. – В его улыбке было столько очарова-

ния, что Психея не смогла оставаться равнодушной. Но она не позволит ему заставить ее забыть о своем гневе.

– Но он пропал, и я беспокоюсь о нем, – настойчиво продолжала она. – Моя мать всегда говорила мне, что низшие классы заслуживают не меньшей заботы об их благополучии, чем богатые, и я считаю, что она была права.

Неужели то, что она увидела в его глазах, было уважением? В свете ее приняли бы за сумасшедшую, выскажи она такое мнение.

– Надеюсь, его только ненадолго задержали, – серьезно сказал он. – Мне бы следовало самому поискать его. Я буду выглядеть довольно странно в вечернем платье, но ничего не поделаешь. Как только принесут мою одежду...

Это вновь напомнило Психее, что она не должна находиться здесь, одна в его комнате. Пойдут сплетни, а что скажет тетя Софи?

– Я прикажу, чтобы вам немедленно принесли одежду. Он кивнул, и улыбка снова озарила его лицо.

– В следующий раз, когда я буду встречать вас в своей комнате голым, обещаю...

– Следующего раза не будет! – сердито перебила Психея, боясь услышать продолжение его фразы. Но ей было необходимо кое-что сказать ему. – Вчера, когда вы так грубо сами пригласили себя остаться здесь на ночь, я решила вычесть стоимость комнаты и завтрака из вашего гонорара. Думаю, вы не будете возражать. – И она решительным шагом вышла

из комнаты. Давая выход своему раздражению, Психея громко хлопнула дверью.

В холле стояла расстроенная Симпсон.

– Да? – резко спросила Психея, но тут же понизила голос. Она не станет вымещать свой гнев на слугах. – В чем дело, Симпсон?

– Уилсон, мисс, – ответила горничная. – Думаю, вам надо посмотреть самой.

Глава 5

Психея невольно зажала рот рукой.

– Он не... – Она представила тело несчастного лакея, найденное в переулке с перерезанным горлом и вывернутыми карманами.

– Он напуган, мисс, и у него ужасная шишка на голове, но... – начала Симпсон.

Психея не дослушала ее. Она с облегчением расправила плечи и сразу же направилась к лестнице, ведущей на этаж, где находились комнаты для прислуги. Открыв дверь в общий зал, она увидела нескольких горничных и лакеев, столпившихся вокруг пропадавшего слуги. Бессильно опустив руки, он сидел на деревянном стуле. При виде ее он вскочил, но, покачнувшись, снова тяжело опустился на стул.

– Сиди, Уилсон. С тобой все в порядке? – спросила девушка.

Слуги расступились, и она увидела, как экономка, миссис Макнилли, выжимает чистую тряпку над тазиком с уксусной водой, стоявшим рядом с ней. Экономка осторожно промыла большую лиловую шишку на голове лакея. Психея заметила у него еще несколько царапин и порезов. Его ливрея была разорвана и покрыта грязью.

– С тобой все в порядке? – повторила Психея. – Не позвать ли доктора?

Лакей вздрогнул:

– О нет, мисс. Не надо мне пускать кровь. Я и так потерял достаточно, пролежав без сознания в темном переулке всю ночь.

– Похоже, кости у него целы, мисс Психея, – сказала экономка, стирая засохшую кровь с его лица. – Ему еще повезло. Это была целая шайка разбойников.

– Расскажи, что произошло, – попросила Психея.

– Я только пошел, куда мне велел его милость, в гостиницу возле порта, убогое место, мисс, и попросил отдать мне его вещи. Он дал мне монету, чтобы заплатить по счету, и еще одну для меня, которую они и отобрали, – с горечью добавил он. – Такой хорошей монеты я не получал с... – Поняв, что не следует этого говорить, он замолчал.

Психея притворилась, что ничего не заметила. Их слугам всегда хорошо платили. Ее родители никогда не скупились, но она понимала, что лакея огорчает потеря больших денег, неожиданно свалившихся ему в руки.

– Кто на тебя напал?

– Это случилось, когда я вышел из гостиницы, мисс. Я нес саквояжи его милости, у него не было никакого сундука, может, его еще не прислали, и, когда я повернул в сторону Мейфэра, все они, их, должно быть, было не меньше сотни, выскочили из переулка и набросились на меня. Я не мог даже защищаться. – Он содрогнулся, а молоденькие служанки вскрикнули от ужаса.

– Тебе повезло, Уилсон. Ты еще легко отделался, – спокойным тоном заметила Психея. Только истерик ей не хватало.

Он кивнул, не переставая дрожать.

– Я помню толпу матросов, с песнями и руганью они вышли из соседней таверны и, наверное, спугнули грабителей. Я очнулся утром от боли в голове. Простите, что так получилось с вещами милорда, мисс. Должно быть, эти разбойники думали, что в них деньги или драгоценности. Надеюсь, он не будет винить меня...

Психея забыла о багаже мистера Синклера. Оглянувшись, она увидела валявшуюся на полу пару саквояжей, разорванных и изрезанных ножами. Несчастный Уилсон выполнил свое поручение и принес все, что осталось от багажа. Она увидела, что из одного разреза выглядывает оторванный кусок рубашки из тонкого полотна. Воры испортили не только саквояжи, но и их содержимое. Похоже, от злости, что не нашли того, что искали.

– Кто-то, должно быть, слышал, как ты спрашивал вещи маркиза Таррингтона, – задумчиво заметила она. – Это очень плохо.

– Но я был очень осторожен, как меня и предупредил его милость. Он там даже не назвал своего титула, а одно только имя.

Психея нахмурилась. В этом не было ничего удивительного, поскольку тогда Гейбриел еще не знал о своем титуле,

которым она наградила своего подставного жениха. Однако некоторые слуги были удивлены.

– Он не открывал свое имя, собираясь найти лучшую гостиницу, – объяснила она. – Как вы знаете, его долго не было в Англии. Пусть кто-нибудь отнесет вещи его милости, чтобы он посмотрел, не сохранилось ли хотя бы что-нибудь. И захватите его вечерний костюм, надо же ему одеться. – Психея вспомнила голого мужчину, целомудренно прикрывшегося газетой, и постаралась не покраснеть.

Один из лакеев, вспомнив о своих обязанностях, вскочил и торопливо покинул комнату. Ее мать учила своих дочерей, что для общего блага иногда надо строго следить за слугами, а иногда закрывать глаза на их поступки.

Психея посмотрела на избитого лакея.

– Не беспокойся о своих деньгах, – утешила она. – Я уверена, что когда маркиз узнает о твоём несчастье, он возместит твою потерю и даже кое-что прибавит.

Лицо Уилсона сразу же просветлело. Он поудобнее уселся на стуле, наслаждаясь вниманием экономки и горничных.

Психея спустилась вниз, радуясь, что ее слуга скоро поправится. Все же актер поступил безрассудно, отправив лакея так поздно ночью, но, возможно, Гейбриел не подумал об опасности. Вероятно, актер привык рисковать и считал опасность неизбежным атрибутом своей жизни.

Войдя в гостиную, она вспомнила об утренней почте. Ей придется отклонить три приглашения на ленч, ибо ее «же-

ниху» нечего надеть, а она сама слишком расстроена, чтобы выезжать из дома и вести приятные разговоры.

У Гейбриела вырвался стон, когда он увидел свои растерзанные вещи. Лакей, принесший саквояжи, рассказал, добавляя красочные подробности, о возвращении Уилсона и о нападении, которому тот подвергся. Гейбриел, разглядывавший ключья своей самой лучшей полотняной рубашки, годившейся теперь только на тряпки, мгновенно забыл об одежде. Он повернулся к лакею и с жадным вниманием слушал его рассказ.

– Они напали на него около таверны, когда он уже забрал мои вещи?

– Да, милорд. И если что-то пропало, это не его вина.

То, как слуги Психеи стояли друг за друга, заслуживало похвалы. В доме его отца они были так запуганы, что заложили бы собственную мать, лишь бы избежать наказания. Но сейчас Синклеру не хотелось вспоминать об отце.

– Нет, конечно, нет, – согласился он. К счастью, Гейбриел не оставил денег в такой скверной гостинице, которую выбрал только из-за дешевизны, а бумаги на владение имением, которое Баррет проиграл ему в карты, – очевидно, их-то и искали грабители были зашиты под подкладку фрака, но все же... Гейбриел порылся в саквояже и вздохнул.

– Милорд?

– Исчезла, конечно, золотая булава для галстука. Но что поделаешь! – Это была мелочь, стоившая несколько фунтов,

но Гейбриел необычайно дорожил ею. Как всегда, он подавил свои чувства и занялся насущными делами.

– Скажи Уилсону, чтобы зашел ко мне, когда поправится, я хочу дать... выразить свои соболезнования.

Слуга понимающе кивнул.

– Скажу, милорд. Он будет вам очень благодарен. Гейбриел снова пошарил в саквояже.

– Черт!

– Милорд?

– Они забрали мой бритвенный прибор из слоновой кости. – Гейбриел провел рукой по заросшей щетиной щеке.

Все годы своих скитаний, даже в тяжелые времена, он свято хранил этот прибор. Случалось, что он оставался единственным напоминанием о том, кем Гейбриел был, кем все еще считал себя – джентльменом.

Лакей с сочувствием посмотрел на него.

– Может, я смогу помочь, милорд. Отец мисс Психеи... его бритвенные приборы, вероятно, еще целы, их хранят как память. Спрошу экономку, не окажет ли она такую любезность предоставить их вам на время.

– Спасибо, – поблагодарил Гейбриел.

Когда за слугой закрылась дверь, Гейбриел мрачно улыбнулся. Невзирая на потери, все не так уж плохо. Он лучше других понимал, как повезло лакею – ему не перерезали горло, и его голова цела. Гейбриел не ожидал, что грабители догадаются о том, что за багажом придет другой человек.

С другой стороны, ливрея лакея была слишком заметна в такой гостинице. Но теперь поздно об этом думать! Слуга выжил, а Гейбриелу предстоит позаботиться о своем гардеробе. Его скромному капиталу нанесен сокрушительный удар. Необходимо возобновить свой гардероб настолько, чтобы, выходя из дома, не вызывать насмешек, и нанять опытного поверенного, дабы вступить во владение именем, которое он выиграл. Чтобы пополнить почти опустевшие карманы, он должен вернуться в игорные дома, не попадаясь на глаза банде наемных убийц.

– Полагаю, – сказал он сам себе, – предстоит очень интересная неделя.

Вернулся лакей с резным ящичком с бритвой и перекинутым через руку парчовым халатом.

– Экономка нашла бритву, милорд, и еще этот халат. Больше ничего из одежды покойного хозяина вам не подойдет. Я взял на себя смелость приказать горничным принести горячей воды для ванны. Скоро будет готов ваш вечерний костюм, но ваше... нижнее белье еще мокрое, милорд. Прачки постирали его.

– Я с удовольствием приму ванну, – ответил Гейбриел, с трудом сохраняя спокойствие.

Горячая вода, чистая ванна – он чувствовал, что снова находится в настоящем доме, а не в очередной грязной гостинице. Такая роскошь стоила покушений на его жизнь. Дай Бог здоровья Психее за этот рай! В эту счастливую минуту

Гейбриел вспомнил все, что потерял и собирался вернуть.

Усмехаясь, он надел халат, взял бритвенный прибор, на крышке которого было выгравировано «Х. Х.», и направился вслед за лакеем к большой ванне, возле которой его ожидали мыло и чистые полотенца.

– Не желаете, чтобы я побрил вас, сэр? – осведомился лакей, блеснув глазами. Уж не хочет ли он стать его камердинером? Это означало бы повышение его статуса и прибавку к жалованью. Он казался более сообразительным, чем бедняга, которого Гейбриел посылал за вещами, а у него не было личного слуги. «Что ж, неплохая идея», – подумал Гейбриел.

– Я позову, когда буду готов, – сказал он. – Как твое имя?

Лакей слегка поклонился, у него были впалые щеки и умные карие глаза.

– Бриксон, сэр. – Он вышел и затворил за собой дверь. Гейбриел сбросил халат и сел в ванну. Он так давно не мылся по-настоящему, а лишь окунался в ручье или пользовался старым тазом. Теплая вода, обволакивая его тело, создавала ощущение безопасности, давно им утраченное, надежности, в которой, как ему казалось, он не нуждался.

Гейбриел почувствовал, что может полностью расслабиться, чего не мог себе позволить ни в одной гостинице или спальне какой-нибудь доброжелательной продажной женщины. Здесь он был дома.

Какая нелепость, резко остановил он себя. Он не должен забывать об опасности. За стенами этого дома его поджидали

враги, а в доме был умный, хотя и прекрасный, противник. Психея выставит его на улицу при первой же возможности.

Но Гейбриел не собирался уходить, пока не собирался.

Психея потратила целый час на то, чтобы написать короткие, но вежливые письма с отказами на приглашения и расправиться с большей частью почты. Неожиданная мысль заставила ее взглянуть на календарь.

О нет! Как она могла забыть? Она пошлет свои извинения. Нет, нет – это не выход. Психея, как в детстве, начала покусывать ноготь, затем, опомнившись, опустила руку. Ей придется снова поговорить с актером. Может быть, к этому времени он уже будет одет!

Она зашла в гостиную, но его там не оказалось. Она позвонила и вызвала Джоурса.

– Ты не знаешь, где этот... где мой жених?

Джоурс, несмотря на то что медленно двигался и медленно соображал, каким-то образом всегда знал, что происходит в доме.

– По-моему, он наверху в детской с мисс Цирцеей, госпожа.

Психея чуть не задохнулась. Какого черта?..

– Спасибо, Джоурс.

Дворецкий вышел, а Психея бросилась к лестнице. Ее невинная сестренка находится одна с этим человеком, о котором Психея ничего не знает, ничего, кроме того, что его наглость и неуважение к нанимателю не имеют границ. Это-

го она не могла допустить.

Насладившись ванной, Гейбриел облачился в вечерний костюм, смирившись с отсутствием нижнего белья. Такое случалось с ним и раньше. Он вспомнил, как однажды так поспешно покинул спальню некоей дамы, что едва успел набросить на себя верхнюю одежду. Муж дамы ломился в запертую дверь, сопровождая удары страшными угрозами расправиться с любим, кто окажется в спальне.

Сейчас его фрак и панталоны были почищены и отутюжены, а сам он после ванны и бритья чувствовал себя намного лучше. Он пригладил влажные волосы и задумался, чем бы заняться, перед тем как выйти из дома. Теперь, когда лакей был в безопасности, Гейбриел не торопился. Его вид не будет казаться таким странным, если он отложит свои дела на несколько часов. Ему нельзя привлекать к себе излишнее внимание.

Выйдя из своей комнаты, Синклер поднялся по лестнице и, открывая одну дверь за другой, обнаружил детскую. Младшая сестра его «хозяйки» стояла в дальнем углу комнаты перед мольбертом. Мольберт был установлен под высоким окном так, чтобы свет падал на холст. В Гейбриеле пробудилось любопытство. Он медленно двинулся вперед, девочка была увлечена работой, и он не хотел напугать ее.

– Еще раз здравствуй, – сказал он.

Цирцея взглянула на него, затем положила кисть и набро-

сила на холст покрытую пятнами краски ткань.

– Здравствуй, – ответила девочка. – Ты ищешь Психею? Ее здесь нет.

– Нет, – сказал Гейбриел, поклонившись ей как взрослой. – Я пришел познакомиться с тобой.

– Зачем? – Она, не мигая, смотрела на него большими зелеными глазами. Цирцея несколько не смутилась, чего он мог бы ожидать от ребенка ее возраста. Его заинтересовала эта необычная юная леди.

– Хотя бы из вежливости, ведь я – твой будущий зять. Неожиданно она улыбнулась, и ее лицо изменилось до неузнаваемости. Серьезное выражение исчезло, и Гейбриел увидел перед собой веселого и беззаботного ребенка. В ней, как и в старшей сестре, было что-то тайное, неразличимое с первого взгляда.

– А я знаю, что вся эта помолвка – обман, – понизив голос, сказала она. Гейбриел понял, что они не одни. В углу сидела немолодая женщина, занятая вязанием.

– Но это не значит, что я не должен быть вежливым, – возразил Гейбриел. – Нам надо делать вид, не забывать своей роли.

– Наверное, – согласилась девочка. – Это как в твоих пьесах?

– Верно. А, кроме того, ты такая необычная леди, что мне хочется познакомиться с тобой поближе.

Она на минуту задумалась, а затем кивнула.

– Не хочешь ли чаю? Его принесли мне, но я была слишком занята, не хотела упустить хорошее освещение.

– Прости, что помешал тебе. – Он одарил ее самой обаятельной из своих улыбок. Гейбриел ожидал, что она начнет вежливо возражать, но она пожала плечами, его чары явно на нее не действовали.

– Ничего, свет уже не так хорош.

Несколько обиженный, он подошел к старому круглому столу, где Цирцея уже разливала чай. Гейбриел расположился напротив нее, взял чашку с остывшим чаем и с интересом наблюдал за девочкой, чьи увлечения делали ее столь непохожей на обычных молодых мисс. Вместо модных нарядов, покупок и романтических мечтаний она была поглощена только своим искусством.

– Что же ты рисуешь? – вежливо поинтересовался он. Она, прищутив глаза, молча смотрела на него.

– Не говори, если не хочешь, – поспешно сказал Гейбриел.

– Если тебе действительно интересно... – Цирцея замолчала, внимательно наблюдая за ним, и, вероятно, удовлетворенная увиденным, продолжала: – В прошлом году я делала этюды французских деревень, когда была в Европе с Психеей и тетей. Мы пробыли там недолго, но я успела написать несколько акварелей, которыми почти довольна, и еще несколько пейзажей.

– Мне бы хотелось взглянуть на них, – сказал Гейбриел.

Цирцея не ответила.

– Хочешь миндального печенья? – Она подвинула к нему тарелку.

Гейбриел признал свое поражение и взял печенье.

– Так тебе нравятся акварели? Она вздохнула:

– Да, но мне бы очень хотелось попробовать писать маслом. Только если я буду учиться сама, это требует много времени, а мы не можем найти хорошего учителя. Видишь ли, молодые леди должны рисовать акварели, а масло – для серьезных художников. Живопись открывает большие возможности для самовыражения. Мистер Тернер пользовался вместо кисти мастихином, разве не интересно? Мне так хочется научиться. – Впервые в ее голосе послышалась грусть.

– Я понимаю, как это важно для тебя, – тихо сказал Гейбриел.

– Да, и мне хочется писать пейзажи, а не портреты или натюрморты. Знаешь, что сказал сэр Джошуа Рейнолдс?

Гейбриел не знал, но постарался сохранить заинтересованный вид.

– Что же?

– Он сказал, что живопись должна не копировать природу, а идеализировать ее. Он предпочитал исторические сюжеты, «возвышенный стиль», чтобы поднимать дух людей. Но лично я не понимаю, почему талантливо написанный пейзаж не может возвышать дух!

– Совершенно верно, – согласился Гейбриел, пораженный больше ее страстностью, чем словами.

– Как несправедливо, что меня не примут в Королевскую академию искусств, потому что я – женщина, – вздохнула Цирцея.

Гейбриел с изумлением смотрел в ее ясные сверкающие глаза.

– Но ты не должна сдаваться, – сказал он и был награжден сияющей улыбкой, так редко озарявшей лицо девочки.

– Нет-нет, – заверила Цирцея. – Мы с Психеей не теряем надежды, что в Европе мы сумеем найти художника, возможно, бедного, которому нужен ученик и у которого нет предубеждения против женщин. Мама всегда говорила, Что женщины должны развивать свои таланты, как и мужчины. А большинство людей считают такие взгляды предосудительными. – Она замолчала, ожидая, что он скажет.

Гейбриел улыбнулся и ответил совершенно искренне:

– Я много путешествовал, и, вероятно, поэтому у меня более широкие взгляды. Не понимаю, почему талантливая женщина должна скрывать свой дар.

Цирцея снова широко улыбнулась ему.

Внезапно он понял, что испытывала Психея к этому милому и необыкновенному ребенку. У девочки не осталось никого, кроме старшей сестры, некому было поддержать и защитить ее. Психея взяла бремя ответственности за нее на свои плечи в слишком молодом возрасте и поэтому вела себя так сдержанно и холодно, не позволяя никому заглянуть в ее душу.

– Когда-нибудь, – сказал он Цирцею, – ты позволишь мне посмотреть твои картины. А печенье это, между прочим, отличное.

Войдя в детскую, Психея увидела Цирцею, сидящую за круглым столом, на котором когда-то сама она устраивала чаепития для своих кукол. Напротив нее сидел актер, и они оба пили чай с миндальным печеньем.

– Цирцея, что ты тут делаешь с этим... этим человеком? – сердито спросила Психея. – А где Телли?

– Здесь, мисс, я вам нужна? – Гувернантка, мисс Теллман, задремавшая в своем уголке, вздрогнув, выпрямилась на стуле.

– Нет, все в порядке, – успокаиваясь, сказала Психея, но с подозрением посмотрела на актера. – А что привело вас сюда?

– Я подумал, что следует нанести визит вежливости будущей свояченице, – с добродушной улыбкой ответил актер.

– Что за вздор! – резко оборвала его Психея и прикусила язык, чтобы не сказать лишнего. Цирцея знала о выдумке Психеи, но Телли понятия о ней не имела, а она была не прочь посплетничать со слугами. – Я хочу сказать, что ценю ваши хорошие манеры, но...

– А я думаю, это было очень любезно с его стороны, – с обычной прямоотой заявила Цирцея. – Он не забыл обо мне и не пренебрег мной, как некоторые, только потому, что я еще не выезжаю и не ношу длинные юбки.

– О Цирцея! – Гнев Психеи сменился раскаянием. – Ты же знаешь, я всегда думаю о тебе, дорогая.

– Это я не о тебе, – объяснила Цирцея. – О Перси. Его совсем не волнует, что моя жизнь станет невыносимой, если он на тебе женится. Как ужасно жить с Перси и дядей Уилфредом.

Психея не нуждалась в напоминании. Она никогда не оставит сестренку, которой так нужна.

– Это игра, Психея, мы притворяемся, как на сцене, – шепотом сказала ей Цирцея.

Психея смирилась с неизбежным.

– Выпей чаю, – возвращаясь к роли радушной хозяйки, предложила ей Цирцея.

Психея опустилась на стул. Ее сестра в своем двенадцатилетнем возрасте иногда бывала пугающе взрослой, а иногда казалась совершенным ребенком. Она не сердилась на нее за проявленное любопытство к самозванцу, но ей не нравилось его общение с ней. Психея ничего не знала о нем и его прошлом.

– Лорд Таррингтон, – осторожно подбирая слова, сказала Цирцея, – очень много путешествовал. Он рассказывал мне о картинах, которые видел во Франции.

Психея постаралась скрыть свое удивление. Если Цирцея говорила с актером о живописи, значит, она решила, что он достоин ее доверия. Цирцея удивительно хорошо разбиралась в людях. Она всегда испытывала отвращение к Перси.

Психея смотрела на актера, непринужденно сидевшего за столом. Он не переставал удивлять ее.

– В Испании я видел удивительные картины Эль Греко, – задумчиво произнес Гейбриел. – Его зарисовки Толедо – потрясающе. Конечно, им уже двести лет, но в них передано настроение. Я согласен с Цирцеей – пейзажи не должны быть только топографией.

Цирцея просияла, а Психея окончательно смягчилась. Слишком мало было людей, с которыми Цирцея могла свободно беседовать о живописи серьезно. Она ненавидела, когда с ней сюсюкали и говорили о важности рукоделия или фортепьяно для молодой леди. Похоже, этот актер разбирается в живописи, или он все придумал ради ее сестренки?

Глядя в сияющие глаза девочки, Психея почти не осуждала его.

Актер, казалось, догадался, о чем она думает.

– Боюсь, я просто невежда по сравнению с вашей сестрой, – обратился он к ним обеим. – Но знаю достаточно, чтобы оценить истинное искусство.

Психее понравились его искренность и признание таланта Цирцеи.

Любовь и желание защитить свою удивительную младшую сестру владели Психеей. У Цирцеи был талант, следовало дать ей возможность свободно развивать его, иначе дух ее будет сломлен, талант завянет, и Цирцея всю жизнь будет страдать. А она уже и так много потеряла... Но Психея спа-

сет ее. Она найдет необходимые деньги, свои собственные деньги, наследство своих родителей, которые бы поняли, что нужно Цирцее. Дядя Уилфред не понимал, да и не стремился к этому.

– Вы очень любите свою сестру? – тихо спросил актер.

Психея посмотрела ему в глаза.

– Да, и никому не позволю причинить ей вред, – так же тихо ответила она.

– Обещаю вам, что никогда не причиню вреда ребенку, – улыбнулся Гейбриел.

Но он мог сделать это, вольно или невольно, если его разоблачат. Слезы навернулись на глаза Психеи.

– У меня плохие новости.

Он, не теряя выдержки, выжидающе посмотрел на нее. Ему совершенно неведом страх, с восхищением заметила Психея.

– Я приняла приглашение на сегодняшней вечер, когда еще не знала, что вы останетесь здесь. Я полагала, что мой жених, то есть вы, сразу же уедет в Европу, – объяснила она, не забывая о присутствии гувернантки. – И если я откажусь от приглашения теперь, когда Перси всем рассказал, что вы здесь, это будет выглядеть слишком подозрительно. У вас хотя бы есть вечерний костюм? – продолжала она. – Надо что-то делать с вашим гардеробом...

Психея прикусила губу. Какой портной управится за такой короткий срок? Симона может помочь. Она сейчас же

пошлет ей записку. Ничего кричащего, не слишком дорогое, а затем сапожник и...

Психея неожиданно почувствовала на себе чей-то взгляд. Круглое лицо Телли выражало изумление, лицо Цирцеи – заинтересованность, а Гейбриел выглядел несколько растерянным.

– О Боже. Я говорила вслух?

– Да, Психея, – кивнула Цирцея.

– Как я понимаю, вы говорили обо мне? – спросил Гейбриел.

– Нет, это для моего другого голого жениха. – Психея округлила глаза. – Конечно, я говорила о вас.

Цирцея фыркнула. Телли ахнула:

– Мисс!

– Ему нужна одежда, Телли. Что в этом неприличного?

– Но вы не должны... молодые леди не обсуждают мужскую одежду. Вам об этом прекрасно известно, мисс Психея.

– Извините, Телли. – Девушка повернулась к актеру. – Если я веду себя неприлично, то не по вине нашей милой гувернантки.

– Я не нахожу в вашем поведении ничего неприличного, дорогая мисс Хилл. Вы, как всегда, само совершенство.

Психее было приятно это услышать, но она старалась не поддаваться его чарам. Он – актер. Она должна помнить, что его слова неискренни, все это напускное. Психея больше не удивлялась, что его мало знают. Она начинала думать, что

Синклер исполняет свои роли в дамских спальнях чаще, чем на сцене. Будучи таким невероятно красивым, он, конечно, пользовался бешеным успехом у дам.

Но после смерти родителей Психея научилась не только думать, но и действовать. Она отодвинулась от стола и встала. Актер тоже поднялся, и ей показалось, что в его синих глазах мелькнуло разочарование. Неужели ему действительно жаль, что она уходит? Нет, очевидно, он снова притворяется.

– Я уезжаю, – объявила она, – но скоро вернусь. Мы отправимся в гости в восемь после легкого обеда. Мы званы на поздний ужин.

Гейбриел улыбнулся в ответ. Психея не знала, имеет ли он представление о жизни высшего света. У неизвестного актера едва ли была возможность с ней познакомиться. А в присутствии Телли она не могла спросить его напрямик.

– Я буду готов. – Он с иронией бросил взгляд на свой костюм. Поскольку вечерний костюм был единственным, что уцелело, то Гейбриел безусловно уже был готов.

Психея с трудом удержалась от смеха. Он мог подумать, что она насмехается над его затруднительным положением, а девушка никогда не оскорбила бы насмешкой чьих-либо чувств, даже этого наглого фигляра.

– Психея, – вмешалась Цирцея, – мне нужна бумага для рисования, пожалуйста.

– Конечно, дорогая. Я загляну к тебе позже.

Актер поклонился, Психея кивнула и вышла из комнаты. Иногда она даже жалела, что эта помолвка ненастоящая. Его непрестанное внимание, его уважение... нет, ей нельзя даже думать об этом. Не следует забывать, что это только игра. И она скоро закончится.

Глава 6

«Что может быть приятнее посещения магазинов и удачных покупок?» – думала Психея, поднимаясь по ступеням своего дома. Она купила бумагу для рисования для Цирцеи и несколько кистей. Размышляя о том, как обрадуется Цирцея кисточкам из собольего волоса, она не обратила внимания на странное выражение лица Джоурса, с которым тот смотрел на сопровождавших ее людей.

Она заезжала к сапожнику, перчаточнику и, конечно, к Симоне, которая с радостью дала ей адрес портного. Симона имела неплохой доход, обслуживая дам семьи Хилл.

Сидя на кушетке, обитой розовым шелком, Психея с восхищением рассматривала образцы последней французской моды. После победы над Наполеоном торговля снова процветала, и англичане наслаждались любимыми французскими тканями и новыми фасонами. Конечно, даже во время войны что-то доставляли контрабандисты, но родители Психеи относились к этому с неодобрением...

Психея примерила новое платье, которое собиралась надеть на вечер у Форсайтов. О таком платье можно было лишь мечтать: в зависимости от света оно переливалось то холодным голубым, то серебристым цветом. Воздушные нежные кружева пенились на рукавах и вокруг квадратного декольте. Лиф плотно облегал ее фигуру, юбка мягко спускалась по

бедрам и заканчивалась шлейфом. Психея, стоя перед зеркалом, поворачивалась то в одну, то в другую сторону. И в эту минуту она позволила себе представить Гейбриела, кружащего ее в вальсе, и прикосновение его щеки, и его теплое дыхание, когда он наклоняется, чтобы запечатлеть на ее холодных губах еще один запретный поцелуй... Ведь никто не узнает об этих глупых мыслях!

Симона сказала, что платье сидит идеально, и Психея в сопровождении Симпсон, несшей платье, отправилась домой. По дороге она забрала все остальное и вернулась с чувством полного удовлетворения. Отдавая ридикюль и перчатки лакею, она, наконец, заметила несчастный вид дворецкого.

– Мисс, простите меня. Кто эти люди, и что мне с ними делать?

Психея прижалась к стене, пропуская человека с большим рулоном черного шелка.

– Не волнуйся, Джоурс. Это портные, они пришли, чтобы пополнить гардероб лорда Таррингтона. Ты же знаешь, его одежду испортили.

– Да, мисс, понимаю. – Его морщинистое лицо выражало сомнение. – Но, мисс, а вы уверены, что лорд Таррингтон пожелает принять помощь такого рода? Времени после смерти вашего отца прошло много, но обычаи не так уж изменились с тех пор...

Психея отмахнулась от его слов.

– Джоурс, а где лорд Таррингтон?

– В Желтой гостиной, мисс.

– Прекрасно! – Психея повернулась и поманила портных за собой.

Она решительно распахнула дверь и увидела своего «женуха», разглядывающего портрет ее матери, висевший над камином. Он пил чай, но его рука с чашкой замерла в воздухе при появлении Психеи и ее портных.

Гейбриел в изумлении застыл на месте. Психея впустила в комнату свою армию и направила ее прямо на него. Толпа подмастерьев окружила его. Маленький человечек с ловкостью обезьяны выхватил чашку из его руки. Гейбриел был так ошарашен подобной наглостью, что даже не ответил на дерзкую фамильярность незнакомца.

– Вот он, джентльмены, – указала Психея. – Ему нужны утренние костюмы, костюм для верховой езды, что-нибудь подходящее для дома, и, Анри, – обратилась она к невысокому, крепко сбитому человеку, который явно был главным в этой толпе, – думаю, он будет великолепен в темно-бордовом.

Анри, торопясь угодить новой благодетельнице, развернул перед ней рулон тяжелого бархата.

– О да, Анри. Это то, что надо.

– Oui, мадемуазель. И еще цвета ночного неба.

– Обязательно, Анри. Симона была права, у вас прекрасный вкус.

– Благодарю вас, мадемуазель Хилл.

Они, прищурив глаза, бесцеремонно рассматривали Гейбриела.

– Да, ему пойдут яркие цвета. И минимум украшений, он в них не нуждается.

– Вы снова правы, Анри, какой у вас острый глаз.

– И никакой ваты на плечах, у мсье широкие, крепкие плечи.

Психея отвела глаза и прикусила нижнюю губу.

– В самом деле? А я и не заметила.

«Лгунья», – подумал довольный Гейбриел. Словно загнипнотизированный змеей кролик, он смотрел, как суетятся помощники Анри. Одни раскатывали рулоны тканей, вдевали нитки в иголки, готовили ножницы и прочие инструменты. Другие, как надоедливые мухи, облепили Гейбриела, измеряя его шею, грудь, талию, а один из них – черт бы его побрал! – измерял длину ног.

– И, Анри, лорду Таррингтону, без сомнения, нужны личные вещи.

В Гейбриеле начинал закипать гнев: «Бесстыжая женщина! Она лишь слегка покраснела». Анри понимающе кивнул:

– Оуі, мадемуазель. У меня есть превосходная фланель.

Психея недовольно нахмурилась:

– Фланель? Я бы предпочла тонкое полотно. Думаю, белое.

Настала очередь Анри покраснеть.

– Если мадемуазель предпочитает полотно... Психея с

ужасом поняла, что она сказала.

– О нет, мне все равно! Меня нисколько не интересует, из чего его... они сделаны, – растерянно забормотала она. – Пусть он даже не носит никаких... О нет, я опять не то хотела сказать.

Внезапно Гейбриел снова почувствовал себя семнадцатилетним, и другая женщина, другая властная красавица одевала его и распоряжалась им. Тогда в чувственном тумане он позволял это, и ему льстило ее внимание. Сначала. Но Гейбриел уже не был мальчиком. Сознание, что им управляют, украшают, как куклу, кому-то на потеху, вернулось к нему и вызвало чувства, которые, как он надеялся, остались в прошлом.

– Мисс Хилл, я начинаю думать, что вы чего-то не понимаете.

Не обращая внимания на портных, Гейбриел подошел к Психее.

– Я надеялась получить от вас хотя бы какую-то благодарность.

– Вам нужна моя благодарность? Хорошо, вы ее получите. Он подошел еще ближе, и Психея настороженно посмотрела на него.

– Благодарю вас, мисс Хилл, – продолжал он, сдвинув брови над сверкающими гневом глазами. – Благодарю вас за то, что пригласили этих людей и нарушили мое одиночество, благодарю вас за то, что по вашему распоряжению они бес-

церемонно ощупывали меня без моего разрешения, благодарю вас за то, что выбирали цвет и материю для моего нижнего белья! Он повернулся к Анри.

– Между прочим, я хочу полотно, но не белое, а черное. И полагаю, должен поблагодарить вас за то, что вы не выбрали розовое и еще больше не унизили меня, – добавил он, снова поворачиваясь к Психее.

Голубые глаза девушки сердито блеснули и наполнились слезами.

– Шерсть, Анри, сшейте их из самой дешевой и грубой шерсти. И пусть они будут красными!

– Красными? Распутница!

Гейбриел не знал, смеяться ему или растоптать подмастерье, все еще пытавшегося снять с него мерку. Сжав кулаки, он сделал огромное усилие, чтобы обуздать свой гнев.

– Если вы не уведете своих собачонок, я найду хорошее применение вашим булавкам и иголкам, – сказал он Анри.

Француз побледнел. Он что-то быстро пролепетал по-французски своим помощникам. Видимо, он не смягчил слов Гейбриела, поскольку все мгновенно отскочили от него и настороженно ждали, что будет дальше.

Гейбриел распахнул дверь и жестом приказал им убираться.

– В ваших услугах больше не нуждаются, уходите. Немедленно! – бросил он портным, неохотно собиравшим свои инструменты и ткани.

Он взглянул на Психею, ожидая от нее возражений.

Черт бы побрал этого человека! Он поставил ее в безвыходное положение. Анри считал Гейбриела ее женихом, которому она делает подарок. И если она не подчинится ему, то нарушит все светские условности. А заставить его принять подарок, когда он этого не хотел, Психея не могла. Пойдут разговоры, в свете узнают обо всем от какого-нибудь лакея или портного.

С трудом сохраняя спокойствие, Психея улыбнулась Анри.

– Лорд Таррингтон сейчас не желает воспользоваться вашими услугами, но потом он...

– Он сам найдет для себя портного, – перебил ее возмущенный голос Гейбриела.

Анри был явно огорчен. Психея понимала, как важен для него этот заказ. Она тронула его за рукав.

– Лорд Таррингтон не нуждается в ваших услугах, но одному лакею требуется новая ливрея.

Лицо Анри просветлело. Обрадованная Психея продолжала:

– И всем моим слугам следовало бы обновить ливреи. Обсудите это с Джоурсом перед уходом. До свидания, Анри.

Когда портные покинули комнату, Гейбриел заговорил с ней, он уже не сердился, но выглядел озадаченным.

– Вы были чрезвычайно добры к нему.

Психея медленно повернулась. Он выглядел таким уве-

ренным, так естественно смотрелся в этой роскошной обстановке, что Психея просто не могла поверить, что он родился в небогатом имении. А его поведение – он вел себя так высокомерно, с такой вызывающей надменностью... С каждой минутой Гейбриел все больше напоминал настоящего маркиза.

– А вы чрезвычайно злы, – ответила она.

К ее удивлению, он не смутился, не покраснел и не стал этого отрицать.

– Мне не следовало терять самообладания.

– Признаете свою вину? – недоверчиво спросила Психея.

– Да.

– Не настаиваете на своей правоте?

– Когда я всего лишь неизвестный актер? – усмехнулся он.

– Совершенно верно, – с серьезным видом кивнула она.

Гейбриел расхохотался, а затем с таким же серьезным видом сказал:

– Я был непростительно груб и приношу свои извинения.

– Вы – что? – Психея никогда не слышала, чтобы мужчина добровольно признал, что был не прав.

– Прошу прощения, – повторил Гейбриел.

– Признаете, что вели себя безобразно?

– Несомненно.

Психея опустилась на ближайший стул.

– Становится все интереснее.

– О нет, дорогая моя Психея! Вам самой надо попросить

прощения. – Гейбриел подошел и опустился перед ней на одно колено.

Она отвела глаза, чтобы избежать его пронизательного взгляда.

– Глупости, не нахожу причин для извинений. Он протянул руку и взял ее за подбородок.

– Извинитесь, Психея. Я никогда не считал вас трусихой.

– Я никогда ею и не была! Если было бы необходимо, я бы извинилась.

Гейбриел продолжал пристально смотреть ей в глаза.

– Мне не за что извиняться. Я помогала вам!

– Я чувствовал себя, – медленно заговорил он, – жалкой слабой пародией на мужчину. Черт, да я и не чувствовал себя мужчиной. Я ощущал себя продажной девкой, которую наряжают на утеху покупателю.

– Но так оно и есть! – вырвалось у нее. Если бы ее так не волновала его близость, Психея бы подумала, прежде чем это сказать. Но было уже поздно, слова были произнесены.

Сразу же все изменилось. Хотя Гейбриел не шевельнулся, Психея почувствовала, как между ними разверзлась пропасть.

И она поняла, что натворила.

– Конечно же, вы не слабый, – запинаясь заговорила Психея, пытаясь найти слова, чтобы исправить положение, – и вы не... – она запнулась на грубом слове, – не «девка». Но вы у меня на службе, и моя обязанность одевать вас, пока вы

находитесь здесь, как и всех моих слуг...

Слова прозвучали неубедительно даже для нее самой.

Гейбриел встал, подошел к камину и залпом выпил остатки остывшего чая. По выражению его лица она видела, что он предпочел бы что-нибудь покрепче.

Ей стало стыдно. Кто она такая, чтобы рассуждать о доброте? Разве она только что не оскорбила беззащитного человека?

Психея не знала, как ей поступить. Если бы она могла кого-то спросить, как надо обращаться с мужчинами, что ей делать, что сказать. Ее тетя, старая дева, не могла ей помочь, а Цирцея была всего лишь ребенком. Если бы была жива ее мать...

Психея помнила, как ее мать говорила об отце: «Дорогая, твой отец большой человек. Но он никогда не стал бы таким, если бы я не была рядом и не поддерживала своей верой в него».

Ее мать хотела, чтобы и Психея выбрала такого человека, в которого можно было верить. Психее почему-то захотелось, чтобы этот самозванец простил ее. Она осторожно подошла и встала рядом с ним. Он не взглянул на нее, продолжая смотреть на огонь, весело потрескивавший в камине.

Гейбриел заговорил первым:

– Я беден, это правда, я не обладаю богатством, которое должно бы мне принадлежать. Но, Психея, у меня есть гордость. Я сохранял ее все эти годы, и никто не отнимет ее у

меня, даже вы. Было время, когда я позволял распоряжаться собой, но больше я этого не допущу. У меня и так отобрали слишком много.

Он повернулся и вышел из комнаты. Психея смотрела ему вслед, чувствуя, что совершила ужасную ошибку.

Гейбриел поднялся в свою комнату и, вызвав Бриксона, прежде всего приказал принести бокал бренди. Он должен был взять себя в руки, он не собирался так откровенно рассказывать о себе Психее. Почему эта женщина так действует на него? Ее холодная красота, ее слишком властные попытки помочь разрушили стену, которую он многие годы старательно воздвигал вокруг себя... Ему следует быть осторожнее.

С тех пор как Гейбриел покинул Англию, он не позволял командовать собой ни одной женщине, яростно защищал свою независимость и гордился, что никогда не теряет головы. Конечно, у него случались увлечения, но никогда, никогда после Сильвии, он не позволял женщине брать над собой власть.

Воспоминания о молодости до сих пор причиняли ему боль.

Когда Бриксон принес бренди, Гейбриел уже обрел свое обычное спокойствие. Психея была права в одном: ему необходима одежда. Поговорив с Бриксоном, он узнал имена самых лучших портных и сапожников. Бриксон был прекрасно осведомлен в вопросах мужской моды.

Гейбриел спустился в холл и надел шляпу и перчатки. Когда Джоурс спросил, не требуется ли милорду карета, Гейбриел на минуту задумался. В середине дня в вечернем костюме он выглядел бы странно, а ему не хотелось привлекать к себе внимание.

– Это не причинит неудобства дамам? – спросил он.

– Мм, нет, милорд. Леди не собираются выезжать сегодня днем, – заверил его, слегка замявшись, Джоурс.

– Тогда не откажусь, – сказал Гейбриел.

И он отправился в роскошной семейной карете Психеи, развалившись на мягких подушках, на Бонд-стрит.

Услужливый подмастерье ввел Гейбриела в небольшую, но хорошо обставленную приемную портного Уэстона и попросил подождать, пока появится сам великий человек.

– Милорд, – поклонился мастер, – добро пожаловать в наше скромное заведение.

– Благодарю вас, – сказал Гейбриел. – Мой багаж, к сожалению, сильно пострадал, и вся одежда порвана. Мне срочно требуется ваша помощь.

– Да, милорд, – задумчиво кивнул портной. – Жаль, что я не знаком с вашей семьей. Но я бы сказал, что это, – он внимательно оглядел Гейбриела, – сшито во Франции?

– Да, действительно.

Осторожный вопрос был задан не без основания. Англичане уезжали в Европу, когда не могли оплатить свои счета, а кредиторы становились слишком настойчивыми.

– Я некоторое время жил за границей, но когда унаследовал титул, довольно скромный, но все же накладывающий на меня определенные обязательства, счел необходимым вернуться. – Гейбриел, не стыдясь, воспользовался выдумкой Психеи. – А в связи с моей помолвкой с мисс Хилл мне нужен достойный гардероб для выполнения светских обязанностей.

– Мисс Психеей Хилл? – переспросил Уэстон.

– Да, я более чем счастлив, что заслужил ее расположение.

– О, примите мои поздравления! – низко поклонился портной.

Он заговорил подобострастно. В качестве жениха богатой мисс Хилл Гейбриел неизмеримо вырос в глазах портного, как и уверенность в том, что счета будут оплачены. Уэстон щелкнул пальцами и приказал появившемуся помощнику снять мерки с милорда.

Через некоторое время Гейбриел оказался во внутренней комнате, где после снятия мерок, обсуждений тканей, покровов и фасонов ожидал, когда принесут заказанную одежду.

Сейчас он отдыхал в удобном кресле со стаканом портвейна, правда, весьма невысокого качества, но перспектива получить новый элегантный гардероб была безусловно приятной. Его «помолвка», с Психеей давала ему ряд непредвиденных преимуществ. Он, конечно, не позволит ей оплатить его расходы. Как только ему подвернется подходящая игра, он наполнит опустевшие карманы и заплатит по счетам. А

потом, когда вступит во владение выигранным именем, забудет о нищенском существовании, которое влачил долгие годы...

Он ожидал портного и поэтому, когда открылась дверь, даже не повернул головы. И вдруг чей-то голос сказал:

– Господи, да неужели это ты, Гейбриел?

Гейбриел замер. Если его сейчас разоблачат, то прощай его новая одежда и роль жениха богатой молодой леди. Он окажется на улице в своем единственном костюме. Синклер очень медленно повернул голову, и невольно на его лице появилась улыбка.

– Фредди!

– Так это ты! Я зашел к Уэстону за фрачной парой и, знаешь ли, подумал, что вижу призрак!

Стоявший перед ним молодой человек почти не изменился со времени их учебы в Оксфорде. Его редкие светлые волосы, бледно-голубые глаза и круглое глуповатое лицо часто делали его предметом шуток, сначала в Итоне, а затем в университете.

И только Гейбриел всегда защищал его от тех, кто смеялся над маленьким ростом и далеко не блестящим умом мальчика. Но у благородного Фредерика Аллена Уайрика было золотое сердце, он был фанатично предан своим друзьям. И явно не забывал их.

– Не видел тебя... сколько? Да больше десяти лет! – заговорил Фредди. Оправившись от удивления, он бросился к

Гейбриелу и схватил его за руку. – Это дело с той женщиной... очень плохое дело, но это случилось не по твоей вине, я всегда был в этом уверен...

– Значит, ты был единственным, – мрачно заметил Гейбриел.

– Тебе следовало прийти ко мне, Гейбриел, – несколько смущенно сказал Фредди. – Отец мог бы поднять шум, но я бы постоял за тебя.

Гейбриела тронула искренность друга.

– Спасибо, мне приятно узнать об этом даже сейчас, хотя я не знал этого тогда.

– Уехал за границу? – продолжал Фредди с явным любопытством. – Я так слышал по крайней мере. И вот ты вернулся! Чертовски рад тебя видеть, старина.

– А я – тебя, – искренне сказал Гейбриел. Прошло много лет с тех пор, как он встречал кого-то из школьных друзей. Синклер часто думал, увидит ли когда-нибудь дружеские лица из своего прошлого. Но время для встречи оказалось не совсем удачным.

Дверь отворилась, и заглянувший в комнату подмастерье сказал:

– Милорд, мы переделали для вас фрак и панталоны. Когда будет готово остальное, мы пришлем их в дом мисс Хилл.

– Благодарю, – сказал Гейбриел, заметив краем глаза, что Фредди смотрит на него с озадаченным видом.

К счастью, его друг подождал, пока уйдет портной, и толь-

ко тогда спросил:

– У тебя есть титул, Гейбриел? Но твой отец и брат, э...

– Таррингтон, – объяснил Гейбриел. – Титул, я хочу сказать.

– Что? – еще больше удивился Фредди. – Но...

– Я получил его после смерти кузена, – быстро сказал Гейбриел. – По правде говоря, очень дальнего родственника.

– Но твой отец, твой старший брат, разве они...

– Э, обычно да. Но есть особые обстоятельства, связанные со вторым замужеством моей бабушки, и позорное дело с племянником викария, понимаешь ли, мы не любим говорить об этом.

– Правильно, – согласился Фредди, но было видно, что Гейбриел не убедил его. – Раз ты так говоришь.

Добрый старина Фредди! Может, он и не блистал умом, но неизменно оставался верным другом, Гейбриел почувствовал горячую симпатию к этому человеку.

– Я должен вернуться к обеду, но мы успеем немного выпить и вспомнить старые времена.

– Прекрасно, – с радостью согласился Фредди. – Но только не здесь, а то испортишь аппетит, вино у Уэстона отвратительное. Знаешь, пойдем в мой клуб, я познакомлю тебя с несколькими славными парнями.

Этого Гейбриелу совсем не хотелось. Он не должен попадаться людям на глаза. Но он не мог больше рисковать, злоупотребляя доверчивостью Фредди, мыльный пузырь мог

лопнуть. Разумнее было вести себя нормально, так проще скрыть обман. Гейбриел знал это по опыту.

– Хорошо, но ненадолго. Мне еще надо повидать поверенного.

– А, новое наследство, – понимающе кивнул Фредди. Гейбриел надел новые наскоро сшитые вещи.

– Неплохо, – критическим взглядом оглядел Фредди темно-синий строгий сюртук.

Если судить по его одежде, подумал с улыбкой Гейбриел, у него развился превосходный вкус.

– Сочувствую тебе, старина, столько лет за границей. Нет ничего хуже, чем лишиться хорошего английского портного... – Фредди похлопал друга по плечу и повел его к двери. – Наконец тебе повезло, Уэстон позаботится о тебе. Позволь рекомендовать хорошего сапожника, а что касается рубашек...

Гейбриел рассмеялся, шагая за старым другом.

Глава 7

Он вернулся как раз к обеду. Встретивший его Джоурс одобрительно кивнул. Гейбриел снял шляпу и перчатки и протянул дворецкому только что приобретенную красивую трость. Как он с приятным изумлением обнаружил, известие о его «помолвке» с богатой мисс Хилл удивительным образом открывало ему неограниченный кредит.

– Принесли мою одежду, рубашки, галстуки? – спросил он.

– Да, милорд, все в вашей комнате, – заверил его дворецкий. – Вы еще успеете переодеться, милорд. Дамы в гостиной.

Гейбриел поднялся наверх и застал в своей комнате Бриксона, ожидавшего его, чтобы помочь переодеться.

Бегство из Англии, изгнание научили его понимать, что жизнь заставляет принимать куда более важные решения, чем выбор жилета или галстука. Но, глядя в зеркало на результаты своих трудов, Гейбриел понимал, что ему по-прежнему нравится быть хорошо одетым. Бриксон смахнул с его плеч пылинки и в восхищении отступил назад. Гейбриел, скрыв улыбку, поблагодарил его.

– Не надо меня ждать, – добавил он. – Я привезу дам домой, а затем, может быть, отправлюсь искать других развлечений.

Лакей не удивился.

– Удачи вам, милорд, в картах или в любой другой игре, которую вы предпочтете.

Гейбриел усмехнулся:

– Никаких женщин сегодня, Бриксон, если ты об этом подумал. Человек, помолвленный с мисс Хилл, должен быть сумасшедшим, чтобы искать булыжники, когда у него перед глазами чистый бриллиант.

В гостиной он увидел Психею и Цирцею, которой разрешалось обедать в столовой, когда не было гостей, а также теть Софи с бокалом вина рубинового цвета. «Никакого жалкого хереса для тети Софи», – подумал Гейбриел.

– Добрый вечер, – сказал он, поклонившись сначала тете Софи, как старшей даме, затем Психее и Цирцее. Он уже собирался налить себе виски, когда неожиданно, словно проснувшись, увидел, как выглядит Психея. Не смущаясь, он уставился на нее. Гейбриел не обратил внимания ни на хриплый смешок Софи, ни на широко раскрытые от удивления глаза Цирцеи. Он не замечал ничего, кроме видения ангельской красоты, стоявшего перед ним. Психея, в серебристо-голубом платье, буквально светилась.

«Нет, – подумал он, подыскивая подходящее слово, – она сияет».

Ее золотистые волосы были собраны на макушке в каскад локонов. Шелковое платье плотно облегалo пышную грудь и спускалось на округлые бедра и длинные-длинные ноги. В

ушах, на шее и в волосах сверкали бриллианты. Белые, выше локтей, перчатки тоже украшали бриллианты. Гейбриел никогда еще не видел такой ослепительной красоты. Ему показалось, что с небес спустился ангел!

Нет, у ангелов не бывает такого холодного настороженного взгляда, такой вызывающе гордой осанки. Его Психея слишком надменна и в то же время полна таинственной страстности, чтобы быть чьим-то ангелом. И с чего это он, черт побери, начал думать об этой своевольной девице как о своей?

Гейбриел подошел к Психее, взял за руку и – только для того, чтобы прогнать с ее лица отчужденное выражение – прижался губами к тыльной стороне ее запястья. Синклер с удовлетворением увидел, как губы девушки раскрылись, словно ей не хватало воздуха.

В эту минуту он бы без сожаления отказался от ново-приобретенного имения и даже от покровительствующей ему удачи ради того, чтобы схватить это очаровательное создание отнести в свою спальню и заставить забыть о ее безупречных манерах.

– Вам очень подходит ваше имя, дорогая мисс Хилл, – тихим и проникновенным тоном произнес он. – Вы – настоящая богиня.

Психея не ответила, а только опустила длинные ресницы, чтобы Гейбриел не увидел выражения ее глаз. Он подозревал, что она не столько смущенна, сколько обеспокоена, не

затеваает ли он новую игру. Гейбриел усмехнулся. Он начал понимать ее, и, как ни странно, это радовало его.

– Надеюсь, вам больше повезло, – холодно сказала она, – с портным, которого вы сами выбрали, милорд.

– Да, вы были очень добры, стараясь помочь мне, но есть вещи, которые мужчина должен делать сам.

– Такие, как получение собственного титула? – К Психее вернулось ее обычное спокойствие, но она говорила тихо, чтобы не привлекать внимания окружающих.

– Актеры привыкли менять имена, как и костюмы, – так же тихо ответил Гейбриел. – Этим искусством я прекрасно владею.

– Не сомневаюсь! – Ее глаза угрожающе сверкнули, и он подумал, что уже достаточно дразнил ее.

Из-за такого пустяка не стоит пробуждать в ней страсть, таящуюся под внешней холодностью. Для этого еще найдется подходящее время и место, подумал Гейбриел, взглянув на Софи и Цирцею, с интересом наблюдавших за ними.

Софи большим глотком осушила хрустальный бокал и поставила его на маленький резной столик.

– Психея, – сказала она, приходя на помощь внучатой племяннице, – сходи распорядись насчет обеда. В этом доме можно умереть с голоду.

Гейбриел видел, что Психея с облегчением отошла от него, собираясь выполнить распоряжение тетки. Но к его радости, ее опередил Джоурс.

– Обед подан, – объявил дворецкий.

Гейбриел предложил руку Психее. Это было всего лишь проявлением обычной вежливости, но он остро ощущал ее близость, легкий аромат розового масла, исходивший от ее кожи, шелест шелкового платья. Они разжигали его чувственность и желание остаться с ней наедине.

– Надеюсь, сегодня снова будет пудинг с жженым сахаром, – сказала Цирцея, не подозревавшая о том, какие страсти кипят вокруг нее. Она подождала, пока тетя Софи возьмет свою палку.

Вспомнив о своих обязанностях, Гейбриел предложил Софи другую руку, но она отмахнулась.

– Я не люблю торопиться, – сказала пожилая женщина. – Пойдем, Цирцея.

В присутствии слуг за обедом говорили о незначительных вещах. Психее рассказывала о людях, с которыми им предстояло встретиться на вечере.

– Вероятно, вы еще познакомитесь с Томасом Аткинсом, вторым сыном графа Уиткина, у его жены темные волосы и...

– Бог с тобой, дитя, – покачала головой Софи, – ты хочешь перечислить всех светских людей, которые сейчас в Лондоне? Да мы уснем, прежде чем доберемся до Форсайтов.

– О, простите, – смутилась Психее. – Я только хотела, чтобы лорд Таррингтон имел представление о том, что его ожидает.

По правде говоря, чем ближе был его дебют в английском высшем обществе, тем сильнее она волновалась. Психея успокаивала себя тем, что Гейбриел прекрасно сыграл свою роль перед ее родственниками. Да и ее горничная несколько часов подробно рассказывала ему, кто есть кто, кто что любит и каких тем следует избегать. Но там он будет один. Она не успела как следует подготовить его, а Психея слышала, что актер ничего не может, если не знает своей роли. Что, если Гейбриел замкнется в себе или допустит такую бестактность, что опозорит не только себя, но и Психею и всю ее семью?

Протянув руку за бокалом, Психея заметила, что рука дрожит. Нет, они справятся, должны справиться, она будет рядом, она подскажет ему, их не разоблачат, они не будут унижены...

Гейбриел видел, как волнуется его «нанимательница», и прятал улыбку. Беспокоится о его первом появлении в свете? У него самого были причины для беспокойства, но он старался не думать о них. Гейбриел внимательно слушал, как она перечисляла гостей. Некоторые имена были ему знакомы, но поскольку до своего изгнания он редко бывал в Лондоне, то не думал, что его сразу же узнают. Там могут оказаться школьные приятели, но не у всех такая зоркость и память, как у Фредди.

После обеда Цирцея пожелала сестре спокойной ночи и остановилась перед Гейбриелом.

– Приятного вечера, – с серьезным видом пожелала она ему, – но будь осторожен.

– Это еще почему? – с подозрением спросила Софи. Цирцея покраснела, она не предполагала, что тетя ее услышит.

– Только потому, что Психея говорит, что есть сплетницы, которые замечают все подозрительное... то есть в любом необычном слове находят только плохое.

– Я уверена, Таррингтон выдерживал бури и пострашнее, чем общение со стаей болтливых старых куриц, которым нечем заняться, – усмехнулась Софи. – А теперь отправляйся в постель, дитя мое.

Цирцея кивнула и вышла из комнаты, а Гейбриел почувствовал, что Психея с тревогой смотрит на него. Сам Гейбриел почти не испытывал беспокойства.

– Пойдемте, дорогая.

Лакей подал Психее накидку. Гейбриелу еще не прислали плаща, но вечер был теплый, а шляпу и перчатки он успел купить. Он помог Софи сесть в карету и протянул руку Психее.

Девушка на минуту заколебалась. Даже сквозь перчатку он ощущал тепло ее пальцев и ту искру, что проскочила между ними, и неожиданно ему захотелось поехать на этот вечер. Там могут быть танцы, а он жаждал обнять Психею, прижать ее к себе и...

– Милорд! – напомнила Психея, щеки которой подозрительно покраснелись.

– Да. – Опомнившись, Гейбриел помог ей устроиться в карете и занял место напротив нее.

Он предпочел бы сидеть рядом с ней, но так он имел возможность наблюдать за ее лицом, то скрывавшимся в тени, то освещенным светом фонарей. Свет падал на ее высокие скулы и твердый упрямый подбородок. Чувствуя его взгляд, Психея упорно смотрела в окно.

– Надеюсь, на этот раз у Салли будет стол получше, – ворчливо сказала Софи. – Просто позор, что у нее пекут. Ей надо уволить своего повара. – Она ласково потрепала Психею по плечу. – Не у всех есть в доме такая хозяйка, как ты, дорогая. Салли следовало бы у тебя поучиться.

Гейбриел увидел, как выражение лица Психеи смягчилось от удивления и удовольствия. Она с нежностью пожала руку тети.

– Спасибо, тетя Софи.

– Чепуха! Хорошо, что ты наконец выходишь замуж, Психея. Я смогу теперь сидеть дома у камина, а не таскаться за тобой на все эти светские сборища.

Психея улыбнулась, она слишком хорошо знала свою тетьку, чтобы обижаться.

– Но тебе же нравятся Салли и ее муж, тетя.

– Они мне больше нравятся, когда погода стоит хорошая и мои кости не болят, – ответила Софи.

Подъехав к дому Форсайтов, перед которым стояло множество карет и фэзтонов, они поняли, что гостей будет нема-

ло.

В доме вереница гостей поднималась по лестнице. Гейбриел слышал голоса и звуки настраиваемой скрипки. Они тоже начали подниматься, но медленно из-за тети Софи, которая, когда они добрались до верха, совсем запыхалась. Психея успела шепнуть Гейбриелу:

– Не забудьте сначала поздороваться с хозяйкой и поблагодарить за приглашение и... – Она замолчала, встретив подозрительный взгляд Софи.

Лакей, лишь взглянув на них, объявил их имена, и гости повернули головы. Хозяйка поспешила к тете Софи.

– Ужасная толкотня, – заявила старая дама. – Найди мне кресло поуютнее, Салли. Я уж не так молода, как раньше.

– Конечно, дорогая Софи, – улыбнулась Салли Форсайт. – Вас сейчас устроят поудобнее и принесут вина.

Проводив старую даму, Салли обратилась к Психее:

– Моя дорогая, наконец мы увидим этого таинственного человека! Я сгораю от нетерпения.

Психея изобразила на лице улыбку, но в этом не было необходимости. Салли уже отвернулась от нее и с нескрываемым любопытством разглядывала человека, стоявшего перед ней.

– Дорогой лорд Тарриигтон, добро пожаловать. Гейбриел склонился к ее руке.

– Как любезно с вашей стороны позволить мне приехать почти без приглашения, – сказал он, как ему было велено.

Но Психея не просила его так улыбаться! Его глаза весело блестели, как будто они с Салли состояли в восхитительном заговоре. Он был неотразим.

– Я счастлива познакомиться с вами, – сказала Салли, очарованная его непринужденностью и привлекательностью. – У нас скромный вечер, но я бы не хотела, чтобы вы, как жених дорогой Психеи, упустили случай познакомиться с ее старыми друзьями.

– Ни в коем случае, – с готовностью согласился Гейбриел.

Психея скрипнула зубами. Он выполнял ее указания, этого она не могла отрицать. И его поведение было приятным, но удача может изменить ему. В конце концов он совершит ошибку, проговорится о своем происхождении или фальшивом положении, и что тогда будет с ней? О, почему только он не исчез после обеда, как она ранее предполагала?

В то же время Психея видела зависть в глазах других женщин и в глубине души признавалась, что не так уж плохо, что ее видят с таким красивым, очаровательным, остроумным мужчиной после того, как слишком долго ее охранял кузен Перси.

Словно материализовавшись в ответ на ее мысли, тот возник перед ней, как злой гений.

– Добрый вечер, – любезно поздоровалась с ним Психея. – Ты, конечно, помнишь лорда Таррингтона?

Гейбриел вежливо поклонился. Но Салли, нисколько не смущаясь, продолжала оживленно болтать с ним, не обращая

внимания на вновь прибывших гостей. К тому же она стояла очень близко к нему, почти прижимаясь к его плечу, как заметила Психея. Неужели Салли думает, что может забыть о приличиях, если она замужем за степенным, скучным, лысеющим мужем? Возмутительно, какое впечатление Гейбриел производит на женщин. Психее следовало бы предупредить Салли...

А Перси тем временем скулил не переставая:

– Как его можно забыть, когда ты разбила мое сердце, пренебрегла моей любовью...

Психея решила последовать примеру тети Софи и притвориться глухой, это изумительно помогало тете сохранять спокойствие.

– А где дядя Уилфред? Я послала ему письмо об условиях помолвки... – начала она.

Это отвлекло Перси.

– Отец дома, у него разыгралась подагра. Но нам об этом надо поговорить.

– У моей экономки есть рецепт превосходного мясного желе, очень помогает. Она с удовольствием пришлет его, – с невинным видом предложила Психея.

– Нет, нет, – перебил ее Перси, – не о подагре! А о твоей помолвке, конечно. Давай отойдем на минутку.

– Если у дяди появились вопросы, пусть он обсудит их с моим поверенным. Отпусти меня, Перси. Не имею никакого желания...

Но Перси, не слушая возражений, схватил ее за руку и потащил в угол. Психея с трудом сдерживалась. Ей необходимо было оставаться рядом с Гейбриелом. Вдруг он совершит ошибку?

– Что это с тобой? – возмутилась она. – Сейчас же отпусти меня и не раздражай моего будущего мужа.

Перси издал неприятный звук, напомним Психее свинью, страдающую расстройством пищеварения.

– Он – самозванец, Психея.

– Не говори глупостей, – возразила она, чувствуя, как пол уходит у нее из-под ног. – У тебя появилась навязчивая идея, и только потому, что ты не знаешь семью лорда Таррингтона.

– И никто не знает, – настаивал раскрасневшийся от возбуждения Перси. – Кого бы я ни спросил, никто не слышал ни о каком Таррингтоне. И, Психея... – Он сделал театральную паузу, но она не хотела слушать.

– Я бы выпила лимонаду, Перси. Ты не будешь так добр...

– Я опрашивал всех, кого знаю, и никто, никто, Психея, не слышал о таком титуле!

– О, чепуха, Перси! Просто его семья малоизвестна. Это ничего не значит.

Перси совсем побагровел от досады.

– Ладно, но я прошу тебя подумать. Этому человеку нужны только твои деньги.

– Но, Перси, ты, кажется, находил меня красивой? – Психея удивленно посмотрела на него широко раскрытыми гла-

зами.

– Конечно, без сомнения, конечно, но...

– Так почему лорд Таррингтон не может полюбить меня ради меня самой? Ведь и тебя интересовало не только мое богатство, не правда ли?

– Э... нет, разумеется, нет. – Перси чувствовал, что его перехитрили, но не понимал, как это могло случиться.

Он замахал руками, и Психея, воспользовавшись моментом, выскользнула из-под его руки и поспешила к гостям.

Девушка огляделась. Она увидела Салли, отпустившую наконец фальшивого лорда и теперь беседовавшую с двумя пожилыми дамами. А где же этот человек? Надо найти его, помочь, подсказать... Психея сердито подумала, что скорее всего он болтает с очередной хорошенькой незнакомкой. Стыда нет у этого актера!

Однако когда она его увидела, он стоял с бокалом вина у стола и дружески беседовал с тетей Мэрис и кухней Матильдой.

Кухня Матильда раскраснелась от удовольствия, и даже Мэрис оттаяла под влиянием мужских чар Гейбриела.

– А вот и вы, дорогая! Я как раз рассказывал кухне Матильде и тете Мэрис как безжалостно вы меня покинули, – обратился к подошедшей Психее Гейбриел.

– Я вас покинула? Да вы просто прилипли к нашей хозяйке, – возмутилась Психея. – Я ходила на кухню за топором, чтобы разъединить вас.

Матильда перепугалась, а Мэрис криво усмехнулась.

– Уже воюете? – сказала она. – Можно подумать, что вы уже женаты.

Психея покраснела, меньше всего ей хотелось показаться ревнивой.

– Нет, конечно, – сказала она. – Просто я боялась, что Гейбриел лишится возможности познакомиться с другими. Салли очень мила, но немного легкомысленна.

– Да, она не обладает острым умом, не то что вы, дорогая, – согласился Гейбриел. – Но я должен был выразить признательность нашей хозяйке за приглашение.

Она сама велела ему это сделать, напомнил Психее его насмешливый взгляд.

– Но вы ведь не собирались отвлекать ее внимание от других гостей?! – спросила тетя Мэрис.

– Конечно, нет, – с невозмутимым видом согласился Гейбриел. – Здесь так много приятных леди и джентльменов, с которыми мне надо познакомиться, и все они, очевидно, друзья моей дорогой Психеи.

Она представила, что он будет разговаривать с каждым из гостей, и ей стало страшно. Психея чуть не произнесла слово, которое она слышала в тринадцать лет от конюха на конюшне и от которого ее тетушка упала бы в обморок.

Музыканты уже настроили инструменты, и вот-вот должны были начаться танцы. Она взглянула на Гейбриела: он наблюдал за ней с таким видом, словно прекрасно понимал,

какие чувства ее терзают. Психея упрямо сжала губы. У кого-то должна быть ясная голова в этот вечер!

– Нам предстоит танцевать первый танец, моя дорогая... Но ей надо было еще многое объяснить ему.

– А... нет, почему бы нам не сесть в сторонке и не поговорить?

– От нас ожидают первого танца. Мы же только что помолвленные влюбленные голубки.

Психея прикусила губу. Он издевался над ней, но был прав. Не следовало оставлять его одного.

Гейбриел пообещал покрасневшей от удовольствия Матильде пригласить ее на танец позже и, взяв за руку Психею, повел ее в центр зала. Она бросила на него обеспокоенный взгляд.

– Да, я умею танцевать, – успокоил он ее, и Психея с облегчением вздохнула, но тут ей в голову пришла другая мысль.

– Теперь вам придется это сделать, – шепотом сказала она, когда они занимали свои места в кругу танцующих.

– Сделать что? – Поклонившись, Гейбриел отступил, выполняя фигуру танца.

– Танцевать с Матильдой! – шепотом пояснила она.

– Разумеется, неужели вы подумали, что я сознательно не сдержу свое слово? – удивленно и немного обиженно посмотрел он на Психею.

Она, не зная почему, почувствовала себя виноватой. Она только пыталась помочь ему. Психея не знала, понимает ли

он, как неукоснительно надо соблюдать правила поведения в высшем обществе. Его манеры были достаточно хороши для семейного обеда, но Гейбриел едва ли мог знать все тонкости, связанные с обладанием титулом. Он, безусловно, превосходный актер, но была ли у него возможность изучить светское общество изнутри?

Фигуры танца то соединяли, то разлучали их. Гейбриел смотрел на Психею с безмятежной улыбкой, и собственное беспокойство показалось ей глупым. Его не интересовало, что она о нем думает, зачем ему это? Все игра, цель которой – получить кошелек потолще. Обида, которую она увидела в его синих глазах... это ее разыгравшееся воображение, убеждала себя Психея.

Она должна была признать, что он танцевал прекрасно, со сдержанной грацией фехтовальщика. Этому, без сомнения, он научился, играя в трагедиях Шекспира. Затем Психея представила, как Гейбриел со своим безукоризненно красивым лицом выглядит в старинных одеждах времен Елизаветы, трико, плотно облегающее его мускулистые бедра и... Эти мысли заставили ее покраснеть.

Господи, что на нее нашло? Ничего удивительного в том, что благоразумные женщины теряют голову от его улыбки. Она больше не сердилась на Салли. Ни один мужчина не имел права иметь такое прекрасное лицо, такую мужественную красоту, такие широкие плечи, словно изваянные скульптором руки и ноги, такой неотразимый блеск синих глаз.

Гейбриел был таким умным и красноречивым и... в то же время насквозь фальшивым.

С грустью размышляя о несовершенстве Вселенной, Психея молчала. Когда музыка стихла, она сделала реверанс, и Гейбриел – немного дольше, чем принято, – задержал ее руку в своей.

– Вы недовольны мной, моя милая Психея? – тихо спросил Гейбриел.. – Вы так молчаливы.

– Нет, просто я волнуюсь. Давайте найдем пару стульев, и я объясню вам...

Но им снова помешали! К ним направлялась Салли. Психея напряженно выпрямилась. Жить во лжи было страшно утомительно, все время приходилось быть готовой ко всему.

– Софи хочет видеть тебя, Психея, – весело сказала Салли. – А несколько человек жаждут познакомиться с твоим женихом.

«И все они – женщины!» – подумала Психея. Ей хотелось схватить его за рукав и не отпускать от себя. Вместо этого она ограничилась тем, что бросила на Гейбриела предупреждающий взгляд и отправилась в другой конец зала.

Тетя Софи, удобно расположившаяся в мягком кресле, беседовала с пожилыми дамами.

– А вот и ты, дитя, – сказала Софи. – Я хотела, чтобы ты поздоровалась с моими друзьями.

Психея изобразила на лице вежливый интерес.

– И кроме того, – недовольно добавила тетюшка, – не цеп-

ляйся за своего молодого человека как влюбленная дурочка, как бы смазлив он ни был.

Психея застыла под зорким взглядом старой дамы. Конечно, она не могла допустить, чтобы над ней смеялись. Девушка отвернулась от остальных гостей и принялась болтать с тетушкиными приятельницами. Прошло четверть часа, прежде чем она смогла вернуться в зал. Где же Гейбриел? Она отыскала его в окружении молодых девиц, раскрасневшихся, смеющихся и строящих глазки ее предполагаемому жениху.

«Что, они совсем потеряли рассудок?» – с раздражением подумала Психея. Может ли она вмешаться? Психея встала в нерешительности. Рядом с ней остановилась мать одной из собеседниц Гейбриела.

– Я поражена, что вам наконец это удалось, Психея, – сказала миссис Моннат.

– Что? – нахмурилась Психея. – Вы думали – я безнадежная старая дева?

– Нет, дитя, с вашим богатством вы всегда могли выйти замуж. Но я думала, вы никогда не избавитесь от вашего мерзкого кузена, – со смешком заметила матрона.

– О! – Психея тяжело вздохнула. – Это было непросто.

– И нашли такого обворожительного молодого человека, в нем что-то есть... Все женщины будут вам завидовать. Он намного интереснее вашего кузена.

– Ваша Люсиль, кажется, тоже так думает, – усмехнулась

Психея.

Мать Люсили улыбнулась и заговорила уже серьезно:

– У нее хватит ума не увлечься джентльменом, который помолвлен, но он так владеет искусством флирта, что ей полезно попрактиковаться. Она немного застенчива и неуверенно чувствует себя в обществе, ее приданое не сравнить с вашим, оно не соблазнит расчетливого человека. Мы, конечно, не мечтаем о маркизе, но мне бы хотелось устроить ее счастье.

Психее стало стыдно.

– Люсиль – очаровательная девушка, и я надеюсь, она встретит достойного человека.

– Благодарю вас, моя дорогая, я тоже на это надеюсь.

Когда музыканты заиграли новую мелодию, Психея увидела, как Гейбриел, извинившись, покинул девиц и направился в другую сторону зала. Он извлек из общества старых дам Матильду и повел ее к танцующим. Матильда светилась от счастья, и Психея неожиданно почувствовала прилив гордости. Он не забыл; она была довольна, что пока он вел себя подобающим образом, и радовалась за свою славную толстушку кузину.

Когда танец закончился, Гейбриел подвел Матильду к группе молодых людей и через пару минут оставил ее с очень молодым человеком с пышным галстуком, почти скрывавшим его подбородок. Как Гейбриелу удалось вовлечь застенчивую Матильду, обычно сидевшую с пожилыми дамами, в

разговор с джентльменом ее возраста, было непостижимо, но Психея невольно восхищалась Гейбриелом.

Он подошел к ней. Наконец она сможет преподать ему еще один урок хороших манер. Гейбриел поклонился ей и стоящим рядом с ней дамам.

– Если позволите, леди, – сказал он. – Моя невеста обещала мне этот танец.

Психея не говорила ничего подобного.

– Нет, нет, – запротестовала она. – Давайте найдем тихое местечко. Мне так много надо сказать вам, и...

– Разговоры могут подождать, – улыбнувшись дамам, неожиданно сказал Гейбриел не терпящим возражений тоном. – На этот раз вы должны слушаться меня, дорогая Психея.

Она не успела ничего сказать, как очутилась среди танцующих гостей, и Гейбриел, обняв ее за талию, прижимал к себе так близко...

– Я... не... я не хотела, я... – Психее почему-то стало трудно дышать.

– Я получил разрешение тети Софи на вальс с вами, – прервал Гейбриел ее попытки что-то объяснить. – Вы не робкая дебютантка, а светская дама и прекрасно танцуете. А я получил уже достаточно указаний для одного вечера.

– Я всего лишь пыталась помочь вам, – сказала Психея и тут же пожалела о своих словах. Приходилось признать, что она думала только о себе, но ведь и он не желал провала.

Но в этот момент Гейбриел, казалось, совершенно не беспокоился о приличиях. Он крепко держал ее в своих сильных руках, и ей ничего не оставалось, кроме как послушно кружиться в вальсе вместе с ним.

Это было странное ощущение. Психея, конечно, и раньше много танцевала с разными кавалерами, включая и неуклюжего Перси, наступавшего ей на ноги. Но никогда она не испытывала этого чувства наслаждения, отдаваясь во власть своего кавалера, осторожно и уверенно ведущего ее. Независимую и своевольную мисс Хилл должно было бы беспокоить это новое ощущение. И беспокоило, уверяла себя Психея.

Но неожиданная смена настроения, почти радость и облегчение от того, что хотя бы на минуту можно переложить свои заботы на кого-то другого...

О чем это она думает? Этот слишком ловкий актер влияет на нее, как и на остальных женщин, приближавшихся к нему. Она должна оставаться равнодушной. Но это было невероятно трудно сделать. Он с такой непринужденной грацией кружил ее в вальсе, его невероятно красивое лицо, ясные темно-синие глаза, казавшиеся полными страсти, были слишком близко...

Она не должна о нем думать. Не должна уступать его чарам. Этот человек был не только актером, он был чародеем. С огромным усилием Психея отвела глаза от его лица и уставилась на его галстук.

– Я называю этот галстук Синклером, – небрежно сказал Гейбриел. – Я придумал его, когда учился в Оксфорде и мечтал стать настоящим денди.

– Что? – Психея так удивилась, что снова посмотрела ему в глаза. Это оказалось ошибкой. На этот раз она уже не смогла вырваться из плена его ясных синих глаз. В горле у нее пересохло. – О чем вы говорите?

– О том, как я завязываю галстук, конечно. Мне показалось, вас интересует мужская мода. – Гейбриел добродушно подсмеивался над ней, но Психея покраснела от напоминания об их недавнем споре.

– Я только пыталась помочь, – сохраняя чувство собственного достоинства, ответила она, – посоветовать, как вам себя вести...

– Я знаю, мне не следовало терять самообладание.

– И поэтому вы пригласили меня на вальс?

– Нет, дорогая. – Гейбриел притянул ее к себе еще ближе. – Я мечтал об этом вальсе еще по дороге сюда.

– Правда, – она хотела возразить, – вы слишком...

– Потому что мне хотелось обнять вас, – с нежностью в голосе закончил Гейбриел, – и если я должен играть роль вашего возлюбленного, то вы должны позволить мне вести себя, как подобает влюбленному.

Психея не знала, что ему ответить. Он, конечно же, снова дразнил ее, но в его глазах было столько теплоты, выражение лица так серьезно, а музыка обволакивала их словно ласко-

вые волны южного моря, унося из шумной комнаты куда-то далеко-далеко. Возможно, где-то у нее мелькнула мысль, что этот человек – актер и нельзя верить ни единому его слову.

Но в эту минуту, когда они были так близко, что она ощущала его мужской, чуть мускусный запах, самообладание покинуло Психею. Она даже не пыталась вернуть присущую ей настороженность. Она позволила себе забыть обо всем, кроме очарования минуты. Да, вероятно, Синклер все-таки был чародеем.

Когда музыка смолкла, ей было трудно вернуться в реальную жизнь. Они еще постояли, застыв на месте, и Психея с удивлением поняла, что ей не хочется покидать его объятий. Гейбриел смотрел на нее с непроницаемым выражением лица. Психее оставалось только надеяться, что ее замешательство не будет замечено любопытными, без сомнения, наблюдавшими за ними.

– Благодарю вас за вальс. Вы – прекрасный танцор. «А актер еще лучший, чем я предполагала», – с грустью подумала она.

– Вы вдохновляете меня, – понизив голос, сказал Гейбриел.

Ее сердце громко стукнуло в груди раз, другой. Психея сознавала, что это пустые слова, он также танцевал и с Матильдой, но она все равно была к нему равнодушна. Ей вдруг так захотелось верить ему, верить, что его внимание было искренним. Если бы только...

Если Психея нуждалась в напоминании о жестокой действительности, то она получила его слишком скоро.

– Этот человек мошенник! – раздался чей-то громкий голос.

Глава 8

Гейбриел замер. Психея обернулась, чтобы посмотреть, кто осмелился на глазах всего общества бросить такое обвинение.

Конечно, это был Перси.

– Ты должна расторгнуть свою помолвку, дорогая кузина, – понизив голос, сказал он. Но все уже с любопытством смотрели на них, и слышались удивленные восклицания.

– Перси, как ты мог! – Психея пришла в ужас от его выходки и еще больше от того, что она грозила им разоблачением. С трудом сохраняя невозмутимый вид, девушка ухватилась за руку Гейбриела. Ее желудок сжимался от страха, в горле пересохло, а все больше гостей поворачивали головы в их сторону. Разговоры затихли, все напрягали слух, и даже музыканты заиграли тише.

Перси уставился на нее, в его выпученных глазах горел фанатичный огонь.

– Я вырву тебя из лап этого обманщика, – повторил он, снова повышая голос так, что любопытные матроны и толстые джентльмены, стоявшие по углам, не упустили ни одной пикантной подробности назревавшего скандала. – Я разговаривал со всеми моими друзьями...

– Это, должно быть, не заняло много времени, – заметил Гейбриел.

Перси удивленно моргнул, но не ступевался.

– И никто не слышал об этом человеке и его так называемом титуле, и я должен спасти мою дорогую кухню от этого распутного негодяя.

Психея подумала о надвигавшейся катастрофе и почувствовала головокружение.

– Вы сомневаетесь, кто я, сэр? – глядя в лицо Перси, спросил Гейбриел. Такого ледяного тона Психея никогда не слышала. Она восхищалась его выдержкой.

Перси побледнел, но не отступал.

– Да.

– Может быть, нам с вами лучше выйти и поговорить наедине? – предложил Гейбриел.

Улыбаясь, он напоминал оскалившего клыки волка. Несмотря на отчаянное положение, Психея на минуту пожалела своего кузена. Но здравый смысл возобладал, и ей захотелось разорвать его на куски. Перси покачал головой.

– Нет, нет, – сказал он, – я не намерен драться с таким, как вы.

Гости заговорили громче, и улыбка исчезла с лица Гейбриела. Вид у него становился все более угрожающим.

– Мне известны и другие способы, – спокойно заметил он.

Перси снова замотал головой:

– Нет, нет, вы не можете вызвать меня на дуэль, если вы не дворянин, и я не обязан принимать вызов от человека не моего класса. И...

– И я буду вынужден свернуть шею такому жалкому трусу, как вы? – спросил Гейбриел.

Он не повысил голоса, но его слова произвели впечатление. Он шагнул к Перси, и тот попятился.

– Я лишь говорю об очевидном, сэр. – Он покраснел и растерялся. – Кем бы вы ни были.

– Мое имя Гейбриел Синклер, с недавнего времени маркиз Таррингтон, – звенящим голосом заявил Гейбриел. – И если кто-нибудь ставит под сомнение мое имя, мою репутацию, мою честь, то он должен обратиться ко мне и представить доказательства своих обвинений.

– Но... но никто о вас не слышал, – заикнулся Перси.

– Гейбриел, старина, в чем дело? – послышался незнакомый голос. – В чем обвиняет тебя это насекомое?

В дверях стоял неизвестный человек, вероятно, только что приехавший на бал. Психея не слышала, чтобы распорядитель объявлял его имя. Могло случиться и так, что в напряженной обстановке, возникшей в бальном зале, лакей просто забыл о своих обязанностях. Прибывший был молодым человеком со светлыми волосами и круглым лицом. В щегольском вечернем костюме он выглядел олицетворением безупречного вкуса.

– Этот идиот думает, что я не тот, за кого себя выдаю, – объяснил Гейбриел.

– Почему же, черт возьми, он так думает? – поинтересовался молодой человек. Он посмотрел на Перси, словно тот

был проявлением низшей формы жизни на земле. – Известно ли вам, что мы вместе учились в Оксфорде? А до этого я знал его в Итоне. В школе мы были маленькими грязнулями.

Психея могла поклясться, что этот элегантный денди никогда в жизни не был грязнулей. Но к ее радости примешивалось недоумение. Оксфорд? Итон? Ни один актер не мог там учиться... Кто же он? Или актер нанял другого актера... нет, нет, это немыслимо. Откуда Гейбриел мог знать, что ему потребуются подтверждения его личности? Однако лицо молодого человека показалось Психее знакомым. Фредерик, Фредди...

– Фредди, ты молодчина, – по-дружески сказал Гейбриел. Он положил руку на плечо друга, и они отвернулись от Перси, более не заслуживавшего их внимания. – Познакомься с моей будущей женой.

Психея, здороваясь с Фредди, слышала, как Перси в отчаянии упрямо твердил:

– Нет. Нет. Он, должно быть, тоже обманщик.

– О Перси! – рассердилась Салли. – Я знаю Фредди Уайрика с самого рождения. Наши семьи дружат уже двести лет. Может быть, ты уйдешь и перестанешь портить мой вечер?!

Как удалось Гейбриелу представить друга из своего несуществующего прошлого? Психея пребывала в полной растерянности. Она не сомневалась, что все должно иметь объяснение. А тем временем улыбнулась молодому человеку с та-

кой симпатией, что тот покраснел.

– Гейбриел, тебе, как всегда, повезло.

Тут Фредди замолчал и переглянулся с Гейбриелом, как будто сказал что-то лишнее. Отчего на мгновение омрачилось лицо Гейбриела? Психее казалось, что перед ней мозаичная картинка, в которой утеряна половина фрагментов, и нет надежды понять, что на ней изображено на самом деле.

Гости вернулись к своим разговорам, зазвучала музыка, но Психее уже не хотелось веселиться. Она еще не оправилась от страха, который испытала после обвинений Перси. Увидев, что Софи сделала ей знак, она извинилась перед мужчинами и поспешила к тетке.

– Перси еще глупее своего отца, – сердито сказала Софи. – Он сделает нас всеобщим посмешищем. Я хочу домой, на сегодня с меня довольно всяких глупостей.

Психея с радостью согласилась с ней. Прощаясь с Психеей, Салли сказала:

– Жаль, что ты так рано уезжаешь. Какой стыд, Перси не способен с достоинством смириться с поражением.

– Стоило бы засунуть его головой в колодец, – с отвращением заметила Психея. Она все еще сердилась на кузена за устроенную им безобразную сцену.

– В семье не без уроды, – засмеялась Салли. – Со временем он успокоится. Не позволяй ему портить тебе удовольствие. Лорд Таррингтон...

– Знаю – великолепен! – Психея поцеловала подругу в ще-

ку.

Но Гейбриел куда-то исчез. Она обнаружила его в комнате, где играли в карты, там он вместе с Фредди разговаривал с несколькими джентльменами и явно чувствовал себя с ними совершенно свободно.

– Тетя Софи устала, и мы уезжаем, – улыбнувшись всем присутствующим, сказала Психея и вышла, чтобы подождать его. Через открытую дверь она видела, как он за руку попрощался со всеми и, хлопнув Фредди по плечу, направился к ней.

Когда они уселись в карету, Психея заметила, какой утомленной и осунувшейся выглядела старая дама. Сцена с Перси произвела на нее тяжелое впечатление. В душе Психеи шевельнулось чувство вины. Она не могла себе простить, что, замыслив этот безумный план, не подумала, как он отразится на ее семье. А сейчас у нее связаны руки, по крайней мере до тех пор, пока она не сумеет убедить фальшивого лорда незаметно исчезнуть.

– Простите меня, тетя, – тихо сказала она.

– За что же? – удивилась Софи, понемногу приходявшая в себя. – Ведь не ты сделала Перси идиотом, не так ли? Мы должны за это винить его отца и мать, бедняжку. Но его выходы конечно, вызовут разговоры. Следующий раз, мисс, подумай, прежде чем устраивать тайную помолвку.

Психею не обманул резкий тон Софи, она смотрела на них с Гейбриелом с одобрением.

– Кстати, из вас двоих получилась прекрасная пара, когда вы танцевали, нельзя было не залюбоваться.

Человек, сидевший напротив них, кивком поблагодарил за комплимент, а Психея почувствовала, что краснеет.

– Судачат, что у вас, вероятно, какой-то ирландский титул, – обратилась Софи к Гейбриелу, – поскольку никто о нем не знает. Монетка, конечно, мелкая, но если это самое плохое, что о вас могут сказать разумные люди – о Перси мы не говорим, – то вы выживете.

– Благодарю вас, мадам, – ответил Гейбриел. – Я на это очень рассчитываю.

Только после того как они добрались до дома и тетя Софи поднялась к себе, Психея смогла спокойно поговорить с Гейбриелом.

– Я должна похвалить вас.

– За то, что из нас получилась прекрасная пара? – По его тону было заметно, насколько он равнодушен к своей мужественной красоте.

– Нет, конечно. За то, что в трудный момент вы не растерялись.

– У меня бывали ситуации и похуже, – сказал Гейбриел.

Он, казалось, не позволял ей говорить ему что-либо приятное, и Психея после всех оскорблений, которые она ему нанесла, решила быть справедливой.

– И за то, что вы как актер лучше, чем я ожидала...

– Не так уж трудно принимать чужой титул, жить чужой

жизнью, – с неожиданным цинизмом ответил Гейбриел. – Не так уж трудно смотреть людям в глаза и лгать. Актерам это приходится делать постоянно.

– О, понимаю, – сказала Психея, хотя ничего не поняла, но была неприятно поражена его саркастической гримасой, мало похожей на улыбку.

– Конечно, для этого требуется полнейшее отсутствие совести. И этот недостаток присутствует у меня в полной мере.

Психея в негодовании всплеснула руками:

– Это уж слишком! Вы...

– Мошенник, негодяй, человек без стыда и совести? – Он говорил насмешливым тоном, но его глаза горели, а губы... губы были полуоткрыты, и он наклонялся к ней.

Все, что она собиралась ему сказать, было забыто. Он решительно притянул ее к себе и, обняв за талию, прижал к своей груди так крепко, что пуговицы его сюртука врезались в ее нежную кожу. Психея не хотела этого неожиданного и нежеланного поцелуя. Она сопротивлялась, но когда его губы нежно прикоснулись к ее губам, забыла обо всем. И в ту минуту, когда она раскрыла губы, чего, казалось, Гейбриел ожидал от нее, он оттолкнул ее. Проведя тыльной стороной ладони по своим губам, он улыбнулся, как бы смеясь над самим собой.

– Теперь идите и вычтите десять фунтов за этот поцелуй. И не ждите меня, дорогая мисс Хилл, – сказал Гейбриел. – Я вернусь очень поздно.

Когда Психея после всех событий прошедшего вечера, после язвительных замечаний Гейбриела – чего только стоило упоминание о десяти фунтах штрафа – и короткого, но волнующего поцелуя отправилась спать, голова у нее раскалывалась. В ушах все еще звучали обвинения Перси, перед глазами стояло расстроенное лицо тети Софи.

Почему она решила, что сумеет осуществить свой безумный план? До сих пор их спасали находчивость и ловкость Гейбриела. Психея была ему благодарна, по крайней мере до тех пор, пока он не напомнил ей, что участвует в этой игре по другой, более прозаической причине. Но когда они танцевали, он казался таким...

Когда она наконец уснула, за окном уже светало и пели птицы. Накануне она приказала горничной ее не будить и проспала все утро. Открыв глаза, Психея увидела золотистые лучи света, проникавшие сквозь занавеси, и поняла, что уже около полудня.

Зевая, она приказала принести чай и снова задумалась об ужасной сцене, произошедшей на балу. Неужели все ее появления в свете со своим фальшивым женихом будут такими же из-за проклятого Перси? Ее семья и знакомые будут удивляться тайной помолвке и неожиданному появлению Гейбриела, будут шептаться за ее спиной и начнут подозревать, что он женится на ней ради ее денег. Но никто, кроме дяди Уилфреда и вездесущего Перси, не осмелится высказаться открыто.

Затем Психея вспомнила так кстати появившегося Фредди. Как это Гейбриелу удалось все подстроить?

В комнату с подносом вошла Симпсон, и мысли Психеи обратились к более насущным делам.

– Актер уже встал? – спросила она.

– Я его не видела, мисс, но Джоурс говорил, что он пьет чай с Цирцеей и мисс Теллман в детской.

Эта неожиданная дружба актера с ее сестрой удивляла Психею. Цирцея из-за своей застенчивости не любила новых знакомств. Вчера вечером Психея с ужасом думала, что ее первое впечатление оказалось верным: у актера не было никаких нравственных устоев. Так почему же он нравится Цирцее? Вероятно, сестра просто слишком молода и неопытна, чтобы разглядеть в нем подлеца.

Надо поскорее одеться и пойти наверх. Она должна убедить Цирцею, что не следует проводить время с этим беспринципным человеком. Конечно, можно просто запретить им видеться, но Цирцея всегда имела собственное мнение и, никогда не споря со старшей сестрой, поступала так, как сама считала правильным, не задумываясь о последствиях. Может быть, вздохнула Психея, это фамильная черта.

Симпсон приготовила ей белое муслиновое платье с голубым узором и вплела в золотистые волосы Психеи голубую ленту.

Когда Психея, направляясь в детскую, вышла в коридор, она услышала, как в дверь постучали и раздались чьи-то го-

лоса.

«О черт, – подумала она. – Если это опять Перси...»

Но это пришли кузина Матильда и тетя Мэрис.

– Добрый день, Психея, – сказала Мэрис. – Надеюсь, ты оправилась после вчерашнего. Джоурс сказал, что наша дорогая Софи желает сегодня остаться в своей комнате и отдохнуть.

– Да, спасибо, тетя Мэрис.

Мэрис говорила с ней необычайно мягко. Она явно пришла посплетничать и посмотреть, как Психея ведет себя после обвинений Перси, а затем поделиться своими наблюдениями с дюжиной самых близких подруг. Психея не должна доставлять ей такого удовольствия.

– Очень приятный был вечер, – сказала Психея, – если не считать пары мелких неприятностей из-за моего барана-кузена.

– Иногда Перси бывает невыносим, – хихикнула Матильда.

– Тупоголовый осел, неуклюжий теленок... – Психея быстро перечислила домашних животных. – О, давайте лучше поговорим о чем-нибудь приятном. Тебе понравился вечер, Матильда?

Щеки кузины порозовели.

– О да! Так приятно, когда тебя приглашают на танец. У твоего жениха прекрасные манеры. После танца он познакомил меня с мистером Стилтоном. И, представь, он тоже

пригласил меня танцевать! Великолепный вечер. Я думаю, у лорда Таррингтона доброе сердце.

Еще одну невинную душу обмануло очарование этого человека, подумала, подавив вздох, Психея.

– Не очень-то оно ему нужно при таком красивом лице, – язвительно заметила тетя Мэрис. – Однако это неплохо для вашего брака. Если повезет, он не будет одерживать победы прямо у тебя под носом.

– Простите? – с изумлением посмотрела на тетку Психея.

– Ты же не надеешься, что человек с такой внешностью будет хранить тебе верность? – спокойно объяснила Мэрис.

– Я думаю, вы несправедливы, – невольно вступилась Психея за своего подставного нареченного. – Откуда вы знаете, что он будет неверным мужем?

– Не будь наивной. Большинство мужей изменяют женам.

Психея сдержалась и не стала гневно возражать, уловив в циничном тоне тетки какую-то печаль. Как жила Мэрис со своим мужем? Ей даже стало жаль тетку.

– Некоторые мужья бывают постоянными, – тихо сказала Психея. – По-моему, таким был мой отец. Надеюсь, что таким же будет и мой муж.

Появление дворецкого избавило Психею от продолжения нелегкого разговора. Джоурс принес поднос с чаем и блюдо с булочками. И разговор перешел на более безобидные темы.

Но это продолжалось недолго. Они обсуждали мисс Леллеман, так неудачно выбравшую для бала платье оранжево-

го цвета с желтой отделкой, когда на пороге неожиданно появился новый гость.

– Перси! – чуть не застонала от отчаяния Психея. – Что ты здесь делаешь?

– Разве я нуждаюсь в приглашении, когда хочу справиться о здоровье моей возлюбленной? – с оскорбленным видом спросил кузен, стягивая перчатки и намереваясь схватить ее за руку.

Психея поспешно взяла чашку. Перси остался стоять перед ней с протянутой рукой. Матильда не сдержалась и хихикнула. Психея бросила на нее предостерегающий взгляд, а затем обратилась к Перси.

– Я не твоя возлюбленная, и неужели тебе мало неприятностей? За вчерашнюю сцену тебе нет прощения! – горячо заговорила Психея. – Как ты посмел поставить под удар репутацию нашей семьи?

– Очень нехорошо, Перси, – вставила тетя Мэрис.

– Я ставлю твое благополучие выше чести семьи, кузина Психея, – заявил Перси и улыбнулся, ожидая благодарности. – Разве это не доказывает мою преданность?

Психею переполняло не чувство благодарности, а желание свернуть ему шею.

– Я бы хотела, чтобы ты пореже раскрывал свой рот, – сказала она.

– Но послушай, Психея...

– Я не нуждаюсь ни в твоих советах, ни в твоей помощи.

Не знаю, как еще яснее объяснить тебе это.

– И это вся благодарность? – обиделся Перси.

– Да, – подтвердила Психея.

– Тогда я не стану навязывать тебе свое общество...

– Хорошо... то есть до свидания, Перси. Ты знаешь, где выход.

– Но сначала я поговорю с этим мошенником маркизом, – договорил Перси. – Я передал ему через Джоурса, что буду ждать его в библиотеке для мужского разговора. И хорошо, что там не будет дам, потому что я проявлю настойчивость.

– Как вчера? – спросила Психея. – Перси, ты не будешь приставать к моему жениху. Я тебе запрещаю!

Он не обратил внимания на ее слова и с достоинством удалился. Ей хотелось пойти вслед за ним в библиотеку. Если бы ее гости ушли...

Она повернулась к тете Мэрис и Матильде. Кузина выглядела встревоженной, но Мэрис, казалось, эта сценка позабыла.

– Я всегда говорила, что Перси идиот, – спокойно заметила Мэрис. – Во всем виновата черная кошка, которую увидела его мать, когда была на сносях. Неудачи всегда будут преследовать его.

– Не думаю, что во всех странностях Перси виновата кошка, – сказала Психея, напрягая слух. Как выпроводить поскорее родственниц и посмотреть, что делают мужчины? – Знаете, он очень похож на своего отца, и что бы он ни говорил о

моем благополучии, его больше всего волнует благополучие моих денег.

– Истинная правда, – сказала Мэрис, стяхивая крошки с колен. – Он никому не позволит тратить их.

Психея собрала всю свою волю, чтобы не подойти к двери и, не скрываясь, послушать, что там происходит. Она отчетливо слышала, как кто-то из них повысил голос, но не разобрала слов. Неужели дело дошло до кулаков?

Дверь отворилась, но это был Джоурс.

– Мисс, прошу вас выйти на минуту.

– Конечно, – поспешила ответить Психея, радуясь предложению покинуть комнату. – Тетя, Матильда, пожалуйста, извините меня.

– Психея, ты плохо воспитываешь слуг, – сердито заметила Мэрис, но Психея уже бежала к двери. Она плотно закрыла ее за собой.

– Пришел... человек, мисс, он скандалит, и я не знаю, что с ним делать.

– Что за человек? – Психея с удивлением посмотрела на странное выражение лица дворецкого.

Джоурс слегка запнулся, щеки его горели.

– Ваш второй жених, мисс.

Глава 9

Психее показалось, что она ослышалась.

– Что?

– Э, так он утверждает. Очевидно, сумасшедший, мисс, – сказал дворецкий. – Я бы позвал лакеев, чтобы они помогли мне выставить его за дверь, – старому слуге, видимо, было стыдно признаваться в собственной слабости, – но один ушел с поручением, а другой лежит с зубной болью, остается только Уилсон, но он такой маленький. А этот безумный чрезвычайно настойчив.

– Господи! – Психея понятия не имела, кем мог быть этот человек. Она-то полагала, что проблема возникла с Перси.

– Лучше не оставлять его одного, мисс. Кто его знает, он может поубивать всех в доме.

– Верно! – Она поспешила вниз вместе с дворецким и в холле увидела худого узкоплечего мужчину в дешевом костюме, ходившего взад и вперед, за которым с беспокойством следил Уилсон, уже попавший на этой неделе в переделку.

– П-приветствую вас, мисс Хилл, – заикаясь произнес незнакомец.

– Откуда вы знаете мое имя? – спросила она, удивляясь, что с ней здороваются незнакомый человек.

– Конечно, я знаю имя т-того, кто мне так близок и до-

рог, – заявил он.

Психея почувствовала, что все закружилось у нее перед глазами. Он действительно сумасшедший, Джоурс не ошибся. Что она должна с ним делать? Не следует ли поддержать его заблуждение? Психея слышала, что это самый надежный способ общения с сумасшедшими.

– Понимаю, – тихо сказала она. – Простите, но я, к сожалению, не могу сейчас вспомнить ваше имя.

Повернувшись к дворецкому, она шепнула:

– Позови маркиза, Джоурс. Он нам поможет. Уилсон, а вы тащите сюда лакея, болят у него зубы или не болят.

Джоурс направился к лестнице, а Уилсон, обрадовавшийся возможности избежать опасности, скрылся в глубине дома. Психея осталась наедине с безумцем, но он был очень слабым на вид и не делал угрожающих движений, поэтому ей удавалось сохранять спокойствие.

Неожиданно он склонился перед ней в низком, слишком низком, поклоне.

– Я, конечно, м-маркиз Таррингтон, ваш покорный слуга, мадам.

– Вы так утверждаете? – Психея лихорадочно пыталась хоть что-нибудь сообразить.

Что это? У самозванца нашелся двойник? Неужели весь мир сошел с ума? Это ей в наказание за то, что пренебрегла всеми правилами приличия. Вся Вселенная обернулась против нее.

– Я д-должен извиниться, что не присутствовал на помолвке, – заикаясь продолжал он. – Но я внезапно заболел и...

Психея услышала, как поворачивается ручка двери, и, обернувшись, увидела, что дверь в библиотеку начинает открываться. О нет, только не Перси, только не сейчас!

Бросившись вперед, она схватила безумца за руку и потащила к маленькой комнате, расположенной рядом с библиотекой. Мужчина был так худ, что она без труда смогла затолкать его туда.

– Сидите здесь, и ни звука! – прошипела она, закрывая дверь перед его изумленным лицом.

Обернувшись, она увидела в холле Перси.

– Я слышал, как доложили о маркизе. Где он?

– Он еще не спустился. Пожалуйста, подожди в библиотеке. Я скажу тебе, когда он придет.

– Скажи, чтобы его поторопили, – проворчал Перси, но вернулся в библиотеку. Тяжелая дубовая дверь закрылась за ним, и Психея облегченно вздохнула. Теперь ей надо разобраться в этой путанице, пока не...

Дверь маленькой комнаты приоткрылась, и сумасшедший выглянул наружу.

– Мисс Хилл, нам надо уточнить условия нашего договора...

Но начала открываться другая дверь, и Психея замахала на него руками.

– Не сейчас, закройте дверь!

Из малой гостиной выглянула Матильда.

– Прости, Психея, но мама спрашивает, скоро ли ты придешь, ей еще надо обсудить с тобой...

Психея перебежала через холл и тихо попросила Матильду:

– У меня возникли сложности, сейчас нет времени объяснять. Пожалуйста, задержи мать в комнате и не открывай дверь.

– Конечно, если надо, Психея, но...

Психея втолкнула кухню обратно в комнату. Надо было убрать сумасшедшего с глаз долой, пока он не вызвал у Перси еще больше подозрений и еще больше не осложнил ее положение.

Она дошла до середины холла, когда услышала позади шаги. Нервы у Психеи были так напряжены, что она резко повернулась, но за ней шла всего лишь ее горничная Симпсон.

– Мисс, у нас все в порядке? А то пришел Джоурс, ужасно взволнованный, и бормотал что-то, вроде как нас всех убьют в нашем собственном доме!

Снова приоткрылась дверь маленькой комнаты, и высунулся безумный человечек.

– Мисс Хилл?

– Закройте дверь! – закричала на него Психея. Он скрылся за дверью, но стоявшая рядом Симпсон ахнула.

– Мисс, вы не можете с ним так обращаться, как бы вас

ни раздражала его жадность, потому что он хочет получить побольше денег за свою роль. Люди увидят и...

– Потом. – У Психеи не было времени разгадывать это странное замечание, ибо ей приходилось следить сразу за двумя дверями. – Я жду актера, чтобы он помог нам избавиться от этого сумасшедшего, который заявляет, что он – маркиз Таррингтон. Перси не должен его увидеть.

– Но, мисс, это и есть маркиз Таррингтон.

– Что? – Комната закачалась перед глазами Психеи, и горничная поддержала ее. – О чем ты говоришь?

– Я говорю, что это – актер, которого я наняла, мисс, – объяснила Симпсон, дотрагиваясь до головы хозяйки, чтобы убедиться нет ли у нее лихорадки.

– Этого не может быть, – слабым голосом произнесла Психея. – Разве ты не видела...

Нет, за последние два дня горничная ни разу не оказывалась в одной комнате с фальшивым лордом. Но если это – актер...

– Тогда кто же он? – прошептала Психея, когда на лестнице раздались шаги Гейбриела Синклера. Он вопросительно посмотрел на нее.

– Вы посылали за мной? – спросил он. – Вашего беднягу дворецкого невозможно понять. Джоурс бормочет что-то о сумасшедшем, забравшемся в дом, но, конечно, он что-то перепутал?

– Понятия не имею, мисс. – Симпсон уставилась на сто-

явшего перед ней высокого мужчину.

– О Боже! – Психее нечем было дышать. – Думаю, это я сошла с ума. – Ей хотелось сесть, но на это времени не оставалось.

Двери снова начали открываться. Из гостиной выглянула тетя Мэрис.

– Я звонила три раза, никто из слуг не появился. У Матильды обморок, мне нужны нюхательные соли.

Две двери распахнулись одновременно. Маленький человечек упрямо выглядывал из одной, а из библиотеки вышел Перси.

– Вот и вы, – сказал Перси. – Я желаю с вами поговорить, сэр.

Но Гейбриел с изумлением смотрел на сумасшедшего.

– А кто вы? – спросила, обращаясь к Гейбрийелу, Психея. – Вы мне сказали...

В ответ прозвучал неестественно громкий голос незнакомца, словно он таким способом подбадривал самого себя.

– Я – м-маркиз Т-Таррингтон.

На мгновение наступила тишина, затем все разом заговорили.

– Вы шутите? – загремел Перси. – Кто этот человек?

– Что это все значит, Психея? – В холле появилась тетя Мэрис.

Человечек смутился, а Психея от ужаса онемела. Этот человечек оказался тем самым актером, с которым договарива-

лась ее горничная. Она посвятила его в семейные дела и наняла на роль маркиза. Это худое, узкоплечее существо в дешевом сюртуке, которое даже не могло как следует произнести присвоенный ему титул, не было бы в состоянии выдерживать пристальное внимание ее родственников, или противостоять Перси, или вообще сыграть эту роль. Она содрогнулась, представив, в какой позорный спектакль превратилась бы ее помолвка, если бы рядом с ней появился этот робкий, заикающийся актер.

Но откуда же тогда возник Гейбриел Синклер?

Все ждали, что ответит Психея, но первым заговорил Гейбриел.

– Он хочет сказать, – спокойно объяснил он, бросив взгляд на испуганного человечка, – что маркиз Таррингтон – его хозяин, а он его секретарь. Бедняга немного застенчив, и его легко испугать, к тому же он немного заикается. Но он хорошо знает свое дело.

– Бедняжка, – сказала Матильда, явно забывшая о своем притворном обмороке и с любопытством выглянувшая в холл.

Психея с облегчением вздохнула. Перси пожал плечами. Слуга, даже занимавший более высокое положение, не заслуживал его внимания.

– Нечего с ним возиться. Я желаю поговорить с вами, Таррингтон.

– Одну минуту, Хилл. Я только дам моему секретарю ука-

зания, за которыми он и пришел.

– Тогда поторопитесь, – проворчал Перси, но вернулся в библиотеку и закрыл за собой дверь.

Гейбриел положил руку на плечо «секретаря» и втолкнул его обратно в маленькую комнату.

– Тебе, как я вижу, уже лучше, – сказала Мэрис дочери, – думаю, нам следует уехать, Психея. Матильде надо выпить лечебного отвара и отдохнуть.

Психея обняла кузину.

– Спасибо! – шепнула она и вслух добавила: – Надеюсь, ты скоро поправишься.

– Не сомневаюсь, – ответила Матильда, довольная, что оказала Психее услугу.

Психея проводила их. Ее ожидали более важные дела. Вернулся Джоурс.

– Все в порядке, – с улыбкой успокоила его она. – Он не сумасшедший. Он просто немного заикается, и иногда его трудно понять. Это секретарь маркиза Таррингтона.

– О! – Лицо Джоурса разгладилось. – Простите, что понапрасну встревожил вас, мисс.

– Ты не виноват.

Психея подозвала горничную, и они вместе вошли в комнату, где стояли, разглядывая друг друга, двое мужчин.

– Ну, – ледяным тоном обратилась к ним Психея, – я хочу знать, как это получилось, рассказывайте все!

– Она, – махнул рукой в сторону Симпсон «секретарь», –

она наняла меня, чтобы я, мисс, сыграл роль в частном доме. Обещала мне двадцать фунтов.

– Да, но вы же не появились, не так ли? – холодно возразила Психея. – Так за что же вам платить?

Он заморгал. У него были светло-карие глаза, правильные черты лица, но, к сожалению, угреватая кожа.

– А, э-э... то есть...

– Так почему же вы не пришли? – возмущенно спросила Симпсон и покраснела. – Прошу прощения, мисс, но он обещал!

– У него сдали нервы, – вмешался Гейбриел. – Я встретил его у театра, у служебного входа, и когда подъехала ваша карета, он сказал кучеру, что маркиз Таррингтон – это я.

Психея поняла: этот человек знает, что Гейбриел – самозванец. Если у него достанет сообразительности воспользоваться этим, то угроза разоблачения будет висеть над ними как дамоклов меч. Им следует вести себя очень осторожно. По взгляду Гейбриела было видно, что он тоже понимал, какая опасность им угрожает.

– Видите ли, я был очень расстроен, – сказал актер. – И я рассчитывал на роль Яго или хотя бы одного из лордов, но все роли отдали другим.

Это не удивило Психею.

– Простите за вопрос, но у вас большой опыт игры на сцене, сэр?

– Грин, Томас Грин, к вашим услугам, – с низким покло-

ном представился актер. – Я сыграл более полудюжины ролей: второго убийцы в «Макбете», лакея в комедии – и сыграл бы больше, однако я заикаюсь; но только когда волнуюсь.

– И вы волнуетесь перед выходом на сцену? – не удержавшись, спросила Психея.

– Всегда, – с грустью сказал Грин. – Поэтому мне дают маленькие роли, а в последнее время – совсем никаких. А вы же обещали мне хорошие деньги, и я задолжал квартирной хозяйке, и она грозитя выкинуть меня на улицу. Поэтому я и пришел и хочу получить свои деньги.

– Боюсь, мы больше в вас не нуждаемся, – сказал Гейбриел. – Я был вынужден заменить вас, когда вы не явились в назначенное время.

Грин посмотрел на него растерянно и отчасти с негодованием:

– Н-но...

– Мы можем предложить вам другую роль, – перебил его Гейбриел.

Лицо актера просветлело.

– Какую же?

– Вы будете моим секретарем, – объяснил Гейбриел. – Вы – сын пастора, недавно вступили в эту должность и никогда не играли на сцене. Вы беззаветно преданы маркизу Таррингтону, то есть мне. Сумеете это сыграть?

– Конечно, – расправив плечи, заверил актер. – Я буду прекрасным секретарем. Никто не усомнится.

Психея нервно сглотнула. Возможно, лучше, если он будет у них на глазах, но ее первоначальный план, такой простой и надежный, все усложнялся и усложнялся. Кого ожидать теперь? Шестерку белых лошадей и волшебницу-крестную?

– Вам будут платить согласно договору, и я дам вам работу. Вы умеете читать и писать? – спросил Гейбриел.

– Конечно! – Грин был явно оскорблен. – Как же иначе я мог учить роли?

– Конечно. – Казалось, его слова не убедили Гейбриела. – Пока вы находитесь в этом доме, ваша работа заключается в том, чтобы держать язык за зубами. Не болтать со слугами. Помните, что, как секретарь в уважаемой семье, вы выше их, и не унижайте себя сплетнями.

– И что я должен делать? – спросил Грин, теребя потрепанную шляпу.

Гейбриел подошел к книжным полкам. Родители Психеи были большими любителями чтения, и книг в библиотеке было такое множество, что менее ценные из них хранились в этой комнатке. Он взял выцветший томик и раскрыл его.

– Вы можете сидеть здесь, в этой очень удобной, теплой комнате, и Джоурс будет заботиться о вас, приносить вам еду, кстати, повар здесь отличный, а вы должны переписать эти тексты.

Актер просиял при мысли о еде и удобствах, но, взглянув на страницу, которую показывал Гейбриел, нахмурился:

– Но это же сборник проповедей.

– Да, после этой роли я подумываю заняться церковной карьерой, – совершенно серьезно сказал Гейбриел.

Психея закашлялась, чтобы не расхохотаться. Вот уж кого нельзя было представить священнослужителем... Грин посмотрел на разложенные на столе книгу, бумагу, перо и чернила.

– Думаю, я сумею. Я, э-э... не очень быстро пишу, милорд.

– Вот и прекрасно, торопиться некуда, – успокоил актера Гейбриел. – И я попрошу Джоурса принести вам стаканчик вина, чтобы вы оправились и вошли в роль.

Лицо Грина выражало истинное блаженство.

– Мы оставляем вас, – сказал Гейбриел.

Он придержал дверь, пропуская вперед обеих женщин.

– Принеси моему секретарю стакан портвейна, – приказал он топтавшемуся в коридоре лакею.

– Но всего лишь один, – добавила Психея. – Нам только не хватало пьяного... секретаря. Симпсон, ты можешь идти.

Они остались в коридоре одни.

– Теперь, – сурово сказал Психея, – вы...

Дверь библиотеки открылась. Психея совсем забыла о Перси.

– Я желаю поговорить с лордом Таррингтоном, – с важным видом заявил кузен. – Вы заставили меня слишком долго ждать...

– А я слишком долго жду, когда меня оставят в покое в

собственном доме! – рассердилась Психея. – Тебе не о чем говорить с лордом Таррингтоном, Перси. Я сама могу разобратся в своих делах.

– Но, Психея...

– Уходи, Перси, сейчас же!

– Если вам надо помочь, то я с радостью провожу вас до дверей, – предложил Гейбриел, насмешливо блеснув синими глазами.

Кузен с опаской посмотрел на его крепкую мускулистую фигуру.

– Нет, нет, я не унижусь до... – Оскорбленный, он нахмурил брови. – Ладно, когда ты поймешь свою ошибку, кузина, когда тебе потребуется помощь...

– Вон! – закричала Психея, окончательно теряя терпение.

Перси направился к двери.

– Ты еще пожалеешь, – проворчал он, как всегда стараясь, чтобы последнее слово осталось за ним.

Через минуту входная дверь захлопнулась, и Психея перевела дыхание. Они с Гейбриелом вошли в библиотеку. Психея взглянула на удобное кресло, в котором обычно отдыхал ее отец, но была слишком взволнована, чтобы сидеть.

Гейбриел закрыл дверь, и наступила блаженная тишина. Перси выставили из дома, и сразу стало легче дышать.

Психея повернулась к таинственному человеку, который каким-то образом оказался впутанным в ее безобидный обман.

– Кто вы?

Губы Гейбриела шевельнулись, но выражение его глаз она не могла понять, и на мгновение ею овладел страх. Кто этот человек, которого она так беспечно впустила в свою жизнь?

– Это зависит от того, к кому вы обращаетесь, – тихо сказал он.

– Избавьте меня от своих загадок, – отмахнулась она от его слов. – Почему вы взяли на себя роль моего жениха? Вы тоже актер, или... – Психея со страхом ожидала его ответа.

– Я занимался многими вещами. Она снова утратила самообладание.

– Так скажите мне правду!

– Последнее время я зарабатывал себе на жизнь игрой в карты, – глядя куда-то вдаль, спокойно сказал Гейбриел.

– Игрок? – ужаснулась Психея.

– Да. – Он с невозмутимым спокойствием встретил ее взгляд.

И она ввела его в свою семью, позволила общаться с сестрой!

– Вы – шулер, бесчестный...

– Я никогда не мошенничал! – с жаром перебил ее Гейбриел. Наконец она пробила его броню. – То есть если противник первым не начинал жульничать.

– И вам не повезло, и нужно было несколько фунтов, чтобы играть и дальше? – Все начинало проясняться. – Какая удача, что вы встретились с актером, который так боится сце-

ны. – «Нет, – подумала Психея, – остается много непонятного». – А как же Фредди Уайрик? Как вам удалось уговорить его притвориться вашим старым школьным другом?

Он пристально смотрел на нее с непроницаемым выражением лица. Психея почувствовала, что у нее подгибаются колени. Она опустилась в кресло.

– Это не выдумка, это правда. Он учился вместе с вами. Психея вспомнила прекрасные манеры Гейбриела, его безупречную речь, умение танцевать и общаться с людьми. И, наконец, поняла...

– Вы – благородного происхождения, не так ли? – чуть слышно прошептала она.

– Вы разочарованы, что я не жалкий актер? Неужели быть благородным по рождению хуже, чем изображать благородство на сцене? – небрежно заметил Гейбриел. Но выражения его потемневших глаз она так и не смогла понять.

– Хуже то, что за этим скрывается, – объяснила она, стараясь собраться с мыслями, – что ваша страсть к игре привела к тому, что вы проиграли наследство...

– Нет, я не проиграл наследство. Я играл, только чтобы выжить. – Его спокойный тон звучал убедительно. – Я не азартен.

– Значит, если не игра, то единственной причиной может быть какой-нибудь ужасный скандал...

Психея умолкла, увидев, как исказилось его лицо. О Боже, что это? Чего она коснулась?

– У меня достаточно грехов, мисс Хилл, – очень тихо сказал он. – Но мне незачем выставлять их перед вами. Я ради вас и самого себя доведу до конца свою роль, затем сразу же исчезну. И вы больше никогда меня не увидите.

Гейбриел повернулся и быстро вышел из комнаты.

Психея поднесла ко лбу дрожащие руки, от новых загадок голова у нее шла кругом и раскалывалась от невыносимой боли.

Глава 10

Поморщившись, Психея потеряла виски. Дрожь, вызванная его холодным тоном и странным выражением его глаз, все еще не исчезала. Что же он натворил? И что наделала она, впустив этого человека в свой дом, познакомив его с сестрой и престарелой теткой? Боже мой, Боже мой, она не должна позволять ему видаться с сестрой. И как-то объяснить это гувернантке. И Цирцея! Сестричка бывает так упряма.

Психея встала и направилась к лестнице. Ей хотелось войти в свою спальню, лечь на постель и с головой спрятаться под одеяло, но она заставила себя подняться выше, в детскую, и проверить, чем занимается Цирцея. Она заглянула в классную комнату. Там были только сестра и гувернантка, поглощенные изучением французской поэзии.

Психея улыбнулась и решила их не беспокоить. Она вернулась в свою комнату. Она немного полежит, закроет глаза, а когда проснется, все это окажется всего лишь сном...

Психея провела в спальне весь день, почему-то уверенная, что Гейбриел не появится и не нарушит правил приличия. Она вспоминала их последний разговор, и ей казалось, что в глубине его души таится горькая обида. Этот взгляд глубоких синих глаз... но трудно быть в этом уверенной. Он приобрел эту манеру казаться невозмутимым за карточным

столом. Кого она может найти под маской мошенника, самозванца, профессионального лжеца?

Должно быть, все так, как она вначале и думала – ему просто были нужны деньги, одежда. Нет, он отверг предложенного ею портного... Может быть, ему хотелось немного отдохнуть в уважаемом доме, подождать, когда она получит деньги и ему заплатят больше, чем обещала Симпсон. Нет, это ничего не объясняло.

О Боже, как все запуталось! Психея закрыла глаза и попыталась думать о прошлом. Хорошие времена, когда были живы ее родители. Она вспоминала, как они играли на поляне, как смеялась ее мать, как сияли глаза отца и радостно вскрикивала маленькая Цирцея... Сон окутал Психею. Она увидела большое поле, тихий безветренный день, когда отец испытывал свою новую забаву – воздушный шар, клапан которого он в это время совершенствовал. И вот в последний момент он уговорил жену забраться в корзину вместе с ним.

Они поднимались выше и выше, чуть выше деревьев, и неожиданно шар резко опустился, затем порыв ветра понес его к высокому дубу. Даже на расстоянии Психея увидела, как побледнело лицо матери, как она смотрела на Психею, что-то крича, но Психея не слышала слов.

Психея пыталась отогнать видение, но образы, так часто преследовавшие ее во сне, не исчезали. Шар вдруг сжимается и падает. Корзина наклоняется, и две фигуры, как тряпичные куклы, ударяются о твердую землю.

Все бросаются к ним – Психея, ее сестра, мисс Теллман и слуги. Но уже поздно. Когда они подбежали, отец был мертв. Мать дожила до следующего дня, так и не открыв глаза и ничего не сказав дочерям.

А потом остались только Психея и Цирцея, толпа соболезнующих родственников и шок от завещания отца.

Психея очнулась с мокрыми от слез щеками. Ей так не хватало родителей. Так трудно было одной нести все бремя ответственности. Возможно, поэтому она старалась управлять домом, следить за всеми и даже за собой. Если бы Психея была всегда осторожна и не рисковала, то опасность, вероятно, никогда бы снова не угрожала ее жизни.

И кошмары преследовали не только ее. Она знала, что иногда Цирцея с криком просыпалась среди ночи и больше никогда не забиралась в мансарду, чтобы рисовать там, где ее не беспокоили. Вид из окна вызывал ужасные воспоминания.

Вздыхнув, Психея смыла следы слез и позвонила, чтобы ей принесли чай. Она не могла показаться на людях в таком удрученном виде. Ради сестры она должна сохранять видимость спокойствия. Кроме того, Психея понимала, что строгая сдержанность служит ей щитом от возможных бед, ибо она не вынесет новой раны. И она не допустит, чтобы Цирцее причинили новые страдания. Она оградит сестру от пагубного влияния этого человека с темным прошлым. Они с Цирцеей вырвутся из этой темноты и будут счастливы. Цир-

цея будет рисовать под руководством хорошего учителя, они будут свободны от Перси и его коварства... Она ни за что не упустит шанса получить свободу.

Когда Симпсон принесла чай, Психея не торопясь выпила его, ей уже следовало переодеться к обеду.

– Ты не заходила в детскую, Симпсон? – спросила Психея горничную, раскладывавшую вечернее платье.

– Мисс Цирцея чувствует себя прекрасно. Мисс Теллман сказала мне, что этот человек сегодня у них не появлялся. Мисс Цирцея спрашивала о нем, но мисс Теллман дала ей задание выучить глаголы, и ваша сестра так увлеклась, что забыла о нем.

Психея с таким облегчением вздохнула, что камеристка добавила:

– Не беспокойтесь, мисс. Мы глаз не спускаем с этого... этого человека. Мы не допустим, чтобы он был слишком фамильярен с невинным ребенком.

– Спасибо, Симпсон. Но ты не проговорила слугам, что он самозванец?

– О нет, – обиделась Симпсон, – просто они видят, что я не доверяю ему, и следят за ним.

Психея кивнула, и некоторое время они молча смотрели на приготовленное бледно-розовое шелковое платье с пышными прозрачными рукавами, расшитое крошечными розовыми бутонами вокруг скромного выреза. Стараясь не повредить прическу, Симпсон надела его на Психею и застег-

нула пуговики на спине. Психея взглянула в зеркало. Сегодня она уложила волосы в строгий узел, без каких-либо легкомысленных локонов, намекающих на женские слабости, которыми мог бы злоупотребить этот потрясающе красивый мужчина.

В столовой было удивительно тихо. Она, ее сестра, тетка и сидевший в одиночестве по другую сторону стола Гейбриел обедали в почти полном молчании.

– Я думала, ты поедешь в театр, Психея, – произнесла тетья, осторожно опуская ложку в тарелку с черепаховым супом.

– Я послала записку леди Кэр, что нездорова, – избегая взгляда Гейбриела, ответила Психея. – Как вам нравится суп?

– По-моему, мало перца, – сказала Софи, к счастью, она не поинтересовалась, почему ее находящаяся в полном здравии племянница отказалась от театра, а начала хвалить новый рецепт приготовления фаршированного зайца.

После обеда Гейбриел устроился в гостиной рядом с теткой и показывал ей новый французский вариант игры в солитер, чем весьма расположил к себе старую даму. Психея убеждала себя, что ей надо радоваться тому, что она избавлена от его нежелательного внимания. Она поиграла с Цирцеей. Когда сестра ушла спать, Психея взяла книгу и временами краем глаза поглядывала на тетку и Гейбриела.

Что он еще задумал? Психея не доверяла ему. Похоже, он

нарочно избегает ее и добивается расположения Софи, чтобы осуществить какой-то дьявольский план. Она уже устала от людей, которые кажутся совсем не такими, какие есть!

Психея обрадовалась, когда Джоурс внес поднос с чаем. Чаепитие закончилось, и она могла попрощаться с тетей и Гейбриелом.

– Желаю вам обоим доброй ночи, – с поклоном сказал он.

Следующий день был воскресным, и женщины, как обычно, отправились в церковь. Гейбриел, извинившись, отказался под предлогом отсутствия соответствующей одежды.

– Но Богу безразлично, есть у вас новый сюртук или нет, – возразила Цирцея, огорченная, что он не будет их сопровождать.

– Да, Богу безразлично, дорогая, – с серьезным видом ответил ей Гейбриел, – но ваши соседи заметят и начнут сплетничать, а мне не хотелось бы бросать тень на репутацию твоей сестры.

– Совершенно верно, – одобрительно кивнула Софи. – Вы можете провести утро в тихих размышлениях и молитве.

Губы Гейбриела дернулись, но он сдержал улыбку.

– Разумеется.

Они поспешили в церковь.

В этот вечер сразу же после обеда Гейбриел ушел из дома, и когда дамы отправились спать, он еще не вернулся. Куда он исчезает по ночам? Психея знала от Симпсон, что Синклер часто уходит и возвращается только на рассвете. Но ку-

да? Она не смела надеяться, что он струсит и навсегда исчезнет из ее жизни. Психея была уверена, что Гейбриел не трус. Конечно, он посещал игорные дома, что часто делали благородные джентльмены, где выигрывали или теряли целые состояния. Что подумают люди о ее «женихе», если увидят его в таком месте?

Тетя Софи сказала бы, что она слишком строга, множество джентльменов увлекаются игрой в карты и кости.

Психея не могла заснуть, думая о том, какую еще беду навлечет на них Гейбриел.

Но в понедельник он вышел из дома рано, и Психея вновь забеспокоилась. Когда к вечеру он наконец вернулся, на нем были новый темно-синий сюртук прекрасного покроя, новая рубашка тонкого полотна, безукоризненно завязанный галстук и бежевые панталоны, плотно облегавшие его мускулистые ноги. Он явно побывал у портного. Под мышкой Синклер держал какие-то бумаги. Тоже деталь маскарада?

– Где вы были? – спросила она.

– Вас огорчило мое отсутствие, мисс Хилл? – удивленно приподнял он бровь. – Я полагал, что, наоборот, оно вас обрадует.

Психея прикусила губу. Его насмешливое замечание не заставит ее покраснеть. Она взглянула на его бумаги:

– Я только подумала...

– У меня было неотложное дело к моему поверенному.

– Приобретение еще одного титула? – ледяным тоном

предположила она. Зная, что он что-то скрывает, Психея не могла ему верить. Еще более страшная мысль пришла ей в голову. – А вас не ищут?

– Не больше, чем обычно, – холодно ответил он. У Психеи упало сердце. Что она наделала!..

– Вы удивительная девушка, – вздохнул Гейбриел. – Перестаньте нападать на меня и напрягите свой изощренный ум. – Он раздраженно бросил бумаги на стол и подошел к ней. Кончиком пальца Гейбриел приподнял ее подбородок и заглянул в глаза. – Меня не разыскивают. Я обсуждал самое обычное законное дело.

Это было не совсем правдой, но ему трудно было вынести презрение, которое он видел в этих прекрасных глазах. Иногда Гейбриелу хотелось поцеловать ее, растопить лед, скрывавший под собой страстность, а иногда просто встряхнуть и сказать, что он не негодяй, к которому можно относиться как к фамильному скелету, в самый неудобный момент выпадавшему из шкафа. И тогда Гейбриел вспоминал о своем позоре и понимал, что кости этого скелета побрякивают совсем рядом.

– Если бы меня разыскивали судебные власти, разве бы я вернулся в Англию?

– Понятно. Значит, вы – образец добродетели?

– Не совсем, но я держу свое слово, мисс Хилл, и выполню наше соглашение...

Он стоял слишком близко; взволнованная, она отступила.

– Нет никакого соглашения.

– Конечно, есть. Я буду изображать вашего жениха до тех пор, пока вы не вырветесь из когтей вашего кузена и дядюшки.

– И вы получите в награду за ваши усилия неплохую сумму?

– Да, кроме всего прочего.

Психея сомневалась, что правильно поняла его. Чего еще ему желать? Тут она заметила, что он смотрит на книгу, которую она прижимала к себе.

– Зачем вам этот сборник детских рассказов?

Она покраснела. Он становился слишком любопытным.

– Это...

– И не говорите, что книга предназначена для Цирцеи. Она уже выросла из таких книг. Что еще вы теперь задумали, Психея, любовь моя?

– Я не задумала... и не называйте меня... О, я ухожу. Психея ушла, огорченная и растерянная. Хорошо, что он не последовал за ней. Тем сильнее было ее удивление и смущение, когда спустя полчаса, сидя в окружении трех горничных, она подняла голову и увидела, что Гейбриел стоит в дверях и наблюдает за ней.

Психея покраснела, но быстро опустила глаза, чтобы не смущать служанок, которые, казалось, не замечали его.

– Продолжай, Лили, у тебя хорошо получается.

– И тогда добрый король Анри женился на исп... – Де-

вушка запнулась.

– Испанской.

– Испанской пр-принцессе К-к...

– Катерине, – подсказала Психея, и урок чтения продолжался.

Гейбриел исчез так же незаметно, как и появился. Но когда она после урока вернулась в гостиную, ее ожидали там Гейбриел и поднос с чаем.

– И что это такое? – спросил он.

– Моя мать, вернее, мои родители считали, что женщинам нужно образование, сэр, – объяснила Психея, стараясь скрыть смущение от того, что он стал свидетелем ее странного увлечения. – Я просто понемножку следую этим принципам.

– Обучая горничных грамоте? Психея кивнула.

– Возможно, они не на всю жизнь останутся служанками или хотя бы смогут надеяться на более высокое положение, а не только чистить кастрюли и выносить мусор.

Он смотрел на нее, и она не могла понять, о чем он думает.

– Не очень модное занятие.

– Да. – Психея уже достаточно овладела собой и предложила ему чаю.

В холле послышался стук палки по натертому паркету, и в дверях появилась тетя Софи.

Они снова провели вечер дома. На этот раз Гейбриел играл в карты с Цирцеей. Игра была несложной, но ловкость

его рук вызывала у Цирцеи взрывы смеха.

– Еще немножко, – попросила Цирцея, когда Психея сказала, что ей пора спать.

– Тогда ты не отдохнешь и не сумеешь уловить оттенки первых утренних лучей, – заметила Психея.

– Ты права, – согласилась Цирцея, – но было так интересно, Гейб... лорд Таррингтон.

Гейбриел поклонился ей как взрослой. Как мог этот человек, такой испорченный в душе, как он сам утверждал, быть таким внимательным к ребенку и старой леди?

Тетя Софи тоже отправилась к себе. Гейбриел и Психея вышли вместе с ней в холл. Пока она медленно поднималась по лестнице, Гейбриел поймал на себе взгляд Психеи и вопросительно поднял брови.

– Меня удивляет, почему вы так любезны с моими родными, – сказала она. – С Цирцеей и тетей. Вы не обязаны быть таким услужливым.

– А может быть, они мне нравятся, – ответил Гейбриел. – Или у меня есть на это тайные преступные причины, вы ведь так думаете, мисс Хилл?

Он шагнул к ней, и она приготовилась противостоять его чарам. Ей не надо было спрашивать о его прошлых победах. О них свидетельствовали его врожденное очарование, его явная уверенность, что женщины тают от одного его взгляда. Да еще его темно-синие глаза, блеск которых лишал ее сил...

Психея старалась собраться с мыслями. Разум подсказы-

вал ей, что она должна держаться подальше от этого негодяя, который потерял свое положение в обществе из-за скандала, воспоминание о котором все еще причиняло ему боль. Чего мог стыдиться такой человек? Должно быть, поступок был действительно ужасен. Возможно, он просто хороший актер, и притворство у него в крови. Безусловно, такому человеку она не могла доверять, но сейчас он стал самым главным лицом в осуществлении ее надежд, и другого выбора у нее не было. Она должна идти до конца. Но она будет осторожна и больше не станет нарушать строгих правил приличий.

В душе Психея понимала, что нанять человека, чтобы тот изображал ее жениха, было неслыханным проступком. Но ее преследовало чувство, что она – утопающая, которой бросили спасательный круг. Кроме того, она не уступит чувствам, которые вызывает в ней Гейбриел, чувствам, от которых подгибались колени и перехватывало дыхание, – никогда, никогда. Она будет хозяйкой положения, победит свои неразумные порывы, подчинит его себе.

На лице Гейбриела появилась странная пугающая улыбка, как будто он читал ее мысли. Он стоял перед ней и наблюдал, как она борется с собой.

– Не обольщайтесь, моя дорогая мисс Хилл, – тихо произнес он, – что все карты в ваших руках. У меня в рукаве может быть спрятан козырной туз.

Глава 11

В понедельник после обеда Гейбриел, как обычно, вышел из дома и, наняв карету (он не поехал бы в экипаже Психеи в такое место), отправился в Ист-Энд. Выйдя из кареты и заплатив кучеру, он вошел через низкую дверь в игорный дом, который, как заверил его Бриксон, пользовался самой дурной репутацией во всем Лондоне.

Сам воздух был пропитан запахами табачного дыма, пота, отчаяния и удачи. Но Гейбриел ощутил что-то еще – обстановка была ему хорошо знакома, в ней он прекрасно чувствовал себя в разных странах и на разных континентах. Здесь ему было легко.

Напротив двери висело мутное зеркало. Он заметил, как в табачном дыме блеснули его белые зубы. Впервые после возвращения в Лондон он чувствовал себя как дома.

– Желаете виски, милорд?

Гейбриел посмотрел на прижимавшуюся к нему женщину. Одной рукой она стиснула горлышко полупустой бутылки, а другой гладила его бедро. От нее пахло джином, дешевыми духами и невымытым телом. Она многозначительно показала на сигару между ее огромных грудей.

Гейбриел усмехнулся:

– Могу поспорить, здесь поощряют все известные пороки.

– И еще массу неизвестных, милорд.

Быстрым движением Гейбриел схватил сигару и зажал между зубами. На ее место он опустил одну из оставшихся у него гиней. Он повернулся и направился в глубину преисподней.

– Если вам что-нибудь понадобится, милорд, спросите Энни! – крикнула ему вслед женщина. Но Гейбриел уже забыл о ней. Проходя через ряд небольших комнат, он опытным взглядом окидывал каждую из них. Фараон, кости, в последней комнате Гейбриел нашел свою игру – вист. За столом сидела группа молодых глупцов аристократов, у которых денег было больше, чем ума. Серьезные игроки сидели развалившись на своих стульях, со скучающим видом и сознанием собственного превосходства. Но их глаза ничего не пропускали, они все взвешивали, все рассчитывали. Все, чтобы избавить дураков от бремени их богатства.

Сегодня Гейбриел вел себя так же. Времена, когда он стыдился обыгрывать свою жертву, давно прошли. Ему нужно было выжить. Человек, пришедший в такое место, заслуживал, чтобы его обобрали. Совесть давно не мучила Гейбриела.

Или он только так думал?

– А, черт меня побери! Это же Синклер! Гейбриел поморщился, услышав пьяный голос. Пьяные чересчур болтливы.

Притворившись глухим, он хотел уйти в другую комнату, но чья-то рука опустилась ему на плечо, заставляя повернуться. Уступая неизбежному, Гейбриел подчинился.

Красивый молодой человек, покачиваясь, стоял перед ним с расплывшейся по лицу пьяной улыбкой. Он выглядел таким счастливым, как будто не просто встретил старого знакомого, а заново открыл Америку.

На мгновение Гейбриел обрадовался, но он должен был соблюдать осторожность. Синклер стряхнул с плеча руку и ответил сдержанным поклоном.

– Дэвид.

– Сукин сын, как я рад тебя видеть!

Дэвид Лидфорд, граф Уэстбери, был другом детства и, будучи моложе Гейбриела, боготворил старшего товарища. Он всюду следовал за ним, а Гейбриел терпеливо учил его ловить рыбу и ездить верхом. Обоим не хватало отцовской любви, и они находили утешение в обществе друг друга.

Дэвид, как оказалось, не забыл старую дружбу. Гейбриел вздохнул. Он не мог оттолкнуть Дэвида.

– Дэвид, я бы больше обрадовался нашей встрече, если бы ты был трезвым.

Дэвид хрипло рассмеялся и, к большому неудовольствию Гейбриела, заключил его в свои медвежьи объятия.

– Дэвид, веди себя сдержаннее, мы – в игорном доме.

– Конечно, я знаю. Послушай! – Какая-то мысль пришла Дэвиду в голову, он мутными от алкоголя глазами посмотрел на Гейбриела. – Ты мне нужен!

– А мне необходима игра, Дэвид. Ты уж извини меня, – попытался освободиться от него Гейбриел.

– Но ты мне для этого и нужен. – Дэвид махнул рукой в сторону стола, находившегося за спиной Гейбриела. – У меня нет партнера, и, если ты не сядешь играть, я проиграю все до последней нитки. – Дэвид беспечно рассмеялся пьяным смехом.

Гейбриел оглянулся и был потрясен тем, что он увидел.

За столом, небрежно перебирая стопки фишек, сидел человек, которого Гейбриел меньше всего хотел видеть – мошенник, вор и предполагаемый убийца. Человек, проигравший имение Гейбриелу, – Натаниэл Баррет. Проклятие, он попал прямо в грязные лапы Баррета.

– А, Синклер, из всех лондонских притонов ты выбрал мой.

Гейбриел с привычным спокойствием выслушал это страшное для него заявление, подошел к столу, за которым сидел его заклятый враг со своими приятелями, и взял колоду карт.

– Рад, что все познакомились, – пошатываясь, сказал со счастливой улыбкой Дэвид. – Гейбриел, садись и помоги мне вернуть самоуважение.

– И кое-что еще, – со злорадным блеском в глазах добавил Баррет.

– Сколько? – коротко спросил Гейбриел у Дэвида.

– Всего лишь десять – пятнадцать... – замялся Дэвид.

– Пятьдесят, – твердо заявил Баррет.

– Пятьдесят тысяч фунтов, – с радостной улыбкой под-

твердил Дэвид.

Гейбриел схватил его за лацканы и с силой встряхнул.

– Пьяный идиот! Ты играл на такие деньги с этими мерзавцами?

– Так-то ты говоришь со мной, а я считал тебя своим другом! – отшатнулся от него Дэвид, пытаясь изобразить оскорбленную гордость.

– Да забудь ты на время о своих оскорбленных чувствах, дурачок. – Положив руку на плечо Дэвида, Гейбриел заставил его сесть. – В данную минуту у тебя нет лучше друга, чем я.

Он подвинул стул и сел напротив Дэвида.

– Сыграем?

Баррет с важностью кивнул:

– Играйте. И я верну все, что так неосторожно потерял.

Из-за какого-то проклятого чувства чести Гейбриел рисковал своим будущим. Он взглянул на Дэвида. «Лучше бы ты заслуживал этого», – подумал он.

Баррет, развалившись на стуле, наблюдал за их игрой.

– Кажется, судьбе было угодно, чтобы мы с тобой еще раз сыграли, Синклер.

– Это не судьба, Баррет. Это ты, ты воспользовался неопытностью мальчишки, который еще должен пить молоко, а не пойло, которое подают в твоём притоне.

– Он пришел сюда по своей воле и напился по собственному желанию. Он – граф Уэстбери, и ему не нужны няньки.

Дэвид, разглядывавший свои карты, поднял голову и гордо сказал:

– Не нужны, черт побери. Сбежал от них. Знаешь, я очень хитрый.

– Кто хитрый, Дэвид? – спросил, с трудом сохраняя терпение, Гейбриел.

– Я, конечно. Оторвался от этих надоедливых тварей. Околачиваются около меня. Я уже мужчина.

Гейбриел несколько не удивился, что заботливая мать Дэвида наняла телохранителей для своего единственного сына. И конечно, это только подзадорило его.

– Все это очень интересно, – сказал Баррет. – Но я хочу отыграть обратно то, что по праву принадлежит мне. Сомневаюсь, что у тебя хватит наличных оплатить проигрыш Дэвида и то, что я сейчас выиграю.

– Видимо, я должен играть со своим старым другом. Но только одну игру, выигравший забирает все. И ты не получишь того, что теперь принадлежит мне.

Медленно и неохотно Гейбриел достал документ на владение именем, которое Баррет проиграл ему несколько недель назад, и положил его на стол.

Баррет и его приспешники переглянулись и захохотали. Холодок пробежал по спине Гейбриела. Баррет выпрямился и раздал карты.

Глядя на карты, Гейбриел молил о помощи капризную богиню удачи, так часто улыбавшуюся ему раньше. Он старал-

ся запомнить, какие карты уже вышли и какие оставались на руках игроков. Он никогда не опускался до мошенничества, трюков с зеркалом или тайных знаков, которыми, как он был уверен, обменивались Баррет и его сообщник. Гейбриел надеялся только на свою память, понимание хода игры и личностей своих противников.

В комнате царил тишина. Лицо Баррета выражало страшное напряжение, а его партнер боялся даже кашлянуть.

Дэвид выложил свою последнюю карту – десятку червей, и, как ожидал, Гейбриел, Баррет с торжеством накрыл ее дамой. Но у Гейбриела был припрятан червонный туз, он медленно положил его на стол и услышал, как с шипением втянул в грудь воздух Баррет, видя, что победа уплывает от него.

По расчетам Гейбриела, у партнера Баррета должна была остаться еще одна карта червей. Если он ошибался... Все замерли в ожидании. Лицо четвертого игрока исказилось, он сжимал в руке последнюю карту.

– Давай же, идиот! – рявкнул Баррет.

Взглянув на хозяина, тот положил карту – валета. Баррет выругался хриплым от ярости голосом.

Гейбриел протянул руку и, схватив свой самый важный документ, спрятал его во внутренний карман. Затем он взял расписку Дэвида вместе с лежавшими рядом монетами и разорвал ее на мелкие клочки.

Глаза Баррета пылали такой яростью, что на него было

страшно смотреть.

– Искусство побеждает мошенничество, – сказал ему Гейбриел. – Я снова в выигрыше.

– Только если выйдешь отсюда живым, – медленно произнес Баррет, словно язык не слушался его.

Гейбриел тоже думал об этом. Дэвид был пьян, и от него мало проку. Он оглянулся в поисках выхода, но их окружал только дымный тяжелый воздух. Помощи ждать неоткуда.

– Дэвид, мы уходим. Вставай. – Дэвид поднялся, его шатало.

– Так скоро? Мы же выиграли. Разве ты не хочешь сыграть еще?

– Нет. У меня есть превосходное виски, – сказал Гейбриел. – Пора уходить.

– Ладно. – Дэвид сделал шаг и снова покачнулся.

Гейбриел застыл от страшного предчувствия. Ему с Дэвидом не удастся выбраться отсюда живыми. И эта крыса Баррет заберет все.

В соседнем помещении послышались громкие голоса, и, оттолкнув протестующего слугу в грязной ливрее, в комнату ворвались три дюжих молодца.

– Бейкер, что... что ты здесь делаешь? – с несчастным видом спросил Дэвид.

Гейбриел глубоко вздохнул и расслабил плечи.

– Милорд, вам не следовало убегать от нас. – Один из вошедших подошел к их столу. – Ваша мать будет беспокоить-

ся. Мы искали вас по всем игорным домам Лондона.

– Вы пришли вовремя, – сказал Гейбриел телохранителю графа Уэстбери. – Мы с его милостью как раз собирались уходить.

Двое из людей Баррета встали и, казалось, ожидали приказа своего хозяина. Но Баррет, очевидно, понимал, что дело проиграно. Двое телохранителей держали в руках тяжелые трости, а у третьего в оттопыренном кармане явно был пистолет.

– Сегодня ты выиграл, Синклер, – сказал он. – Но запомни мои слова – чтобы насладиться своим выигрышем, тебе надо оставаться живым.

От его мрачного тона у Гейбриела похолодела спина, но он ничем себя не выдал.

– Я не забуду, – сказал он.

В сопровождении пошатывавшегося Дэвида и его телохранителей Гейбриел вышел из притона на темную улицу. Но ночь уже отступала. На востоке над низкими зданиями узкой улочки появилась светлая полоса. И Гейбриелу, радовавшемуся счастливому исходу, казалось, что даже сточные канавы не издают обычного зловония.

– Дэвид, дай мне слово, что никогда больше не придешь сюда, – сказал он.

– А? – Дэвид споткнулся, один из слуг хотел поддержать графа, но Гейбриел остановил его.

– Пусть он вываливается в грязи, – спокойно объяснил Гей-

бриел. – Это заставит его в следующий раз подумать.

Он поднял Дэвида и поставил на ноги. Дэвид, падая, разбил нос, и кровь капала на его покрытый грязью вечерний фрак. Пахло от него отвратительно.

– Больше так не напивайся, – только и сказал Гейбриел. С нравочениями можно было подождать, а сейчас они должны выбраться из этого места, пока Баррет не собрал свою шайку. И они быстро шли вперед, вглядываясь в окружающую темноту.

Дэвид спотыкался, телохранители тихо переговаривались, Гейбриел хранил молчание. Холодный пот выступал на его спине, когда он думал о том, чем он рисковал и как близок был к поражению. Больше никогда. Он быстро терял всякий интерес к игре. Он всего лишь хотел вступить в права и научиться хорошо управлять имением. Показать Баррету, что он будет лучшим владельцем. Показать отцу, что его младший сын не ничтожество, каким его считали, доказать, чего он стоит.

Доказать это, может быть, и самому себе.

Они шли, и улицы постепенно становились шире и чище. За их спиной поднималось солнце, и скоро его золотые лучи осветили Лондон. Начинался новый день, и в жизни Гейбриела тоже наступал новый день. И он не собирался тратить время зря.

Глава 12

Происшествие в игорном доме напомнило Гейбриелу, что ему следует как можно реже выходить из дома, чтобы не попадаться на глаза Баррету и его шайке. Но поскольку он еще старался избегать и Психею, и ее семью, то на следующий день ему стало так скучно, что он спустился вниз поболтать с Грином, неудачливым актером, который обрадовался поводу отложить перо.

– Ужасно устают запястья, милорд, – пожаловался «секретарь», растирая руки. – Не понимаю, как только писаки могут изо дня в день этим заниматься?

– Отдохните, – предложил Гейбриел. Он позвонил и приказал лакею принести два бокала портвейна.

Лицо Грина просветлело.

– Благодарю вас, милорд, благодарю.

Гейбриела не удивляло, что этот человек не добился успеха на сцене.

– Вы должны вжиться в роль, – посоветовал он. – Будьте секретарем, постоянно думайте так, как думает секретарь.

– Вы говорите как знающий человек, милорд. Вы много играли, не так ли?

– Можно и так сказать, – согласился Гейбриел.

Иногда он чувствовал, что много лет играет какую-нибудь роль – козла отпущения, мошенника, негодяя. Кто он был

на самом деле? Трудно сказать. Он был почти мальчишкой, когда его с позором выгнали из дома, и с тех пор эта игра превратилась в способ выживания.

Лакей вернулся с бокалами вина на серебряном подносе. Грин с жадностью схватился за бокал.

– Я никогда не играл вне сцены, – продолжал Грин. – Полагаю, у леди есть особые причины.

– И мы не будем их обсуждать, – твердо сказал Гейбриел.

– Да, милорд, – согласился актер.

– Оставляю вас с вашей работой.

Гейбриелу не стоило задерживаться здесь, актеру слишком хотелось посплетничать. Он вышел из комнаты и в нерешительности остановился в холле. Гейбриел старался убедить себя, что удерживает его здесь только необходимость иметь убежище, роскошь, которой он так долго был лишен, и горячая ванна. Но, стараясь избегать общения с семьей, Гейбриел понял, что он нашел здесь не только приют, а нечто более ценное.

Удовольствие от общения с Психеей, ее очарование, открытая приязнь умного и необычного ребенка, даже колкие замечания Софи, заставлявшие его посмеиваться, – все создавало иллюзию, что он член этой семьи. Это была приятная иллюзия, и Гейбриел не хотел ее лишаться.

Но он видел изумление и отвращение в глазах Психеи, когда она поняла, что он не просто актер, что в его прошлом есть грехи. Гейбриела глубоко ранило это выражение пре-

зрения в ее глазах, хотя за свою жизнь он сталкивался с подобным не один раз и должен был бы остаться равнодушным. Поэтому он отдалился от них и пытался держаться холодно и сдержанно.

Но он скучал без них, а дни были такие длинные.

Гейбриел зашел в гостиную, окна которой выходили на улицу, и посмотрел в окно. Сияло солнце, по улице ехали кареты, иногда проезжала телега торговца. Какой-то щеголь верхом на красивой лошади направлялся в сторону Гайд-парка, вероятно, собираясь произвести впечатление на дам.

Перед соседним домом стоял человек в коричневом костюме. Он явно не вписывался в окружающую обстановку, и Гейбриел присмотрелся к нему. Зачем он...

Гейбриел услышал, как кто-то позвал его. Он оглянулся на открытую дверь, но там никого не было. Он понял, что голос доносился сверху. Выйдя из гостиной, Гейбриел взглянул вверх. Цирцея, перегнувшись через перила, смотрела на него.

– Поднимись и поговори со мной, – попросила она. Поборов искушение, Гейбриел покачал головой.

– Я разговариваю с моим... э-э... секретарем, – сказал он.

– Тогда я спущусь.

«И окажешься в обществе двух самозванцев? Это еще хуже».

– Нет, – сказал Гейбриел. – Я уже дал ему указания. Он быстрым шагом взбежал по лестнице вверх с намерением

долго там не задерживаться.

– Пойдем в классную комнату, там мы можем сесть.

– А где мисс Теллман? – спросил Гейбриел, усаживаясь за старый круглый стол.

– Она ушла за отваром. Я пожаловалась, что у меня болит голова.

Гейбриел нахмурился. Психее не понравится, что они остались наедине.

– Вероятно, я...

– Нет, – сказала Цирцея, усаживаясь напротив него. – Я отослала ее, потому что хочу с тобой поговорить. Голова у меня не болит.

– Нет? – Гейбриел пытался сдержать смех. – Тогда зачем обманывать?

– Я хотела узнать, почему ты меня избегаешь. Ты на меня сердишься?

Она пристально смотрела на него ясными зелеными глазами.

– Конечно, нет, – вздохнул Гейбриел.

– Тогда почему не заходишь ко мне? Мне нравились наши разговоры.

– Мне тоже. – Гейбриел не хотел лгать, что бы ни говорила Психея.

– Ну и?

– Твоя сестра считает, что я неподходящая для тебя компания, – откровенно признался он. – И она права.

– Почему?

Гейбриел понял, что ответить на прямой вопрос ребенку труднее, чем строгому судье – с этими особами ему тоже приходилось встречаться.

– Потому, что у меня... у меня в прошлом было такое, что делает знакомство со мной нежелательным.

– Я это знаю, – спокойно заявила Цирцея. Удивленный, Гейбриел не удержался от вопроса:

– Знаешь? Откуда?

Она дотронулась до его лица.

– Эти морщинки около глаз, у горничной Джейн такие же. И когда ты обеспокоен, ты сжимаешь губы...

– Морщинки – признак возраста, дорогая, – возразил Гейбриел, пытаясь улыбнуться. – Это значит, что Джейн и я тебя старше.

Цирцея покачала головой.

– Не только возраста, – сказала она. – Муж Джейн умер от скарлатины несколько лет назад. Она потому и пошла в услужение, чтобы содержать себя. Джейн здесь в общем-то счастлива, но в душе скрывает свое горе. И я думаю, что у тебя в душе тоже печальные воспоминания. Мне бы хотелось об этом узнать когда-нибудь.

Гейбриел молча смотрел на этого удивительного ребенка, глаза которого – глаза художника – замечали намного больше того, что видели другие.

– Знаешь, сто лет назад тебе грозила бы большая опас-

ность. Тогда ведьм бросали в ближайший пруд.

Цирцея улыбнулась:

– Но у меня нет черного котла и колдовской книги.

Гейбриелу не пришлось отвечать. Вернулась мисс Теллман с чайным подносом и отваром для своей подопечной. Увидев Гейбриела, гувернантка нахмурилась. Ему следовало избегать Цирцеи, потому что этого хотела Психея. Но Цирцея не уступала сестре в упрямстве.

– Я покажу ему свою последнюю акварель, – сказала Цирцея гувернантке. Гейбриел удивился, мисс Теллман тоже с изумлением посмотрела на девочку.

– Но, мисс Цирцея...

– Мы выпьем чаю позже, – успокоила ее Цирцея. – Хочешь посмотреть мой рисунок? – обратилась она к Гейбриелу.

– Очень, – кивнул он.

Что заставило ее даровать ему этот знак своего доверия? Он не знал, но последовал за ней в дальний угол комнаты, где под высоким окном стоял мольберт. Цирцея сбросила прикрывавший его кусок ткани и отступила в сторону, выжидательно глядя на Гейбриела.

У него были приготовлены слова похвалы и восхищения, которыми награждают любую работу подающего надежды ученика, но он забыл о них, увидев ее творение.

Гейбриел смотрел на парк с деревьями, сквозь цветущие ветви которых виднелись дома. Ранние крокусы поднима-

ли из травы свои головки, желтые, белые, они оживляли зеленый травяной ковер. По нежно-голубому небу плыли небольшие облака. Картина была проста, но казалось, холст излучал свет, и Гейбриел почти ощущал дуновение ветерка, шевелившего листья на деревьях и пробежавшего по траве.

Это было так непохоже на детские рисунки школьниц и даже на пейзажи, висевшие в рамках на стенах богатых домов, которые он когда-то посещал, что Гейбриел долго в молчании смотрел на картину.

– Тебе не нравится? – нерешительно нарушила тишину Цирцея.

– Я думаю, это замечательно, – совершенно честно ответил он. – Цирцея, у тебя дар, редкий дар.

Неудивительно, что Психея стремилась найти для девочки хорошего учителя. Такой талант надо поддерживать и развивать. Он не сомневался, что Цирцея не откажется от своей живописи без борьбы, но если этот бесчувственный Перси станет опекуном ребенка, если Перси преодолеет сопротивление Психеи и заставит ее выйти за него замуж... Нет, этого нельзя допустить. Не только ради Психеи, но и ради Цирцеи этому браку надо помешать. Гейбриел был готов на все, лишь бы не дать Перси разрушить эти две жизни.

– Я смотрю на эту картину и чувствую, что пришла весна. Вся картина говорит о пробуждении, распускаются цветы, зеленеет листва, светлеет небо и возвращается надежда, – медленно заговорил он.

– Да, – серьезно подтвердила порозовевшая от удовольствия Цирцея. – Ты все правильно понял. Может быть, когда я закончу, я подарю ее тебе, чтобы ты повесил ее на стену.

Ее слова неожиданно тронули его.

– Я буду дорожить ею, хотя не уверен, что у меня будет стена, на которую я мог бы ее повесить, по крайней мере – пока.

– Когда вы с Психеей поженитесь, – начала она и замолчала, взглянув на мисс Теллман, занявшую свое обычное место в уголке. Цирцея понизила голос: – Иногда я забываю, что все это игра.

Дверь открылась, и в комнату заглянула Психея. Ее лицо омрачилось, когда она увидела Гейбриела.

– Вот вы где, – сказала Психея. – Я хотела бы с вами поговорить, лорд Таррингтон.

Он встал и поклонился Цирцее.

– Я с удовольствием побеседовал с тобой. Спасибо, что показала мне акварель.

Ему было приятно видеть изумление на лице Психеи. Они вышли из комнаты.

– Вы насильно заставили Цирцею показать вам картину? – с беспокойством спросила Психея. – Она очень редко показывает свои рисунки.

– Она сама предложила, – ответил Гейбриел, не скрывая раздражения. – Я не стал бы заставлять вашу сестру, дорогая мисс Хилл, и не в моих правилах угрожать детям.

Она покраснела.

– Простите, я не хотела...

– У вашей сестры необыкновенный талант, – сказал Гейбриел. – Теперь я понимаю, почему вам так хочется найти ей хорошего учителя.

Психея кивнула и после минутного колебания предложила:

– Пойдемте со мной. Раз уж вы видели последнюю картину, вам стоит посмотреть и на другие.

Не совсем понимая, чем вызвана эта перемена в ее отношении к нему, Гейбриел поднялся вслед за ней в мансарду. Войдя в заставленную вещами комнатку, она взяла со стола папку и развязала ленту.

– Эти рисунки она сделала после гибели наших родителей, – сдержанно сказала Психея, но Гейбриел видел, какого усилия ей стоило это спокойствие.

Он подошел ближе. В тусклом свете, падающем из маленького окошка, Гейбриел заметил, что эти рисунки были темнее и мрачнее тех, которые он только что видел. На них были изображены низкие темные облака, нависшие над мрачными холодными холмами и голой пустынной землей.

– Я вижу, – после долгого молчания сказал он, – Цирцея прошла долгий путь.

– И я не хочу, чтобы она снова страдала...

– Более долгий, чем ее сестра, – закончил он.

– Что вы хотите этим сказать? – нахмурилась Психея.

– Я хочу сказать, дорогая мисс Хилл, что у вас в душе такой же гнев и обида, и они не находят выхода. У вашей сестры есть ее живопись. А у вас только ответственность за сестру и борьба с этим ненормальным Перси.

Лицо Психеи дрогнуло, и в глазах блеснули слезы.

– Я... вы очень проницательны... для игрока. Полагаю, определив настроение вашего противника, вычислив его слабости, вы без труда обыгрываете его.

На этот раз Гейбриел не обратил внимания на ее оскорбительные слова.

– Неужели никто не понимает вас? – с трудом сохраняя небрежный тон, спросил он. – Мне жаль, что вы столько пережили в одиночестве.

Психея прикусила губу, и он невольно протянул к ней руки. Гейбриел только хотел поддержать ее, помочь по-братски. О черт, зачем обманывать себя? Никаких братских чувств он не испытывал к этой холодной красавице, хотя и сочувствовал ей.

И она это знала. Психея взглянула на него расширенными от страха глазами.

– Я привела вас в это уединенное место не для того... то есть не надо неверно истолковывать мой поступок...

– О, ваш поступок вполне понятен, с этим я согласен. Но глубоко под ледяным панцирем прячется страсть. Вы можете обманывать весь мир, но я вижу вас насквозь, дорогая мисс Хилл.

– Перестаньте меня так называть, – растерянно пробормотала Психея.

Они стояли так близко, что он видел, как поднимается ее грудь, скрытая строгим платьем, и как бьется на виске голубая жилка.

– Как же мне вас называть? Психея, дорогая, любимая?

– Не надо доводить свою роль жениха до абсурда, – возразила она, но голос ее дрожал, а дыхание участилось.

– Это не роль, и впервые в жизни я не притворяюсь. – Прикосновение к ее губам словно обожгло Гейбриела, и дрожь пробежала по его телу.

Ее губы были мягкими и нежными. Психея закрыла глаза. Его настойчивый жаркий поцелуй заставил ее губы раскрыться, и Гейбриел почувствовал сладость ее рта. Он показал ей, каким бывает настоящий поцелуй.

Он забыл о том, что находится в пыльной мансарде, что где-то на улицах Лондона его поджидают убийцы, забыл обо всем, кроме того, что держит ее в своих объятиях.

Наконец Психея оттолкнула его.

– Я... вы не можете... я не такая, как ваши женщины легкого поведения, сэр!

Но Гейбриел давно научился понимать женщин и видел неуверенность в ее глазах.

– С меня довольно женщин легкого поведения, – усмехнулся он. – У меня были и благородные дамы, и женщины низкого происхождения. Я целовал красавиц на берегах юж-

ных морей, и они были счастливы в моих объятиях. Я никогда не принуждал женщину и не собираюсь делать это теперь. Но сейчас я желаю только одну ледяную принцессу, скрывающую свою страстность ото всех, даже от себя самой, но не от меня. Так кто же сейчас притворяется, прелестная моя Психея?

Она должна поставить этого распутника на место. Разве Синклер не признался, что любил многих женщин, соблазнял их? Нет, если быть честной. То, что она испытывала к нему сейчас, странные желания, которые он в ней возбуждал, заставляли думать, что эти женщины сами падали к его ногам, моля о поцелуе.

Если бы не стыд, Психея сделала бы то же самое.

Только бы на минуту сбросить бремя ответственности и приличий и забыться в его объятиях. Если он так целует, то каковы же будут другие ласки?

Но Гейбриел не позволил ей раздумывать. Его поцелуй был таким долгим и страстным, что ее сердце вырывалось из груди, и Психея задыхалась, словно стремительно взбежала вверх по лестнице. Она никогда не чувствовала так близко тело мужчины. Даже в танцах. Вот такая близость была бы в их супружеской постели, если бы их помолвка вдруг оказалась настоящей. В брачную ночь блаженства их не разделяли бы ни ее муслиновые юбки, ни его модные облегающие панталоны. А только горячее обнаженное тело прижималось бы к ее такому же разгоряченному телу.

Раздавшийся внизу шум прервал ее тайные фантазии. Психея вздрогнула и заставила себя отодвинуться.

– Я не могу... я не должна... – пробормотала она и повернулась к двери. – Меня ждут внизу.

Гейбриел не удерживал ее, но его синие глаза смотрели на нее так, что она покраснела. Этого человека невозможно обмануть.

Психея поспешно покинула мансарду, добралась до своей спальни и, закрыв дверь, прислонилась к ней.

Почему этот игрок так околдовал ее?.. Она и раньше встречала красивых, обаятельных, хорошо воспитанных джентльменов. Была знакома с самыми отъявленными лове-ласами. Но ни один не возбуждал в ней таких чувств.

Этот насмешливый огонек в его синих глазах, улыбка, та-ящаяся в уголках его красиво изогнутых губ, слегка припод-нятая темная бровь, мускулистые руки, так нежно обнимав-шие ее... О Господи! Она не должна думать о нем.

Психея была так взволнована происшествием в мансарде, что решила до вечера не выходить из своей комнаты.

Глава 13

День выдался теплым и ясным, и только слабый ветерок играл лентами на шляпке Психеи, когда она спускалась по ступеням к коляске, в которой уже торжественно восседала тетя Софи. Гейбриел подал ей руку, и она села на заднее сиденье рядом с теткой. Гейбриел устроился напротив.

Странно, но сначала он отказывался сопровождать их.

– Вы должны поехать, – сказал он, когда она заговорила об этом за завтраком. – Я уверен, вы прекрасно проведете время в кругу ваших друзей.

– А вы не желаете встретиться с моими друзьями? – довольно холодно поинтересовалась Психея.

– Я полагал, вы не хотите, чтобы я появлялся в обществе чаще, чем это необходимо, – возразил Гейбриел. – Ваш кузен...

– Салли считает, что мы только подтвердим подозрения Перси, если будем все время сидеть дома. И я с ней согласна. – Психея с вызовом посмотрела на него, ожидая возражений.

Выбраться из дома, выехать из Лондона, оказаться вдали от следящих за ним глаз и наемных убийц – об этом Гейбриел не смел и мечтать. Что-то беспокоило его, но он отогнал дурные предчувствия. Он смотрел в окно, за которым ветерок шевелил листья плюща, протягивающего зеленые ветки

на подоконник. Ему так хотелось погулять в этот чудесный день за городом под руку с белокурой красавицей.

– Хорошо, я в вашем распоряжении, – сказал Гейбриел.

– Поехали, – приказала Психея кучеру. Он натянул вожжи, и пара серых степенно зашагала по улице; коляска на добротных рессорах плавно катилась по камням мостовой. В такой прекрасный день на улице было столько народу, что они не могли выдвигаться быстрее, даже если бы захотели.

Психея все же сомневалась, что мужчине в расцвете сил медленная езда доставляет удовольствие. Гейбриел, вероятно, предпочел бы верховую лошадь.

– Сожалею, но в нашей конюшне нет подходящей лошади для вас, – шепотом сказала Психея.

Гейбриел шаловливо улыбнулся.

– Я вполне доволен, – заверил он.

«Она даже не представляет, как очаровательна», – подумал Гейбриел. На Психее было светлое муслиновое платье с зеленым узором, бледно-зеленый весенний жакет, а такого же цвета зонтик делал ее глаза столь же ярко-голубыми, как и сиявшее над головой небо. Щеки горели от возбуждения, глаза сверкали.

Гейбриел тоже ощущал прилив сил, чувствовал себя наконец свободным от бремени ограничений и глубоко дышал, наслаждаясь запахами Лондона – аппетитным запахом горячих пирожков на тележке уличного торговца, сладким ароматом цветущей вишни в парке, по которому они проезжали,

и даже запахом свежего конского навоза, который не успели убрать.

Скоро он станет хозяином собственного поместья, и позорное прошлое забудется. Он докажет, как ошибался отец, безжалостно выбросивший его из дома погибать в одиночестве. Вопреки всему Гейбриел выжил, и он здесь, готовый занять в обществе место, принадлежавшее ему по праву. И тогда осмелится ли он думать о завоевании сердца красавицы, сидящей перед ним?

Гейбриел подумал о тех препятствиях, которые ему надо преодолеть, прежде чем просить чьей-то руки, тем более руки такой желанной, богатой и прекрасной мисс Хилл.

Нет, лучше об этом не мечтать. Но он здесь и может наслаждаться этим днем. Гейбриел любовался прелестным видением. Психея смотрела на дома, мимо которых они проезжали, таким отсутствующим взглядом, словно не видела их. О чем она думала? Как она могла устоять перед чарами стольких женихов, которых привлекала ее красота, не говоря уже о ее богатстве? Почему мисс Психея Хилл до сих пор не замужем? Впрочем, слава Богу. Иначе он не участвовал бы в этом маскараде, не наслаждался бы своей странной ролью жениха, которому не суждено стать мужем.

Гейбриел вспомнил, что запретил себе думать об этом, и стал оглядываться по сторонам. Лондон остался позади. Дома попадались все реже, и вскоре перед ними открылась равнина. На зеленых лугах паслись овцы, птицы взлетали из ку-

стов при приближении их коляски, и лошади побежали резвее.

Он уже забыл, как прекрасна Англия весной.

– Вы улыбаетесь, – с удивлением сказала Психея.

– Неужели я был так угрюм, что вы никогда не видели моей улыбки?

– Нет, конечно, – спохватилась Психея, – видела, и не раз, но вы улыбались не так. Сейчас кажется, что вы чувствуете себя среди друзей.

– А почему бы и нет? – вмешалась Софи. – Не говори глупостей, детка. Мне жарко. Горничная дала нам с собой лавандовую воду?

Остальную часть пути Гейбриел говорил о безмятежной прелести сельского пейзажа или вежливо слушал рассказы Софи о ее детстве, проведенном в имении.

Что заставило его уехать? – не в первый раз задавала себе вопрос Психея. Если не игра, то какой скандал, какой поступок вырвал его из родного дома, из родной страны?

Проще всего было бы спросить его самого, но девушка видела отчужденность Гейбриела, стоило ей заговорить о его прошлом, особенно об Англии. Она была уверена, что Гейбриел ничего ей не расскажет. Но мысль, что она, возможно, позволяет опасному человеку часто разговаривать с сестренкой, по-прежнему беспокоила Психею. Она сама – другое дело. Она сумеет постоять за себя. Сама судьба послала ей Гейбриела на роль жениха. У них просто деловое согла-

шение. Получив наследство, она щедро расплатится с ним, и они расстанутся.

Но почему-то это не радовало ее. Психея прикусила губу и, взглянув на тетку, увидела, что у той недовольный вид.

– Я была права, – говорила старая дама. – Этот шарф слишком яркий, он не идет мне. Я выгляжу не слишком бледной?

– Нет-нет, этот оттенок лаванды очень хорош. – Психея вернулась на землю и обсуждала с тетушкой моды, пока они не добрались до имения графини Саттон. Их коляска подъехала к дому, перед которым уже стояло несколько карет.

Гейбриел помог дамам выйти из коляски. Тетя Софи сразу же увидела приятельницу, и Психея, едва успев улыбкой поблагодарить Гейбриела, последовала за ней.

Лакей провел гостей в дом, где дамы перед зеркалом приводили себя в порядок, прежде чем снова выйти во французский сад.

Тетя Софи поговорила с хозяйкой, затем Психея представила Гейбриела, стараясь не краснеть, пока графиня, располневшая дама, мать шестерых непоседливых детей, бесцеремонно разглядывала его.

– Очень хороший выбор, дорогая, – как всегда, с полным отсутствием такта заявила графиня. – Намного приятнее вашего косоротого кузена. Очень хорош!

– Благодарю вас, леди Саттон, – пробормотала Психея, багровея.

– У вас должны быть красивые дети, – продолжала графиня, меряя Гейбриела оценивающим взглядом, словно перед ней стоял бык-производитель.

Психея, державшая руку на локте Гейбриела, почувствовала, как он тихонько затрясся. Она надеялась, что он не расхохочется и не опозорит их обоих, но все же поспешила увести его на ровную лужайку, где были расставлены столы и стулья.

Психея хотела отнять свою руку, но Гейбриел крепко держал ее.

– Не будьте так холодны, дорогая мисс Хилл, – тихо сказал он, – ведь нам еще предстоит выполнить ответственное задание... Мы очень скоро должны начать производить красивых младенцев.

– Не думаю, – сурово ответила Психея.

К ним подошел лакей с серебряным подносом, на котором стояли высокие хрустальные бокалы.

– Шампанское.

«Вот уж кто не нуждается в этом искрящемся напитке, чтобы поднять настроение», – сердито подумала Психея. Гейбриел почему-то был очень весел.

– Пойдемте, – сказал он, – полюбуемся садом.

Психея последовала за ним в сад и, направляясь к цветочным клумбам, все время останавливалась и здоровалась с каждым встречным – пусть все знают, что она прогуливается со своим женихом. И пусть Перси лопнет от злости.

Но гулять с Гейбриелом оказалось не так-то просто. Привлеченные его красивой внешностью и обаянием, женщины, замужние и незамужние, тянулись к нему.

– Мисс Хилл, мы так рады, что вы приехали, – заявила женщина, которую Психея почти не знала. Она кокетливо улыбалась Гейбриелу.

К ним подошла миссис Каннингем в сопровождении двух дочерей на выданье, к сожалению, слегка косивших взглядом.

– Мисс Хилл, как приятно вас видеть! – восторженно воскликнула матрона. – Представьте нас вашему очаровательному жениху.

– Лорд Таррингтон, миссис Каннингем, мисс Каннингем, мисс Лавидия Каннингем, – послушно представила их Психея.

Гейбриел поклонился. Девицы покраснели и захлопали ресницами, а мамаша просияла. «Какое они имеют право флиртовать с помолвленным человеком!» – мысленно возмущалась Психея.

И тут еще три дамы присоединились к ним. У Психеи просто голова шла кругом. Как глупы эти женщины! Синклер действительно поразительно красив, но они понятия не имеют, что он за человек и какая у него душа! Если б они знали, что...

Кто-то дотронулся до ее плеча, Психея обернулась. Это была Салли Форсайт.

– Ты тоже желаешь, чтобы тебя представили моему очаровательному жениху? – недовольно спросила Психея и отступила в сторону, чтобы поговорить с подругой, чем воспользовались окружавшие их дамы и еще плотнее обступили Гейбриела, который воспринимал их внимание с полнейшим равнодушием.

Салли рассмеялась:

– Давай отойдем от них, а то еще подумают, что ты ревнива, а это так провинциально.

– Не уверена, что он в безопасности, – возразила Психея, но все же пошла за Салли к другой клумбе, делая вид, что восхищается цветами.

– Я рада, что ты немного оттаяла, – заметила Салли с прирожденной пронизательностью, обычно скрываемой под маской легкомысленного кокетства. – После смерти родителей ты стала слишком строгой и сдержанной.

Психея наклонила голову, чтобы поля шляпы скрыли ее лицо.

– Я знаю, это был тяжелый удар, дорогая. Но если ты снова начнешь наслаждаться жизнью, я буду очень признательна твоему новому приобретению. – Салли улыбнулась и снова перешла на обычный для нее игривый тон: – Не говоря уже о том, что ты оживила наш светский пейзаж таким невероятно прекрасным мужчиной.

– Плутовка.

Психея как бы не услышала упоминания о своих родите-

лях. Ей до сих пор было трудно говорить об их гибели, и Салли это знала. Когда к ним подошел молодой щеголь, оказавшийся поклонником Салли, Психея не стала слушать их разговора, а погрузилась в собственные мысли.

Неужели она, как сказала Салли, действительно стала слишком строгой, слишком осторожной? Гейбриел тоже говорил о ее сдержанности. Психея посмотрела на свое безупречно сшитое муслиновое платье и перевела взгляд на платье Салли. Вероятно, декольте Салли было немного глубже, а лиф более плотно облегал ее талию. «Неужели Гейбриел находит меня скучной и вялой? Это не должно тебя беспокоить!» – упрекнула она себя, но эти мысли не доставляли ей удовольствия.

Она очнулась от вопроса Салли:

– А кем будешь ты, Психея? Вот мистер Денвер будет разбойником. – Она одарила молодого человека одной из самых обольстительных улыбок. – Если я не отговорю его.

– Гм, я еще не решила, – сказала Психея, пытаясь вспомнить, о чем говорила Салли.

Подруга, казалось, поняла ее смущение.

– Наш большой бал-маскарад, глупышка. У меня весь дом на ногах. Уже несколько недель я тружусь как одержимая.

– Бедняжка, – сочувственно посмотрел на нее мистер Денвер.

– Так кем же ты будешь, моя дорогая? – снова обратилась Салли к Психее. – О моем костюме не спрашивай, это тай-

на. Хотя я могу передумать. Я могла бы быть Персефоной, а лорд Таррингтон – Плутоном, богом преисподней.

– Почему ты так считаешь? – слишком резко спросила Психея.

Салли удивленно захлопала ресницами.

– Ну, разве ты не видишь, у него такой грозный взгляд. Но не волнуйся, от этого он только привлекательнее.

Психея оглянулась на толпу, все еще окружавшую стройную фигуру Гейбриела. Его голова едва виднелась среди колымавшихся перьев и шляп.

– Не сомневаюсь, – неохотно согласилась она. – Но если кто-то должен быть Персефоной, то ею буду я, Салли.

– Лишаешь меня удовольствия, – вздохнула Салли. – Я понимаю, он принадлежит только тебе. О, мистер Денвер, вы должны меня утешить.

– Б-буду очень счастлив, – заикаясь ответил молодой человек.

Солнце пригревало. Психея раскрыла зонтик и направилась к столпившимся вокруг Гейбриела дамам.

– Лорд Таррингтон, не желаете ли прогуляться по цветнику?

Он сразу же обернулся, и она могла поклясться, что Гейбриел обрадовался ее появлению.

– Мне было очень приятно, дамы, – с поклоном обратился он к своему окружению, – но вы должны извинить меня. Не могу же я допустить, чтобы моя нареченная гуляла в саду

без меня.

Гейбриел ловко проскользнул сквозь толпу разочарованных дам и подошел к ней. Психея почувствовала некоторое удовлетворение, но сочла это чувство недостойным ее. Все это было притворством, не мог же он на самом деле предпочитать ее общество.

– Я бы больше не вынес этих хлопающих ресниц, – признался Гейбриел.

И снова он говорил так искренне, что между ними возникло дружеское взаимопонимание. Но Психея по-прежнему сомневалась в нем. Нет, она так легко не сдастся.

– Не побродить ли нам по лабиринту? Насколько я понимаю, он весьма знаменит, – предложил Гейбриел.

– И сколько дам приглашали вас туда? – спросила Психея, взглянув на него из-под опущенных ресниц. Лабиринт Саттонов славился как место нечаянных поцелуев и коротких любовных свиданий. – Нет, благодарю вас. Думаю, нам достаточно и цветов.

Они неторопливо шли рядом, не касаясь друг друга. Психея испытывала некоторую неловкость, вспоминая о поцелуе в мансарде. Вероятно, Гейбриел тоже помнил о нем.

Они остановились перед широкими рядами тюльпанов, и она услышала, как Гейбриел сказал:

– В Голландии их еще больше. Может быть, когда-нибудь я покажу их вам.

Психея удивленно взглянула на него, и он, казалось, на

мгновение растерялся.

– Просто я не выхожу из роли, – сказал Гейбриел.

– Но ведь нас никто не слышит, – отведя взгляд, заметила Психея.

– Хороший актер никогда не выходит из роли, – поддразнил ее Гейбриел.

Она сразу же отвернулась, и он замолчал. Сколько же можно смотреть на цветы? Налюбовавшись, сколько требовалось, алыми тюльпанами, они вышли из цветника. Не желая возвращаться в общество окружавших Гейбриела восторженных поклонниц, Психея кивнула в сторону калитки.

– Не погулять ли нам по фруктовому саду? Гейбриел улыбнулся и распахнул перед ней калитку.

Они миновали толстую каменную стену, окружавшую французский сад, и оказались в тени цветущих яблонь.

Психея опустила зонтик. Осыпанные цветами ветви испускали опьяняющий аромат.

Психее стало грустно. Здесь было так романтично! Если бы ее жених был настоящим, если бы их по-настоящему тянуло друг к другу, она могла бы позволить себе забыть о приличиях. Невозможно было устоять перед поцелуем под этим благоухающим облаком цветущих деревьев. Психея не хотела себе лгать. Влечение, которое они оба испытывали друг к другу, не было притворством. Даже шагая рядом с ним, Психея ощущала его близость. А Гейбриел, внимательно разглядывая, или притворяясь, что разглядывает, цветущие ветви,

чувствует ли он то же самое?

Может быть, пусть кто-нибудь и увидит, что они держатся за руки, в этом нет ничего дурного. Но не поцелуй, это уже неприлично.

– Нам бы следовало вести себя как жених и невеста, – сказала она деловым тоном.

– В самом деле? – Гейбриел по-прежнему смотрел на ветку.

– Ради гостей, – объяснила она. То, что гости остались за каменной стеной сада, казалось, в данный момент не имело значения.

– О, я согласен! – Он повернулся к ней, и Психея увидела этот пугающий ее насмешливый взгляд, который всегда предшествовал его самым ужасным поступкам.

Гейбриел протянул руки и схватил ее за плечи, но она покачала головой:

– Достаточно того, что мы будем держаться за руки.

– Вы серьезно? Мне этого недостаточно, дорогая мисс Хилл.

Он осторожно притянул ее к себе, но Психея уперлась руками ему в грудь, сохраняя между ними расстояние. Не могла же она прижаться к нему как служанка, целующая своего возлюбленного-лакея в темном переулке. Она еще не дошла до этого. Он наклонил голову, и ее решимость растаяла. Может быть, всего лишь один поцелуй...

Но Гейбриел остановился и повернул голову. Она почув-

ствовала, как он весь напрягся.

Психея отстранилась.

– Кто-то идет? – спросила она. Гейбриел не ответил.

– Что там? – тихо повторила Психея.

– Думаю, ничего. – Но он взял ее за руку и пошел быстрым шагом, как бы решив вернуться к гостям.

Психея услышала за спиной шорох и оглянулась.

– Там из-за стены выглядывает какой-то человек, – удивленно сказала она. – Это не слуга и, конечно, не гость. Он плохо одет, в какой-то коричневой грубой одежде.

– Так и есть. Боюсь, это тот же человек, которого я видел вчера на вашей улице, – мрачно сказал Гейбриел. – Он, должно быть, следит за мной.

– Это ваш друг? – с упавшим сердцем спросила Психея. Неужели Гейбриел связан с такими грубыми людьми? Не его ли таинственное прошлое преследует их обоих?

– Едва ли. Скорее всего наоборот. Я думал, что спасся от них, но, видимо, ошибся.

– От кого? – спросила Психея, которой не понравился его тон. – Спаслись от кого?

– Идите быстрее, мисс Хилл. У меня нет желания подвергать вас опасности, – только и ответил он.

Они ускорили шаг, и Гейбриел крепко прижал к себе ее руку, стараясь, чтобы его тело прикрывало Психею от незнакомца. Ей становилось страшно.

– Что ему надо? – спросила она. – Если ему нужны наши

кошельки...

– Боюсь, ему нужно нечто большее, – ответил Гейбриел. – Молчите, нам надо спешить.

Они уже почти бежали. Но человек позади них, уже не прячась, побежал за ними. Психея слышала, как приближаются его шаги.

– Гейбриел!

– Держитесь за мою руку, надо бежать. – Он крепко сжал губы.

Она ухватила за его руку. Ей было страшно, но рядом был Гейбриел. Он не боялся, и она не должна бояться. Кто же этот разбойник, и что ему нужно?

Психея подумала, что Гейбриел знает больше того, что сказал ей, и как только они благополучно доберутся до гостей и крепких лакеев, которые вышвырнут этого человека из имения, она выяснит, что скрывает от нее Гейбриел.

– Бежим! – приказал Гейбриел, и они побежали. Они намного опередили человека в коричневом, но, когда Психея уже считала, что они в безопасности, от стены, впереди них, отделился еще один человек.

Гейбриел тихо выругался. Они оказались между двух незнакомцев. Тот, что был впереди, оказался еще страшнее первого, его одежда была в грязи, а вместо глаз узкие щелки. Рот обезображен старым шрамом. Психея задрожала.

– Что нам делать? – шепнула она Гейбриелу, сдвинувшему в размышлении брови. – Если я закричу...

– Вас могут не услышать, – ответил он. И она знала, что он прав.

– А если мы оба закричим? – настаивала она, чувствуя, как холод пробегает по ее спине. Оба головореза приблизились к ним, преграждая дорогу к ближайшей калитке. – Если мы за...

Но в эту минуту она услышала пронзительный, словно поминальный плач, звук волынки. Это было особое развлечение для гостей, о котором намекала хозяйка в своем приглашении.

– О черт! – вырвалось у Гейбриела. Психея похолодела от ужаса. Они пропали.

Внезапно Гейбриел дернул ее за руку.

– Сюда, – шепнул он. И они снова бросились бежать, но на этот раз прочь от спасительной стены.

Они бежали к лабиринту.

Это было грандиозное сооружение, восьмифутовые стены кустарника образовывали множество поворотов и тупиков, и только одна тропа вела к центру, где находился красивый фонтан и скамьи для отдыха.

Гейбриел втащил Психею внутрь. Плотная зеленая изгородь скрыла их. Они пробежали несколько футов и снова повернули.

Резко остановившись, Гейбриел прислушался. Волынка смолкла, и в тишине Психея услышала топот ног и приглушенное ругательство, которое она не поняла из-за сильного

акцента.

Психея от страха лишилась дара речи. Она слышала, как преследовавшие их люди пытались продраться сквозь колючие стены и ругались, обнаружив, что это невозможно и им придется искать дорогу среди всех этих поворотов и тупиков.

От кустов пахло приятной свежестью, тень укрывала их от солнца, но Психея не могла успокоиться. Сердце у нее бешено колотилось, и ей трудно было дышать.

Гейбриел, чуть шевеля губами, что-то спросил, но она не поняла его. Ей пришлось почти прижаться ухом к его губам.

– Вы не знаете, есть здесь другой выход? – спрашивал он. Она покачала головой, и он стал еще мрачнее. Синие глаза, ставшие почти черными, смотрели сурово. Преследователей не было слышно. Где они? Тишина. Затем снова заиграла волынка.

Гейбриел махнул рукой в сторону входа, и она сразу поняла его. Если преследователи углубились в лабиринт, то, может быть, они смогут выйти. Они старались идти быстро, но бесшумно. Гейбриел, казалось, помнил дорогу, а она уже не ориентировалась и боялась ошибиться. Стены возвышались вокруг них, и они ничего не видели, кроме ясного синего неба над головой. На пересечении дорожек Гейбриел остановился. Наклонившись, он заглянул за угол. Очевидно, путь был свободен, ибо он потянул ее за руку, и они побежали. Но почти сразу услышали крик. Их увидели! Но еще оставался

шанс опередить незнакомца...

Нет, один из негодяев стоял в проходе. Гейбриел выругался, а Психея чуть не застонала. А она-то надеялась, что эти оборванцы не сообразят, что им удобнее разделиться.

В какую же историю, черт побери, впутался Гейбриел? Если они останутся живы, она обязательно это выяснит.

Они снова оказались между двух огней. Но в лабиринте не так уж трудно спрятаться. Они побежали, петляя, и неожиданно оказались в тупике. Если их догонят, им некуда бежать.

Гейбриел оглянулся в поисках оружия. Но тонкие, хотя и крепкие, ветки кустарника были плохой защитой.

– Что же нам делать? – прошептала Психея.

– Подождите минутку, – тоже шепотом ответил он. – Я надеюсь, нас не найдут. Очень сожалею, дорогая мисс Хилл, что завел вас в тупик.

Она подняла бровь.

– Удача изменяет даже самому опытному игроку, – тихо сказала она.

И, не веря своим глазам, увидела, что в такую минуту Гейбриел улыбнулся.

– Что мне в вас нравится, так это ваше чувство юмора. – Он наклонился к ее лицу.

Его замечание прозвучало столь неожиданно, что она даже не попыталась уклониться от его поцелуя. Его губы были твердыми как всегда, и он, казалось, даже не запыхался от

быстрого бега. Его объятия успокоили ее. На этот раз поцелуй был нежным, ласкающим, он как бы говорил: «Не бойся, я с тобой».

На минуту Психея забыла свои страхи, она обхватила его шею и прижалась к нему. Если бы было можно оставаться в его объятиях бесконечно...

Но это было невозможно. Их ждали, и не только эти два страшных человека, о намерениях которых она могла лишь догадываться.

Освободившись от его объятий, она сказала достаточно громко, чтобы он услышал ее, несмотря на игру волынки:

– Я думаю, мы могли бы...

Она застыла на месте, ибо музыка замолкла раньше, чем она закончила фразу. Неужели ее услышали? И их найдут?

Гейбриел сделал знак, чтобы она молчала, и они стояли рядом, затаив дыхание. Затем он кивнул в сторону прохода, приведшего их в этот тупик, и она на цыпочках последовала за ним. Когда они подошли к пересечению дорожек и Гейбриел остановился, чтобы проверить следующий проход, Психея остановилась рядом, почти касаясь его.

Он наклонился, чтобы заглянуть за поворот, а она старалась даже не дышать.

Нож со свистом разрубил ветви кустарника совсем рядом с ними.

Глава 14

Психея вскрикнула, но ее крик заглушили звуки вновь заигравшей волынки. Огромный нож торчал всего в нескольких дюймах от ее горла. Требовалась большая сила, чтобы он рассек плотно сплетенные ветви кустарника. На минуту страх овладел Психеей, и она как замороженная смотрела на нож. Гейбриел схватил ее за плечи и оттащил от страшного острого лезвия ножа.

– Держитесь за моей спиной, – приказал он таким суровым тоном, что она едва узнала его голос.

Из-за угла вышел один из их преследователей. Бежать было некуда, позади – тупик. Психея услышала, как по ту сторону кустов второй убийца, с ругательствами вытащив нож из зарослей, пытается найти дорогу к своему товарищу.

У того тоже был в руках нож, поменьше, но не менее страшный, а на застывшем лице горели глаза, лишённые всякого человеческого выражения. Холодея от ужаса, Психея подумала, что это лицо человека, любящего убивать.

– Гейбриел... – прошептала она и замолчала, боясь помешать ему. Он прикрывал ее, и она видела лишь его напряженные плечи, когда он настороженно следил за негодяем, готовый ко всему.

И ей уже не было так страшно. Психея выпрямилась, готовясь к нападению. Она не помешает Гейбриелу, не закри-

чит, не упадет в обморок, не будет вести себя как последняя дура. Бандит бросился вперед, Гейбриел, стараясь прикрыть ее, отразил удар. Но она услышала короткий стон и испугалась, что нож достиг своей цели.

Да, она увидела, как на гравий падают капли крови. Гейбриел был ранен!

Что бы ни натворил ее подставной жених, он не заслуживал, чтобы его зарезали в тот момент, когда он защищает другого человека и не может защитить себя. В ее голове как бы издалека прозвучал голос матери: «Почему это мужчины так уверены, что женщины беззащитны?»

Но что она могла сделать? Психея заметила, что все еще сжимает в руках свой зонтик, этот хрупкий легкий предмет был плохим оружием. Но неожиданное нападение отвлекло бы внимание бандита.

Она вышла из-за спины Гейбриела. Должно быть, он заметил ее движение и прошептал:

– Стойте на месте, Психея.

Она не послушалась его. Все внимание страшного человека было сосредоточено на Гейбриеле. Времени у них было мало. В любую минуту мог появиться второй бандит. Психея следила за первым, и когда он снова поднял руку, она ткнула его сложенным зонтиком.

Негодяй выругался и, схватив его, отшвырнул в сторону. Зонтик сломался, но она и не ожидала ничего другого. Она дала Гейбриелу шанс. Он бросился вперед и левой рукой от-

вел нож в сторону, а правой с силой ударил негодяя в челюсть. Тот послушно свалился на землю.

Психея посмотрела на распростертую фигуру. Она была уверена, что Гейбриел что-нибудь сделает, но это было настоящее искусство. Такая точность движений – ничего удивительного, что мужчины любят смотреть боксерские бои.

Лежавший застонал и попытался подняться. Гейбриел ударил его ногой в живот, и тот окончательно затих.

– Надо уходить, – сказал Гейбриел. Он приподнял Психею и перенес через заграждавшее дорогу тело. – Нам придется бежать.

И они побежали по дорожкам. Поворачивая, огибая углы, неслись, как она надеялась, к выходу. Только бы не столкнуться лицом к лицу со вторым убийцей.

И снова Гейбриел не подвел. Скоро они оказались на зеленой лужайке. Но не могли позволить себе перевести дыхание, а побежали к каменной ограде французского сада. Только здесь Психея попросила:

– Подождите.

Гейбриел резко остановился и прислонился к стене.

– Что? Мы должны смешаться с толпой прежде, чем они выберутся из лабиринта.

– Но мы не можем появиться в таком виде. – Психея пыталась привести в порядок растрепавшиеся волосы. – К тому же вы в крови.

Гейбриел взглянул на красное пятно на белоснежной ман-

жете.

– Это пустяки, всего лишь царапина.

Если это пустяки, то что же он считал серьезным ранением?

– Нам надо поговорить. – Психея снова помрачнела. – Я хочу знать...

– Потом, – сказал Гейбриел. – Нам надо затеряться среди гостей. – Он достал чистый носовой платок и закатал рукав рубашки. – Вы не можете мне?

Увидев рваную рану, Психея поморщилась.

– Ее надо промыть, – с беспокойством заметила она.

– Потом, – пообещал Гейбриел, наблюдая, как она перевязывает рану. Он натянул рукав и спрятал в него окровавленную манжету. – Пойдемте.

– Но я-то выгляжу ужасно, – возразила Психея, стряхивая с юбки листья.

– Они только подумают, что мы целовались в лабиринте, – беря ее за руку, сказал Гейбриел и решительно повел в сад.

Все с любопытством будут глазеть на нее, этот маленький эпизод вызовет массу сплетен. Но сплетники никогда не узнают самого главного, по крайней мере Психея на это надеялась.

– А не следует ли предупредить об этих людях? Что, если они нападут на дом? – шепотом спросила она.

– В котором полно слуг? Они не рискнут, – заверил Гейбриел.

Ей оставалось только согласиться с ним. Честно говоря, было страшно признаться хозяйке дома в том, что ее, Психею, жениха преследуют головорезы. Но она должна узнать, чем вызвано это нападение.

– Мы должны поговорить! И как можно скорее! – прошептала она.

Он кивнул, но к ним уже направлялись две женщины. Это были тетя Мэрис и кузина Матильда.

Психея обрадовалась, увидев дружелюбные лица. Вернее, одно дружелюбное лицо. Матильда ей улыбалась, но у Мэрис был недовольный вид.

– Приведи волосы в порядок, племянница, – сказала Мэрис. – Ты что, хочешь, чтобы в свете пошли разговоры?

– Не волнуйтесь, тетушка, можно мне вас так называть? – с обаятельной улыбкой сказал Гейбриел. – Надо же влюбленным хотя бы иногда поцеловаться. Уверен, вы не забыли, когда за вами впервые стали ухаживать...

Психея усомнилась в том, что ее родственница когда-либо была молодой и легкомысленной, но, к ее изумлению, выражение лица Мэрис изменилось, и щеки окрасил бледный румянец.

– Ну...

– Вот видите, я так и знал, что вам ведомы безумства молодости и первой любви. Не сомневаюсь, что, когда вы были юной леди, перед вами нельзя было устоять.

Мэрис нахмурилась, подозревая подвох, и Психея затаила

дыхание. Не слишком ли далеко он зашел?

– У вас осанка королевы, – продолжал с улыбкой Гейбриел. – А какие мило изогнутые брови!

Как ему это удастся? Всегда находит в человеке что-то хорошее, думала Психея, глядя на смущенную, словно девушка, Мэрис.

– Пойдемте, – сказала Психея, опасаясь, что ее насмешливый жених ступил на зыбкую почву. – Пойдемте поговорим с нашей хозяйкой. И мне надо посмотреть, как там тетя Софи.

Они нашли Софи беседующей с пожилыми дамами в углу сада, где на траве были расставлены столы и стулья.

– А вот и ты, Психея, – сказала тетка. – Сейчас подадут ленч. – Сядь, дитя. Ты все исчезаешь, начнутся разговоры.

– Да, тетя, – охотно согласилась Психея, радуясь возможности спокойно посидеть среди людей и насладиться мороженым, меренгами и другими десертами, приготовленными для ленча на открытом воздухе.

Но ее мысли были отнюдь не такими сладкими, как эти соблазнительные деликатесы.

Почему Гейбриела преследуют?

К ее огорчению, ей не удалось поговорить с ним. Все время до отъезда они находились в окружении гостей. Когда гости начали разъезжаться, Психея вызвала свою карету и, не входя в дом, простилась с хозяйкой у дверей. Они с тетей Софи сели в коляску, Гейбриел устроился напротив них, и коляска покатилась.

Психея видела, что Гейбриел следил за дорогой до самого Лондона, но их враги, казалось, оставили их в покое. Когда они подъехали к дому, Психея с облегчением вздохнула. Они помогли тетушке выйти из коляски и проводили в дом.

– Я хочу поговорить с вами, – повернувшись к Гейбриелу, сердито шепнула Психея. – В библиотеке. Сейчас же.

Психея передала утомленную Софи спустившейся им навстречу горничной.

– Вы должны поспать, мисс Софи, – сказала горничная, обеспокоенная усталым видом хозяйки. – Сегодня вы не отдыхали, как обычно.

– Глупости. Я прилягу ненадолго, отдохну с закрытыми глазами, вот и все, – заявила старая дама.

– Да, мадам. – Горничная переглянулась с Психеей, через пять минут Софи крепко заснет.

Наконец девушка была свободна. Сняв шляпу и перчатки, она поспешила в библиотеку. К ее разочарованию, там никого не было. Она позвонила и вызвала Джоурса.

– Ты не видел лорда Таррингтона? – пытаюсь сохранять спокойствие, спросила она.

– По-моему, он у себя в комнате, мисс. – На лице дворецкого тоже воцарилось выражение безразличия.

– О! – Вероятно, он пошел сменить испачканную кровью рубашку.

– Укладывает вещи, – добавил дворецкий. Психея открыла рот, но быстро спохватилась.

– Понятно, – только и сказала она. – Это все. Было ясно, что дворецкий не смог бы ответить на ее вопросы. Когда он вышел, Психея поспешно направилась к лестнице и почти бегом поднялась наверх. Остановившись перед лучшей комнатой для гостей, она нетерпеливо постучала и, повернув ручку, распахнула дверь.

Джоурс сказал правду. Гейбриел аккуратно укладывал свои новые рубашки в потрепанную дорожную сумку, стоявшую на стуле у гардероба. Слуга, ставший его камердинером, с мрачным выражением лица помогал ему.

– Что вы делаете? – спросила Психея.

Гейбриел поднял голову. Он не улыбнулся, как делал обычно при встрече с ней. Вместо этого Синклер бросил взгляд на слугу.

– Спасибо, я сам закончу.

Камердинер поклонился и исчез в гардеробной, плотно закрыв за собой дверь. Дверь в коридор оставалась приоткрытой. Психея взглянула на нее. Она не хотела нарушать приличия, но и не могла допустить, чтобы их разговор услышали. Психея со вздохом закрыла дверь.

Гейбриел наблюдал за ней, и в его голосе слышалась обычная насмешливая нотка.

– Если вы желаете попроситься наедине...

– Я не расположена шутить, – решительно оборвала его Психея. – Чем же это вы занимаетесь?

– Я уезжаю, дорогая мисс Хилл. Я не хочу ставить вас в

затруднительное положение и тем более подвергать опасности. Поэтому я тихо уеду, а вы сможете по-прежнему жить спокойно и в полной безопасности.

Именно этого Психея и хотела, и в то же время вопреки разуму она почувствовала, как в ней закипает гнев от того, что он готов все бросить и выйти из игры.

– Вы не имеете права уезжать! – с жаром воскликнула она.

– Простите? – В его голосе слышалось искреннее удивление.

Психея тоже не понимала, что на нее нашло, но продолжала:

– Вы дали мне обещание, а я все еще не получила свои деньги от дяди, но он скоро должен отдать их мне. Вы должны оставаться здесь, пока я не получу их и пока я не при-знаю, что в ваших услугах больше нет необходимости.

Гейбриел отложил в сторону тонкую полотняную рубашку и внимательно слушал ее.

– Но...

– Это не значит, что... что я не хочу знать, что именно происходит. Почему эти люди преследуют вас... нас? Почему они стремятся напасть на вас?

Гейбриел нахмурился.

– Только правду, а не какую-нибудь выдуманную историю, – предупредила Психея.

– Хорошо, но объяснение займет много времени. Не уверен, что здесь подходящее место. – Гейбриел бросил взгляд

на кровать. – Меня не беспокоят сплетни, если они не беспокоят вас, но...

Психея покраснела. Вот это поворот! Он думает о приличиях, в то время как она сама о них забыла.

– Я буду ждать вас в библиотеке, – сказала Психея, стараясь держаться с достоинством. – Но я прошу вас не задерживаться.

«А если ты попытаешься ускользнуть, – подумала она, – я... я никогда этого тебе не прощу!» Выйдя из комнаты, она пыталась собраться с мыслями. Психея давно хотела избавиться от него, ей следовало отпустить его.

Но ее семья, дядя, наследство, которое она пыталась получить, – нет, он нужен ей, по крайней мере, пока. Потом, когда Психея станет хозяйкой своего состояния, когда Цирцея будет учиться, когда они смогут путешествовать, тогда... Но сейчас не время думать об этом. Психея вошла в библиотеку и позвонила.

– Принеси чай для двоих, пожалуйста, – попросила она появившегося Джоурса.

Дворецкий принес поднос с чайными принадлежностями, и в это время вошел Гейбриел. Он кивнул ей и остановился перед камином, ожидая, пока уйдет дворецкий.

Когда за Джоурсом закрылась дверь, Гейбриел спросил:
– Так что же вы желаете узнать?
– Что я желаю узнать? – раздраженно переспросила Психея. – Я желаю узнать, почему вас преследуют люди с но-

жами, нападают на нас обоих! Не притворяйтесь простаком, расскажите, в какую историю вы впутались.

– Все началось с игры в карты, – сказал Гейбриел, на этот раз с некоторым смущением.

Психея покачала головой. Чего еще она могла ожидать от картежника?

– И?

– Я выиграл имение, – с вызовом заявил он. Психея слышала и раньше о невероятных ставках при игре в карты или кости, но никогда не верила, что такое возможно.

– Имение? – с недоверием повторила она. – Это еще один карточный домик...

– Вроде маркиза, созданного вами? Нет, моя дорогая мисс Хилл, эта собственность реальна и принадлежит мне, или будет принадлежать очень скоро.

– Какой же сумасшедший рискнул имением в азартной игре?

– Тот, кто думал, что играет лучше меня. Но он ошибся, – таким же холодным тоном ответил Гейбриел.

– И вы собираетесь получить его?

– Разумеется, собираюсь. Карточный долг – долг чести, дорогая Психея. – Он прекрасно знал, как повлиять на нее. – Однако проигравший, некто Баррет, тянет время, – вынужден был признаться Гейбриел, – не хочет отдавать имение.

– Значит, не всякий долг – долг чести?

– Или не всякий человек выполняет его, – добавил Гей-

бриел.

Психея смотрела на него, словно не решаясь ему поверить. Неужели она теперь относится к нему по-другому? Человек, имеющий собственность, заслуживает уважения, думал Гейбриел, вспоминая, какую он испытывал радость, когда обыграл Баррета в ту незабываемую ночь в игорном доме Парижа.

– Говорят, это небольшое славное имение на юге Англии, – вслух размышлял Гейбриел, – со старинным домом и прочими постройками. Большой парк при доме и несколько ферм, арендаторы которых платят ренту.

– Имение джентльмена, – начала понимать Психея. – И это позволило вам вернуться на родину.

Гейбриел кивнул, оценив ее сообразительность.

– Да. Я надеялся восстановить свои законные права. И намереваюсь сделать это.

– Но какое это имеет отношение к тем людям в лабиринте?

– А, да, ну... – Он впервые отвел глаза. – Кажется, Баррет нанял шайку головорезов.

– Для чего? – спросила Психея, чувствуя, как по рукам у нее пробежали мурашки. Она боялась, что угадала ответ.

– Чтобы убить меня. Таким образом... Баррет надеется... добиться признания сделки недействительной.

– Но это глупо, – возразила Психея. – Имение получат ваши наследники.

Слабая улыбка пробежала по губам Гейбриела.

– У меня нет наследников.

– Совсем нет родных? – Она не могла скрыть удивления.

– Никого, кто бы считал меня родственником, – коротко ответил он равнодушным тоном. Но Психея видела, что Гейбриел старается скрыть боль, и на минуту ей стало жаль его. Он отвернулся, чтобы она не видела его лица, и смотрел на огонь в камине.

Он выглядел таким одиноким.

Психея знала, что такое одиночество. Но когда умерли родители, у нее оставались многочисленные дяди, тети, кузены и кузины, которые могли поддержать ее. Ее одиночество несравнимо с его положением. Почему ему пришлось покинуть Англию? Может быть, Гейбриел совершил что-то такое, что привело бы ее в ужас, вызвало отвращение, и поэтому он хранит молчание? Но сейчас она думала только о страдании, которое он скрывает под внешней беззаботностью и очарованием. Гейбриел одинок. Ему нужен друг.

– Вы не можете уехать, – сказала она, протягивая ему руку. – Я не отступлю перед неудачником без чести и совести и его наемными убийцами.

Гейбриел с удивлением посмотрел на нее, и огонек, вспыхнувший в глубине его глаз, заставил ее отвести взгляд. Психея не хотела, чтобы он подумал...

– Это ради меня самой, – поспешила она добавить, убирая руку. – Я хочу сказать, что вы мне нужны как доказательство

моей помолвки. Скоро я получу наследство, а вы, возможно, получите полные права на имение. Но сейчас вы должны остаться.

Гейбриел старался сохранять равнодушный вид. Психея теребила кружева на своем платье и избегала его взгляда. Не могла же она думать... нет, так было лучше для них обоих.

Теплое чувство, охватившее его, когда Психея отказалась отпустить его, заполнило пустоту в его душе, с ощущением которой он так долго жил и полагал, что ничто никогда ее не заполнит.

Она протянула ему руку, а ее взгляд был взглядом друга этом Гейбриел был уверен, а не женщины, которая наняла актера для определенной роли, и даже не женщины, которую привлекала его физическая красота и мужская сила. Он достаточно часто встречал такое влечение, иногда равное его собственному, но в этих отношениях никто не испытывал глубоких чувств, они были циничны и бесперспективны.

С Психеей такого никогда не могло произойти. Ему хотелось получить от нее нечто большее. Она не знала, какие желания вызывала в нем, и не должна этого узнать.

Когда игра закончится, он уедет. У него не было прав на такую прелестную женщину, ибо на нем лежала вина за гибель другой очаровательной женщины. Гейбриел проклинал себя за свои грехи, и он один должен нести их бремя.

– Хорошо, – сказал Гейбриел. Неожиданно для самого себя он почувствовал, что у него сжалось горло, но попытался

беспечно улыбнуться. – Пока я вам нужен, я останусь.

Глава 15

Нельзя было забывать что за Гейбриелом охотились наемные убийцы. И в тот же день Психея приказала Джоурсу нанять еще нескольких лакеев.

– Предпочтительно крепких, сильных мужчин, – сказала она. – И особенно следите, чтобы входные двери были закрыты, а также обращайтесь внимание на незнакомцев, которые интересуются нашим домом.

Как всегда, выражение лица дворецкого оставалось непроницаемым, и он спокойно сказал:

– Как прикажете, мисс.

Они с Гейбриелом пили чай и одновременно придумывали убедительные причины, по которым он мог бы не выходить из дома, оставаясь в безопасности.

– Не думаю, что вам что-либо угрожает. Они охотятся только за мной, – сказал Гейбриел.

Психея кивнула.

– Если я откажусь от всех приглашений, Салли поднимет шум. Начнутся разговоры.

И на следующий день они с тетей Софи поехали в театр одни, без мужчин. Когда после первого акта в их ложу ворвалась толпа разочарованных дам, чтобы узнать, почему с ними нет очаровательного лорда Таррингтона, у Психеи был готов ответ.

– Увы, вчера во время загородной прогулки он подвернул ногу, и у него страшно распухла лодыжка, – с любезной улыбкой объяснила Психея дочери миссис Моннат.

– Но я не заметила, чтобы он хромал, – возразила другая молодая леди. – Я все время следила за ним. – Девица покраснела.

– Я в этом не сомневаюсь, – сухо заметила Психея. – Нет, сначала было незаметно, но когда мы вернулись домой, нога уже посинела. Доктор посоветовал ему воздержаться от ходьбы и держать ногу в приподнятом состоянии.

– Но скоро бал у миссис Форсайт, – чуть не со слезами сказала еще одна молодая женщина. – А он его пропустит.

– Думаю, он об этом очень сожалеет, – согласилась Психея.

– Но спорю, что не так сильно, как светские дамы, – закрывая веер, заметила Софи.

Молодые женщины смутились, но начинался второй акт, и они поспешили на свои места.

– Может, одолжить тебе мою палку, чтобы отбиваться от них? – сказала тетушка. – Брак с таким пострелом может оказаться весьма утомительным для тебя, племянница.

– Вы полагаете, мне следует швырнуть его обратно в море и ждать лучшего жениха? – усмехнулась Психея.

Софи фыркнула.

– Сомневаюсь, что сумеешь найти кого-то лучше Таррингтона. Будь я лет на тридцать моложе, я бы первая постаралась.

лась его отбить.

Психея с удивлением посмотрела на тетку. Она не думала, что этот очаровательный мошенник околдовал и ее. Но обаяние Гейбриела превосходило даже его красоту. В его смеющихся синих глазах блестели ум, доброта, которые он тщательно скрывал, однако охотно уделял внимание ребенку и старой даме.

Но какой смысл перечислять достоинства Гейбриела? Он не станет постоянным спутником ее жизни. Он исчезнет, как только они устроят свои дела.

Гейбриел по-своему тоже актер, и она не должна доверять ему.

– Вы что-нибудь знаете о Синклерах? – тихо спросила Психея тетку. – До того как они... он получил титул, я хочу сказать...

Софи поджала губы.

– Ничего, стоящего внимания, но я могу разузнать.

– Только незаметно, пожалуйста, – попросила Психея.

Приятельницы Софи, старые дамы с поразительной памятью, охотно предавались воспоминаниям и сплетничали как о прошлых, так и о текущих событиях. Психея не желала копаться в грязи, но если обнаружится то, что она хотела бы узнать о Гейбриеле... А у него была какая-то тайна, которой он стыдился. Несмотря на то, что он скоро уедет, Психея хотела узнать правду. По крайней мере, она так думала.

Пока продолжалась пьеса, мысли Психеи все время воз-

вращались к Гейбриелу, ставшему невольным пленником в ее доме.

В камине, перед которым взад и вперед расхаживал Гейбриел, весело горел огонь. Кресло, стоявшее у камина, было мягким, с гладкой от времени кожей; свечи на столе горели ровным пламенем, отражавшимся в стеклянных гантелях книжных шкафов. Вино в бокале на столике рядом с креслом было выдержанным и приятным на вкус, его рубиновый цвет радовал глаз. Однако Гейбриел чувствовал раздражение. Роскошный приют в доме Психеи превратился в тюрьму.

Но он прятался в доме, как раненая лисица в норе, только из-за этого ублюдка Баррета. Гейбриел хотел бы вызвать Баррета на дуэль, но этому человеку было чуждо чувство чести, его отношение к карточному долгу подтверждало это.

Гейбриел честно выиграл имение, ему помогло собственное умение, да и удача улыбнулась. А теперь он был прикован к этому камину, в то время как негодяй бродит по самым грязным притонам Лондона, пытаясь вернуть проигранное. Сознание несправедливости создавшегося положения терзало Гейбриела.

Конечно, его досада, вероятно, меньше мучила бы его, если бы Психея осталась дома. Он обещал ей, что останется сидеть здесь, в безопасности. Но последние пятнадцать лет Гейбриел вел бурную жизнь, полную опасностей и риска, и ему было трудно заставить себя соблюдать осторожность. Он

скупал, и это оскорбляло его гордость. Если кто-то и должен был бояться, так это Баррет, жалкий трус, прячущийся за спины наемных убийц.

Чем больше Гейбриел думал об этом, тем больше его возмущало создавшееся положение. Нет, он этого не потерпит! Когда ему было шестнадцать, он делал то, что ему говорили, подчинялся женщине, позволял ей решать за него. Но потом Синклер дал клятву, что такое больше никогда не повторится.

Психея должна понять, что есть вещи, неприемлемые для мужчины. Гейбриел позвонил.

– Что вам угодно, милорд? – спросил появившийся Джоурс.

– Принеси мою шляпу, Джоурс. Я ухожу.

Дворецкий заколебался, затем сказал:

– Да, милорд.

Он вышел, и Гейбриел постарался подавить чувство вины. Он дал обещание Психее, но он рисковал только собой, и ему должно быть позволено рисковать собственной жизнью, если ему этого хочется. Главное, он решает сам, он сам себе хозяин.

Джоурс принес шляпу. Гейбриел надел ее и, направившись к двери, бросил через плечо:

– Если мисс Хилл вернется раньше меня, скажи ей... Нет, не надо ей говорить, что я ушел.

– Да, милорд. – В глазах Джоурса блеснула насмешка.

– Меня не... – начал Гейбриел, но понял, что объясняться с дворецким ниже его достоинства.

Однако когда лакей распахнул перед ним дверь, Гейбриел заколебался. За дверью была темнота. Ни одна карета не проезжала мимо дома. В это время жители уже не выходили на улицу или еще не возвращались домой, поэтому жизнь вокруг замерла.

Неужели он ведет себя как дурак?

Вероятно, при этом Гейбриел усмехнулся. Очевидно, он делает глупость. Но он слишком часто испытывал терпение леди Удачи, чтобы остановиться. Не было заметно никаких признаков прячущихся убийц, и он, спустившись со ступеней, уверенным шагом зашагал по улице. Но все же он избегал темных мест, густой тени домов и узких переулков.

Вдалеке послышался цокот копыт и скрип колес, катившихся по камням мостовой. Затем все снова затихло, и он услышал у себя за спиной осторожные шаги одинокого прохожего.

Гейбриел почувствовал, как волосы зашевелились у него на голове, но не оглянулся. Синклер продолжал идти той же уверенной походкой, не переставая прислушиваться к звукам позади себя.

Услышав какой-то треск, как будто кто-то наступил на упавшую ветку, Гейбриел сжал кулаки. Невидимый преследователь приближался.

Гейбриел подходил к перекрестку. Сосредоточив все вни-

мание на этом человеке, он чуть не поплатился за это жизнью. Прямо перед ним из темноты выступили три оборванца. В руках они держали дубинки, и Гейбриел снова сжал кулаки, жалея, что ему нечем отразить удар.

Он почувствовал, как кровь бросилась ему в голову, и ощутил сверхъестественную остроту восприятия каждого движения, которая приходит к человеку перед лицом смерти.

Гейбриел рассмеялся.

– Чего же вы ждете? – спросил он.

Один из головорезов удивленно заморгал и поднял дубинку.

– Даже не хотите притворяться, что вам нужен мой кошелек? – небрежно заметил Гейбриел. – Вы новички в этом деле, не так ли?

Бандитов явно смутило, что жертва в ужасе не бросилась бежать, а спокойно разговаривает с ними.

Гейбриел продолжал прислушиваться, но третий бандит, казалось, выжидал удобного момента.

– Довольно, – сказал себе Гейбриел и сделал шаг к человеку с дубинкой. Тот не ожидал, что его добыча поведет себя подобным образом. Он взмахнул оружием, и его компаньон отступил в сторону.

Но Гейбриел наклонился и ударил его в живот. Бандит свалился на землю, хватая ртом воздух. Гейбриел повернулся ко второму, но этот был опытнее и, подняв дубинку, вы-

жидающе смотрел на Гейбриела.

За спиной Гейбриела раздался какой-то звук, и он резко обернулся. То, что он увидел, было настолько неожиданно, что он едва успел уклониться от удара.

– Осторожно! – крикнул Дэвид Лидфорд, граф Уэстбери, но все же удар пришелся на локоть Гейбриела. Боль пронзила его руку, и он не мог даже пошевелить ею.

Дэвид схватился со вторым бандитом, а первый, все еще держась за живот, лежал и стонал на земле. Дэвиду удалось вырвать у него дубинку и отшвырнуть ее в сторону.

Гейбриел в отчаянии смотрел, как элегантно, в духе лучшей боксерской школы, работает кулаками Дэвид.

– Я покажу тебе, как нападать на порядочных людей! – кричал он.

Лежавший на земле бандит сунул руку за пазуху и вытащил небольшой, но острый нож. Гейбриел поднял брошенную дубинку и почти небрежно ударил его по голове. Разбойник затих, нож выпал из его руки.

– Никогда не бросай оружие, – заметил Гейбриел. – И какого черта ты здесь делаешь? – спросил он Дэвида.

– Искал тебя, – обиделся Дэвид. – Я знал, что они не оставят тебя в покое.

– И решил стать нянькой? – Ничего лучшего Гейбриел не сумел найти для ответа.

Молодой человек вспыхнул от обиды.

– Я подумал, что это справедливо. Я у тебя в долгу, ты же

помог мне тогда, не так ли? Разве мы не друзья?

– Это еще не повод рисковать собственной шеей, – сердито сказал Гейбриел. – И где, черт побери, твои телохранители?

– Я скрылся через черный ход.

– Сбежал...

– Вынужден был, разве ты не понимаешь? Я тебе так обязан.

У юноши достаточно смелости, подумал Гейбриел, и ему захотелось рассмеяться, но он всего лишь улыбнулся. Нельзя больше оскорблять парня.

– Ты прав, – серьезным тоном сказал он. – Я тебе очень благодарен за помощь.

Дэвида обрадовали его слова.

– Если ты не против, мы могли бы заглянуть в мой клуб и немного выпить.

– Что ж, после таких трудов выпить просто необходимо. Кстати, ты занимаешься в боксерской школе?

– Да, но если ты хочешь сказать, что я мог бы найти лучшее занятие...

– А ты не будешь ли так добр и не возьмешь ли меня завтра с собой как своего гостя? Мне надо провернуть одно дело, – объяснил Гейбриел.

Дэвид был озадачен, но кивнул:

– Конечно, сочту за честь представить тебя. Это заведение основал сам Джексон и...

Гейбриел позволил молодому человеку продолжать, но сам оставался наготове, чтобы встретить опасность, таившуюся в окружавшей их темноте. Они не задержатся надолго в клубе Дэвида, и Гейбриел вернется в дом Психеи Хилл. Для одной ночи он совершил уже достаточно.

Но, слушая краем уха поток слов, изливаемых юношей, Гейбриел узнавал симптомы той же болезни, которой сам страдал в юношеские годы. Дэвид жаждал мужского общества, мужского одобрения, и Гейбриел был тронут. Ему уже не хотелось подсмеиваться над Дэвидом.

В клубе «Уайте» Дэвид с гордостью представил Гейбриела нескольким членам клуба. Гейбриел уже встречал некоторых, когда заходил сюда с Фредди. Сегодня его старого друга в клубе не было.

– Мы должны принять тебя в члены клуба, – сказал Дэвид, заказав лакею бренди.

– Да, то же самое говорил и Фредди, – согласился Гейбриел. – Мне это по душе.

Сначала было бы лучше вернуть свое имя, не связанное с фальшивым титулом, но он не мог объяснить этого Дэвиду. Мысль, что он получит членство в самом фешенебельном мужском клубе без всякой помощи отца, доставляла ему удовольствие.

– За старых друзей, – поднял он бокал, обращаясь к Дэвиду как к равному.

Вокруг слышались тихие мужские голоса, в соседней ком-

нате играли в карты. Потрескивали дрова в камине, и Гейбриел чувствовал крепкий аромат испанских сигар. Странно, но в душе Гейбриела воцарился покой.

Когда Психея с тетушкой вернулись из театра, в холле их ожидал Джоурс с одним из новых лакеев, широкоплечим и сильным на вид, с внимательным взглядом.

– Хороший выбор, – тихо похвалила она дворецкого, взглянув на лакея.

– Спокойной ночи, племянница, – попрощалась тетя Софи, направляясь к себе наверх.

Психея проводила тетушку взглядом и подумала о человеке, которого оставила на весь вечер в одиночестве.

– Лорд Тарригтон в библиотеке? – спросила она Джоурса.

– По-моему, его там уже нет, – ответил дворецкий и замолчал.

– Так где же он? Неужели уже спит? Сейчас всего лишь половина двенадцатого.

Джоурс смутился.

– Нет, мисс, то есть...

Дверь открылась, и знакомый голос спросил:

– Ну и как пьеса?

Психея с облегчением вздохнула.

– Было скучно, поэтому мы и вернулись так рано. А что вы делали в комнате вашего секретаря?

– Проверял его работу. – Гейбриел улыбнулся, а в гла-

зах вспыхивали веселые огоньки. – Может быть, выпьете со мной в библиотеке, прежде чем идти спать?

– Я бы с удовольствием выпила чаю, – сказала Психея.

– Значит, принеси чаю и бренди для меня, пожалуйста, – обратился он к дворецкому.

Краем глаза Психея заметила какое-то движение, как будто монета перешла из одних рук в другие, но она не обратила на это внимания. Почему-то впервые за весь вечер Психея почувствовала себя счастливой.

В библиотеке пахло кожей и книгами, догорал камин. Она протянула руки к угасающему огню. Вошел Гейбриел. Она с удивлением увидел на его лице печаль. Он не переставал удивлять ее.

Она вспомнила, зачем позвала его.

– Я хотела поблагодарить вас за то, что согласились остаться сегодня дома, – сказала она. – Я понимаю, что вам, должно быть, было скучно в заточении.

– Я не заслуживаю вашей благодарности, – с непроницаемым выражением лица ответил Гейбриел. – Сейчас я более чем доволен.

Когда она поняла смысл последних слов, то взглянула на него, боясь покраснеть.

– Я...

– Можете не отвечать, – сказал Гейбриел, и насмешливое выражение, которым он скрывал свои чувства, снова появилось на его лице. – Конечно, мне надоело так долго сидеть

в четырех стенах. К счастью, мой поверенный очень скоро устроит мои дела, и я больше не буду обременять вас.

Психея почувствовала себя обманутой. Как он смеет так говорить после своего признания? Конечно, он ни на что не намекал. Черт бы побрал этого человека!

– Я тоже очень на это надеюсь, – резко сказала она и прикусила губу. – То есть я надеюсь, что вы получите ваше имение.

– Я ценю ваши добрые пожелания, – сухо ответил Гейбриел.

Ощущение счастья и то непонятное чувство, которое возникало в ней в его присутствии, исчезли. Психея неожиданно поняла, что очень устала.

Лакей принес чай и бренди для Гейбриела.

– Я устала, – сказала Психея. – И мне больше не хочется чая. Спокойной ночи, лорд Таррингтон.

– Спокойной ночи, мисс Хилл, – без возражений кивнул он.

Они расстались как чужие, с горечью подумала она, выходя из комнаты. Они и были чужими друг другу. Глупо было думать, что между ними существуют какие-то чувства – их соединяло лишь деловое соглашение.

Пришла Симпсон, чтобы помочь ей раздеться.

– Вам понравилась пьеса, мисс? – спросила горничная.

– Скучная, – ответила Психея. – И у меня болит голова.

Девушка поблагодарила горничную и, забравшись под

одеяло, натянула его до подбородка, стараясь сдержать неожиданно наполнившие глаза слезы.

На следующее утро, когда еще не было и девяти часов, в дверь Хилл-Хауса постучал граф Уэстбери, несколько опухший, но полный энтузиазма. Кивнув впустившему его Джорсу, он вошел и сразу же сел на небольшой диванчик у стены. Поддерживая рукой болевшую голову, он позвал дворецкого.

– Скажи Гейбриелу, что я пришел.

Если Джорса и забавлял вид молодого графа, то он был слишком хорошо вышколен, чтобы показать это.

– Сию минуту, милорд.

В ожидании Дэвид крепко держался за голову, опасаясь, что она свалится с его плеч – эта опасность угрожала ему с самого пробуждения.

В холл спустился Гейбриел.

– Как раз вовремя, Дэвид, – сказал он.

Гейбриел уже позавтракал и надеялся, что молодой человек не проспит и придет в назначенное время. Но очевидно, занятие в боксерском клубе стоило того, чтобы пожертвовать сном.

– Ты что, гулял вчера слишком долго? – Гейбриел заметил зеленоватый оттенок лица Дэвида.

– Я больше не пью, – простонал Дэвид, шумно дыша ртом.

– О, обещания юности, – усмехнулся Гейбриел. Он поставил Дэвида на ноги и повел к дверям.

– Тебе полезно попотеть. Пойдем, мне еще надо повидать моего поверенного.

К тому времени, когда они добрались до боксерского клуба, Дэвид почти пришел в себя. Гейбриел смотрел на оживившегося приятеля.

– Ах, если б снова мне было двадцать два, – покачал головой Гейбриел.

Несколько слов швейцару, и он распахнул перед ними дверь.

– Вот увидишь, Джексон настоящий мастер, – говорил Дэвид. – Его обучение многого стоит. Я стал так хорошо работать левой рукой.

– Действительно, большое достижение, – сдерживая улыбку, согласился Гейбриел.

– Вот он, сэр, – с гордостью сказал Дэвид, – я привел маркиза Таррингтона.

Человек, к которому он обратился, был невысокого роста, но крепкого телосложения, с пронзительным взглядом умных глаз и с не раз ломанным носом. Он, прищурившись, посмотрел на Гейбриела.

– Нам уже приходилось встречаться, – сказал он. – Только тогда ты не был маркизом.

Гейбриел улыбнулся:

– Моя беспутная юность продолжает преследовать меня. Здравствуй, Джексон.

Дэвид смотрел на них, широко раскрыв глаза:

– Вы его знаете?

– Когда-то он нанес мне хороший удар в корпус, – ответил Джексон.

– Вы дрались с ним? – изумился Дэвид. – И ты сумел так ударить?

– Просто удачно получилось, – сказал Гейбриел.

– Еще как удачно, – улыбнулся Джексон. – А сам был только что из пеленок.

– Нет, немного постарше, – возразил Гейбриел. Он обвел взглядом большой просторный зал. – Я вижу, ты выбился в люди.

– Как и ты, милорд, – заметил боксер. Гейбриел поморщился:

– Да, длинная история. – И тема, на которую ему не хотелось говорить. – Знаешь, я рад, что это оказался ты. У меня есть к тебе несколько странная просьба.

– Да, милорд, слушаю тебя. – Глаза Джексона блеснули.

И Гейбриел объяснил ему.

Глава 16

Вернувшись домой, Гейбриел спокойно провел время за ленчем с Психеей и Дэвидом. Чувствуя вину за свою отчаянную ночную вылазку, он отказался от предложения Дэвида посетить его клуб. Он остался дома. Психея была приглашена на чай. В доме стояла тишина. Софи удалилась в свою комнату отдохнуть, и Гейбриел сидел в библиотеке и чертил план своего будущего имения.

Поскольку он еще не видел его, это было бесполезное занятие, но оно доставляло ему удовольствие. Поверенный клялся, что недалек день, когда Гейбриел станет хозяином. Он уже читал о самых современных методах ведения сельского хозяйства. Думая о собственной земле, кусочке Англии, который никто не сможет у него отнять, Синклер испытывал глубокое волнение. И однажды он привезет туда свою жену, покажет ей, как возвратил имению, без сомнения, пришедшему в упадок при Баррете, блеск и красоту.

Гейбриел прекрасно представлял себе, как они с женой, взявшись за руки, будут гулять по возрожденным садам. По вечерам они будут наслаждаться ароматом распускающихся роз. Он будет вынимать одну за другой шпильки из ее золотистых волос, и они волной накроют его руки. Потом он увлечет Психею в темный уголок, где...

Он тряхнул головой, отгоняя чувственные образы. Нет,

он не смел даже мечтать об этом. Чтобы отвлечься, Гейбриел стал вспоминать отца, свои юношеские клятвы о мести. Отец узнает о его успехах и будет вынужден признать, что его непутевый сын вышел победителем, восстановил свою честь, опроверг предсказания скорого и позорного конца.

Кто-то почтительно кашлянул рядом с ним. Гейбриел вздрогнул. Он так глубоко погрузился в свои мысли, что не заметил подошедшего к нему лакея.

– Да?

– Простите, милорд, но вас хотят видеть в классной комнате.

Такое приглашение получают не каждый день. Гейбриел сдержал улыбку. Что еще задумала своевольная мисс Цирцея?

– Хорошо, – кивнул он. – Я сейчас приду.

Лакей вышел, а Гейбриел спрятал свои бумаги в ящик стола.

Цирцея сидела на табурете около окна, неподалеку расположилась ее гувернантка.

– Ты хотела меня видеть? – спросил Гейбриел, покосившись на мисс Теллман. Но гувернантка, очевидно, смирилась с настойчивостью Цирцеи. Никто не мог справиться с Цирцеей, когда она проявляла настойчивость.

– Ты согласился позировать мне, – сказала Цирцея.

– Не припоминаю, – удивился он.

– Согласился, – возразила Цирцея. На ней был синий пе-

редник, перепачканный краской. – Помнишь, на днях мы говорили об этом.

– Я не помню, чтобы я соглашался позировать тебе, – уточнил Гейбриел.

– Но ты не сказал «нет», а это все равно что сказать «да». – Цирцея улыбнулась ему.

Гейбриел попробовал изменить тактику:

– Ты же знаешь, что твоя сестра не хочет, чтобы я беседовал с тобой. Мне не следует здесь оставаться.

– Все это так, но ты не должен говорить, иначе я не смогу правильно нарисовать твой рот. А он у тебя хорошей формы.

Гейбриел не стал больше спорить.

– Где мне сесть? – покорно спросил он.

– Сядь вон на тот стул. Сиди прямо и смотри в сторону окна. Руку положи на книгу, вот так, – указала Цирцея.

Гейбриел сел и принял требуемую позу. Он сидел неподвижно, а в руке девочки быстро мелькали карандаши и мелки. Это оказалось труднее, чем он ожидал. Вскоре его рука онемела, и Гейбриел попытался немного изменить свое положение.

– Нет, нет, – резко сказала Цирцея. – Оставь руку как она была.

– Она отвалится, прежде чем ты закончишь, – поморщился он.

Гейбриел думал, что Цирцея так поглощена работой, что не расслышала его слов, но она тихонько сказала:

– Ты ведь держишь карты только в одной руке, не так ли?

– Да, – согласился Гейбриел. – Я даже могу научиться тащовать карты одной рукой. Однако когда я буду танцевать с твоей сестрой, мне будет трудно сохранять равновесие. И если я не смогу вальсировать, она будет очень разочарована.

Цирцея хихикнула.

– Глупости, я почти закончила.

Через несколько минут она отложила карандаш.

– Ты быстро рисуешь, – сказал Гейбриел. – Можно посмотреть?

Но она перевернула лист.

– Пока нет. Мне еще надо поработать над деталями. Гейбриел был разочарован, но кивнул:

– Хорошо. А теперь я свободен?

– Да, но ты должен снова прийти позировать. Гейбриел немного обиделся.

– И поговорить, – словно прочитав его мысли, добавила Цирцея. – Мы же друзья, что бы там ни думала Психея.

Девочка была колдуньей, в этом не приходилось сомневаться. Гейбриел только надеялся, что она никогда не заинтересуется карточной игрой.

– Быть твоим другом для меня большая честь.

Психея рано вернулась из гостей. Она уже собиралась войти в дом, когда раздался топот копыт и показалась карета, из окна которой высунулась Салли и помахала ей рукой.

– Вот ты где, – сказала она. – Иди сюда, я еду к портнихе.

– Я только что вернулась, – возразила Психея.

– Знаю, этот ленч был ужасен. Я сбежала. Иди сюда, это намного важнее, – настаивала Салли. – Садись.

Лакей распахнул перед Психеей дверцу. Она покачала головой, но все же села в карету.

– В чем дело? Почему надо срочно ехать к портнихе, и зачем я тебе?

– Затем, что мадам Симон сказала мне, что ты не побеспокоилась о costume для моего маскарада. Психея, ты негодница, ведь маскарад уже завтра! И не говори, что ты забыла!

– Конечно, нет. – Психея старалась не показать, что чувствует себя виноватой.

– Ты приедешь на бал, должна приехать. И я не желаю ничего слушать. – Салли надула губки.

– Поскольку там будут четыре сотни самых знатных людей Лондона, – сухо заметила Психея, – меня там будет очень не хватать.

– Мне тебя будет не хватать! Ты – моя самая близкая подруга. Мне будет грустно без тебя! – настаивала Салли. – Не говоря уже о твоём совершенно потрясающем женихе.

– Вот это правда, – усмехнулась Психея. – Я приеду, возможно, даже со своим женихом, если у него заживет лодыжка.

– Я приму его в любом виде! – Карие глаза Салли блеснули.

Психея предпочла ничего на это не отвечать.

– Зачем ты меня похищаешь?

– Но ты же не можешь появиться без костюма?

– Ах, это... – Психея пожалала плечами. – Я полагала, достаточно маски и домино, или я найду что-нибудь в своем гардеробе...

– Для моего маскарада, самого главного события года! – воскликнула Салли с непритворным ужасом. – Да как ты смеешь, Психея...

– Я пошутила, – быстро спохватилась Психея. – Прости меня. Я отдамся в руки мадам Симон, и посмотрим, что она сможет сделать.

– Вот подожди, ты увидишь мое платье. Я придумывала его несколько недель, сегодня последняя примерка.

Они вошли в мастерскую модистки. Навстречу им вышла сама хозяйка. Салли исчезла за ширмами. Психея, в ожидании своей очереди, слышала женские голоса и шуршание тяжелой ткани. Когда Салли вышла в зал, Психея широко раскрыла глаза.

– Сидит великолепно, – заявила Салли, поворачиваясь перед зеркалом. – Ах, эти юбки такие тяжелые.

– Господи, кем же ты будешь? – спросила Психея. – Царицей Савской?

– Нет, глупышка, Золушкой, после того как она вышла замуж за принца Дезире, – объяснила Салли. – И я хотела платье, подходящее для принцессы из волшебной сказки. Разве оно не изумительно?

– Я сейчас ослепну, – сказала Психея, глядя на роскошное бальное платье, стоимость которого могла бы обеспечить портнихе безбедное существование на целый год. Тяжелые золотистые юбки были отделаны двумя рядами фестонов, расшитых золотом, глубокий вырез лифа обрамляли фламандские кружева, блестящие от золотых нитей и сверкающих драгоценных камней.

– Бриллианты, конечно, не настоящие, – заметила Психея.

– Увы, – вздохнула Салли. – Но это очень хорошая подделка, а настоящие камни будут у меня в волосах, на шее, в ушах и...

– Короче, ты будешь сверкать с головы до ног. Это будет великолепное зрелище.

– Надеюсь, – призналась Салли. – Моим принцем будет Эндрю, а милый маленький мистер Денвер будет с мышиными ушами. Помнишь мышей, которые превратились в белых лошадей?

Салли оглядела Психею.

– А какой костюм хочешь ты? Кем будешь ты, Психея? Мадам Помпадур? Клеопатрой?

– Вот уж нет, – ответила Психея, невольно втягиваясь в игру. – Я останусь Психеей.

– Нет, дорогая, у тебя должен быть костюм! Я настаиваю.

– Будет, будет, – улынулась Психея. – Костюм настоящей Психеи.

Наконец-то могло пригодиться увлечение ее отца грече-

скими мифами.

– О, конечно! – Лицо Салли просветлело. – Ты должна рассказать мне эту историю. Я забыла, в чем там дело.

– Психея вышла замуж за таинственного молодого человека изумительной красоты...

– Эта роль тебе подходит, – согласилась Салли. – Таррингтон просто душа, дорогая.

Психея притворилась, что не слышала ее слов.

– Но ей было запрещено видеть его лицо или знать его имя.

– Ну, это уж несправедливо. Я бы тайком подглядела.

– Она так и сделала, но он должен был покинуть ее.

– Мм, какая жалость. – Салли уже думала о другом. – Так как же платье? Тебе будет нужно...

– Что-то в греческом стиле, очень простое, что мадам могла бы сделать за короткий срок, – заметила Психея. – Простая туника, она называлась хитон, насколько я помню папины уроки.

Мадам Симон посоветовалась со своими помощницами. Затем она набросила на Психею несколько кусков тонкого белого полотна, задрапировала их в виде туники и скрепила узким золотым пояском. Греческая одежда не была замысловатой, но почти не скрывала фигуру. Психея сразу же с подозрением посмотрела, насколько белая туника открывает ее грудь и на выглядывавшие из-под платья голые лодыжки...

Салли на минуту нахмурилась, а затем рассмеялась.

– Хотела бы я посмотреть на лицо Перси, когда он увидит тебя, – сказала она. – И еще тебе нужны золотые сандалии, Психея. У меня есть пара, если хочешь, я одолжу их тебе.

Психея смотрела на свое отражение. Она прекрасно выглядела в этом простом наряде. На ней будет маска, и далеко не каждый узнает ее. Эта мысль ее успокоила.

– И кажется, – вслух произнесла она, – я должна придумать костюм для лорда Таррингтона.

– Конечно, – согласилась Салли.

Психее оставалось только надеяться, что эта попытка одеть Гейбриела окажется более успешной, чем предыдущая.

Костюмы доставили в субботу днем, и Психея ломала голову, как сообщить об этом Гейбриелу. Прежде всего надо найти его. Его не было ни в библиотеке, ни в комнатке «секретаря», ни – она послала туда лакея – в спальне. А в гостиной, где принимала гостей Софи, он никогда не бывал. Наконец Психея нашла его в дальнем углу сада, где он занимался тем, что забрасывал в шляпу желуди. Двое молодых конюхов, с живым интересом наблюдавших за ним, исчезли при ее появлении.

– Вы выигрывали?

– Я всегда выигрываю, – улыбнулся он. – А вы спугнули моих соперников.

– Надеюсь, вы не отобрали у них все их жалованье? – холодно осведомилась она.

Улыбка исчезла с его лица.

– Мисс Хилл, я не отбираю деньги у детей. Мы только показывали свое искусство.

– Большое достижение. – Она махнула рукой в сторону шляпы, полной желудей. – Вы получите от меня приз, – сказала она дружелюбнее. – Я нашла способ вызволить вас из заточения, хотя бы на один вечер. Может быть, это будет интереснее, чем желуды.

Она заметила в его синих глазах интерес.

– Какой же?

– Вы будете изображать другого человека. Гейбриел удивленно поднял брови.

– Дорогая мисс Хилл, я делаю это всю жизнь. Вы решили дать мне новый титул?

Она покраснела.

– Нет, миссис Форсайт дает костюмированный бал. Это грандиозное событие, там будет уйма людей и все в костюмах. Вот вам удобный случай выбраться из дома и повеселиться.

– И что же я надену? Вы приготовили для меня маску и домино? – спросил он.

– Я... я заказала для вас костюм. – К своему огорчению, Психея снова покраснела, щеки у нее горели.

Он пристально посмотрел на нее, но не напомнил о последнем эпизоде с портными, когда девушка пыталась одеть его.

– Могу я взглянуть на этот... э-э... без сомнения оригинальный костюм, который вы придумали для меня?

– Он действительно удачен. Видите ли, я буду Психеей. Гейбриел оказался сообразительнее Салли.

– Греческой богиней поразительной красоты? Очень вам подходит.

Боже, она совсем не умеет владеть собой!

– А кем же буду я?

На этот раз она отвернулась, чтобы Гейбриел не видел ее смущения.

– Вы будете Эросом.

– Купидоном? – сдавленным голосом переспросил он. – Вы ожидаете, что я оденусь Купидоном? Психея, если вы разукрасите меня сердечками и золотыми стрелами, клянусь, я...

– Нет, нет, ничего необычного, – сказала она. – Вы останетесь довольны, обещаю. В костюм входит колчан, но если не хотите, не будет ни стрел, ни лука.

– Никаких сердечек? Из розового бархата? – все еще недоверчиво спросил он. – Никаких облаков из кисеи, скрывающих мою... э-э... мужественность?

В предательском воображении Психеи возникло его мускулистое тело, прижимающееся к ней. Она трянула головой, прогоняя воспоминания о его поцелуях, и посмотрела ему в лицо.

– Конечно, нет! Я не собираюсь выставлять вас на посме-

пище. Хотя не сомневаюсь, там будут всякие костюмы. Если хотите, я покажу вам, что мы придумали. У портнихи было мало времени, поэтому костюм совсем простой.

– И слава Богу, – проворчал Гейбриел.

Они вернулись в библиотеку, где Психея оставила костюмы, и Синклер молча оглядел свой костюм. Психея затаила дыхание.

– Думаю, это подойдет, – согласился он.

Маскарадный костюм состоял из черной рубашки, свободного покроя штанов в русском стиле, голубого атласного широкого пояса, колчана с бутаторскими стрелами и длинного плаща.

– Но этот пояс...

– Надо было добавить чего-то яркого, а то люди примут вас за дьявола, – объяснила Психея. – И я отказалась от крыльев, хотя мадам Симон могла бы сделать вполне приличную пару из страусовых и павлиньих перьев.

Гейбриел содрогнулся.

– Так и быть, я надену пояс, раз вы избавили меня от крыльев. А где же маска?

Маска была особой гордостью Психеи. Она осторожно развернула сверток и показала маску Гейбриелу.

– А... – медленно протянул он. – Вспоминаю! Психее было запрещено видеть лицо своего возлюбленного.

– Он был ее мужем, – поправила его Психея. – Но вы правы, она не должна была видеть его лица.

Шелковая маска закрывала почти все лицо, и в прорезях сверкали только его глаза и были немного видны губы. В маске было что-то пугающее.

– А ваш костюм? – спросил Гейбриел.

– Увидите сегодня вечером.

– Буду ждать с нетерпением.

– Я должна переодеться к обеду. А костюмы мы наденем перед нашим отъездом на бал, – распорядилась девушка.

Гейбриел слушал ее и удивлялся. Ему начинали нравиться ее распоряжения, отдаваемые тоном, не допускавшим возражений. Боже, что с ним происходит? Возможно, ему трудно было рассердиться на такого доброго человека. Она не только позаботилась о его развлечении, но и постаралась угодить ему при выборе костюма. Этот шелковый пояс – небольшая цена за возможность провести один вечер вне дома. На балу будет множество людей, и он легко останется неузнанным.

Обед прошел спокойно. Тетя Софи кашляла и решила отказаться от поездки на бал.

– Не очень-то я вам и нужна, – с иронией заметила она. – Сомневаюсь, что Салли заметит мое отсутствие, глупышка.

– Салли вас любит, – возразила Психея. – И она далеко не глупа. Ее легкомыслие чаще всего притворное.

– Хмп, – кашлянула старая дама. – Салли хорошая, и у нее добрая душа, хотя она никогда не будет такой красивой, как ты.

– Спасибо, тетя, – сказала Психея, удивленная необычной

похвалой.

– Я полностью с вами согласен, – поддержал тетушку Гейбриел.

Психея опустила глаза, но он увидел, что она улыбается. Гейбриел смотрел на Психею поверх накрытого белой скатертью стола, заставленного серебряными блюдами и хрустальными бокалами с красным вином; фарфоровая посуда могла бы украшать роскошное пиршество, а сегодня за столом собралась только семья. Семья. Он покачал головой. Гейбриел уже привык к роли будущего мужа Психеи. Как он будет тосковать по такой гармонии, дружелюбию, смеху и доброжелательности, когда придется покинуть этот дом, этих людей.

– Я думаю, приятно быть красивой, – задумчиво сказала Цирцея.

– Дорогая, ты очень мила, – возразила сестре изумленная Психея.

– Нет, волосы у меня не светлые, а какого-то неопределенного коричневого цвета и не выются, у меня нет красивых голубых глаз и прямого носа. И уж конечно, нет груди.

– Цирцея! – рассердилась тетя Софи. – Это не подходящий для обеда разговор. Не отослать ли тебя в классную комнату?

– Простите, тетя, – извинилась девочка, – но это точный портрет.

Гейбриел сдержал смех, боясь обидеть ребенка.

– Цирцея, – тихо сказал он, – все детеныши проходят через период взросления. Ты все еще растешь и вскоре, без сомнения, превратишься в красивую молодую женщину. Тогда всем джентльменам Лондона придется побеспокоиться о своих сердцах.

– Ты и правда так думаешь? – с надеждой в голосе спросила Цирцея.

– Абсолютно уверен.

– Но Психея все равно красивее.

Гейбриел отвернулся, чтобы Цирцея не увидела, как он подмигнул Психее.

– Да, но к тому времени она состарится, – серьезно сказал он.

Психея прикусила губу, а Софи неестественно закашлялась. Но лицо Цирцеи прояснилось.

– А ведь и правда, – сказала она и принялась за еду. Гейбриел вернулся в свою комнату, чтобы переодеться.

Он по-прежнему считал, что домино и полумаски было бы вполне достаточно, однако маска, придуманная Психеей, полностью скрывала его лицо, а под широкополой шляпой с плюмажем он мог спрятать свои темные волосы. Но и шляпа, и дурацкая маска казались ему нелепыми и раздражали невероятно.

Бриксон с улыбкой помогал ему одеваться.

– Маскарады следовало бы запретить, – заметил Гейбриел, снимая рубашку и галстук.

– Да, милорд, – согласился камердинер и подал ему черную шелковую рубашку.

Гейбриелу казалось, что он глупо выглядит в этом костюме.

– Не вижу в нем ничего греческого, – ворчал он. Гейбриел вышел в холл, где на лестнице его поджидала Цирцея.

– Я сейчас уйду в классную комнату, но Психея разрешила мне сначала посмотреть на ваши костюмы.

Он низко поклонился ей, затем показал маску, и Цирцея удивленно подняла брови.

– Как страшно! Пустота там, где должно быть лицо, и только глаза блестят – очень страшно.

– Надеюсь, дамы не попадают в обморок, – пошутил Гейбриел.

Наконец он услышал тихие шаги на лестнице и повернулся. От того, что он увидел, у него перехватило дыхание. Психея стояла на верхней ступени и с недоумением смотрела на него.

– Что-то не так? Или это уже слишком?

– Вы выглядите как настоящая богиня, – после долгого молчания сказал Гейбриел.

Психея передернула почти обнаженными плечами.

– Я чувствую себя совсем... раздетой.

– У вас такой вид, как будто вы только что сошли с Олимпа, – абсолютно искренне сказал он, глядя на простую белую тунику, подчеркивающую лебединый изгиб ее шеи, белизну

плеч, прекрасную форму груди и даже стройную лодыжку.

– Вы не находите костюм слишком откровенным? – спросила Психея, теребя юбку и оттого еще больше обнажая ногу.

Гейбриел подумал о мужчинах, которые будут на балу, как жадно и похотливо они будут смотреть на нее. Черт! Ему придется не отходить от нее ни на шаг. И эта необходимость почему-то была ему приятна.

– Мне нравится, – сказала Цирцея, – и твоя прическа тоже.

Психея собрала волосы в классический узел. В золотистые пряди были вплетены белые цветы. От того, как Гейбриел с Цирцеей смотрели на нее, щеки Психеи покраснелись. Она действительно выглядела потрясающе.

В гостиной пробили часы, и Психея сделала знак лакею принести их плащи. Цирцея поцеловала сестру и улыбнулась Гейбриелу.

Они вышли не через парадную дверь, а через черный ход, как решили заранее, чтобы Гейбриела никто не увидел. В темном дворе неожиданно раздалось громкое кошачье мяуканье, и Психея схватила Гейбриела за руку.

– Там! Там что-то шевельнулось?

Гейбриел прищурил глаза, в пляшущем свете фонаря трудно было что-нибудь разглядеть.

– Там ничего нет, – сказал он, но они все же заторопились.

В каретном сарае кучер удивленно посмотрел на них.

– Мисс, мне никто не сказал, что вы ждете. Я бы подъехал

к дверям, как обычно.

– Нам захотелось прогуляться, – успокоила его Психея. Гейбриел помог ей подняться в карету и сел рядом с ней. Она остро ощущала отсутствие тетушки Софи. Казалось, он заполнил всю карету своими длинными ногами, широкими плечами и исходящей от него энергией. Психея ощущала запах чистого белья и слабый аромат мыла. Жаль, что резиденция Форсайтов находится неподалеку. А может быть, это и хорошо, говорила она себе.

Карета выехала на улицу и покатилась, раскачиваясь на неровной мостовой. Чтобы удержаться, девушка вытянула вперед руку. Гейбриел перехватил ее и сжал своими теплыми ладонями. Она увидела, как потемнели его глаза.

– Со мной все в порядке, – сказала Психея, пытаясь освободить руку.

Но Гейбриел придвинулся к ней еще ближе. С минуту она сидела выпрямившись, затем не выдержала и прижалась к нему. Психея не успела ничего сказать, а он уже припал к ее губам. Это был долгий сладостный поцелуй. Она слабо вздохнула, когда его губы скользнули по ее шее к обнаженному плечу. Психея чуть не рассмеялась, подумав, что надо сшить побольше платьев такого фасона.

Однако смех замер на ее губах, когда она почувствовала горячую ладонь на своей груди. В растерянности девушка положила руки на его широкие плечи. Теплое дыхание, согревавшее шею, сделало ее смелее.

– О моя милая, милая мисс Хилл, – ласково поддразнил Гейбриел. – Как хорошо, что вы больше не вычитаете из моего жалованья штрафы за неприличные поступки. А то бы я остался ни с чем...

При напоминании о своих стараниях соблюдать приличия Психея спрятала улыбку в мягких складках его плаща. Она хотела всего, что он мог ей дать. Все эти новые ощущения... она не ожидала такого наслаждения.

Подходя к дверям Хилл-Хауса, Дэвид слышал стук колес удалявшейся кареты, но не обратил на это внимания. Роскошный дом Форсайтов находился совсем рядом, и на улице было полно экипажей.

Дэвид постучал, и ему открыл лакей.

– Я пришел к Таррингтону, – небрежно бросил он.

– Сожалею, милорд, но его милость уехали на весь вечер, – ответил лакей.

Дэвид пожал плечами и вошел дом, удивленный лакей не посмел захлопнуть перед ним дверь.

– Я знаю, он скрывается, но я – Уэстбери. Передай ему, пожалуйста.

– Я вас помню, милорд, – возразил лакей, – но его действительно нет дома.

– Я подожду здесь, – заявил Дэвид. – Видишь ли, может быть, я ему понадобится. Для защиты.

– Я позову дворецкого, – с недовольным видом сказал лакей и ушел.

Дэвид остался один, но через минуту услышал, как кто-то произнес звонким голосом:

– Знаете, а его на самом деле нет. Вы немного опоздали.

Дэвид оглянулся и увидел маленькую фигурку, сидевшую на ступеньках лестницы. Она сидела, притянув колени к груди, и пышная юбка была аккуратно натянута на ноги. Это был ребенок, девочка – бледная и худенькая. Она с серьезным выражением лица смотрела на него. Кто-то из семьи, очевидно. Слишком молода, подумал Дэвид, но наверняка знает, кто где. Он подошел поближе.

– Он уже уехал на бал? – спросил Дэвид. Она кивнула.

– Черт... о, простите. Надо было прийти на полчаса раньше.

– А вы тоже едете на бал? – спросила девочка.

У нее был приятный звонкий голосок. Очень жаль, что она так некрасива – одни глаза и рот.

– Да, – сказал Дэвид. – Не очень я их люблю, но могу понадобиться Таррингтону. У него есть враги, знаете ли.

– Знаю, – согласилась девочка. – Но у вас нет маскарадного костюма.

– О! Это ничего, терпеть не могу всякие глупости с переодеванием.

– Психея говорит, что Салли никого без маски не впустит, – серьезным тоном продолжала девочка. – Ее лакеи дадут вам пару мышинных ушей.

– Мышиных? – Дэвид подумал, что ослышался. Но он за

обедом выпил только один бокал вина, и... – Что же случилось с этой женщиной, а?

– Это из-за того, что она – Золушка, – терпеливо разъяснила собеседница. – Вы, мне кажется, не очень хорошо знаете волшебные сказки.

– Да... нет. – Дэвид нахмурился. Неужели ему наденут мышьи уши? – Может, я и не поеду. Нет, все-таки должен. Обещал Таррингтону.

– И наверное, встретите там свою возлюбленную? – предположила девочка.

– Я? Нет, нет. Не интересуюсь юбками, слишком сложно.

– Очень жаль, – задумчиво протянула девочка. – У вас необыкновенно выразительные глаза.

– Вы так думаете?

Уж не перебрал ли ребенок за обедом, подумал Дэвид, или дети не пьют вина?

– Да, я разбираюсь в глазах, – заверила девочка. – И в руках, и в губах тоже.

Уэстбери был несколько озадачен.

– По-моему, вы слишком много знаете для школьницы.

– Когда я вас увидела, то подумала, что вы глуповаты, но сейчас, когда познакомилась поближе, думаю, вы со временем исправитесь.

– Ну вот, – обиделся Дэвид. – Зачем же сразу оскорблять человека?

– Да, вероятно, вам следует подождать меня.

Дэвид впервые заметил, какие у нее ясные зеленые глаза. Просто фея какая-то, а не ребенок!

– Подождать вас? Вы тоже собираетесь на бал?

– Всего лишь через шесть лет мне будет восемнадцать, – объяснила Цирцея. – Не так уж долго ждать?

Если он откажется, она наверняка превратит его в мышь, и не только с ушами, но и с усами, и хвостом.

– Не правда ли? – повторила она.

– О нет, нет, – заверил он пятясь. – Подожду, конечно. Однако мне пора. Спокойной ночи.

Дэвид заспешил к дверям. Явно фея, а не ребенок.

Глава 17

Карета остановилась, и Гейбриел заставил себя оторваться от губ Психеи, у которой вырвался вздох сожаления. Он взял с сиденья маску и надел на нее. Завязывая атласные ленты, Гейбриел с радостью заметил в ее глазах просыпающуюся страсть. Это он пробудил ее! Синклер улыбнулся, вспомнив, что сегодня он Эрос, бог чувственной любви.

Он едва успел закрыть маской и свое лицо, как лакей откинул ступеньки кареты. Гейбриел вышел первым и протянул Психее руку. Чуть замешкавшись, она позволила ему поддержать себя. В наступавших сумерках улицу перед домом Форсайтов освещало множество фонарей, горевших на самых разнообразных экипажах, запрудивших дорогу. Гости в маскарадных костюмах выходили из них, образуя веселую толпу у дверей.

Психея почти ничего не замечала. Ее мысли были все еще в темной глубине кареты, с этим человеком, который сейчас с нежной галантностью поддерживал ее под локоть. Если бы они могли провести так всю жизнь, поглощенные друг другом, любящие друг друга с такой же страстью, с какой она любила его в эту минуту!

Вздыхнув, Психея прервала полет своей фантазии. Она не влюблена в него. Она не могла его любить.

Они поднялись по лестнице, и Гейбриел пропустил ее впе-

ред. Психея уже слышала музыку, смех, говор многочисленных гостей.

Слуга взял ее накидку, но Гейбриел не расстался со своим плащом, который, как надеялась Психея, должен был скрыть мощное тело и широкие плечи Гейбриела. Сегодня он должен оставаться неузнанным.

Поглощенная мыслями о Гейбриеле, Психея забыла о себе. Дуновение воздуха коснулось ее обнаженных плеч, и она вспомнила о своей одежде. Глядя в зеркало, Психея надеялась, что не переступила границу приличия.

О чем она только думала раньше? Долгие оценивающие взгляды двух джентльменов отнюдь не успокоили ее. Гейбриел, казалось, прочел ее мысли.

– Ты выглядишь, как и подобает богине, – сказал он. В его глазах, как всегда, поблескивали насмешливые искорки.

Психея поняла, что он хотел сказать, и невольно улыбнулась. В этот момент она была греческой богиней, а не заурядной мисс Хилл со своими чаепитиями и строгими платьями. Сегодня она могла спрятаться под золотой маской, и это давало ей непривычное ощущение свободы.

Когда они по мраморной лестнице поднялись на второй этаж, где находился бальный зал, она увидела собрание странных существ: лохматого волка в красном бархатном камзоле, с приклеенными усами, кругленького веселого Шалтая-Болтая, скромную пастушку, волочившую за собой живую блеющую овцу.

Представив, как отнесутся к этому слуги Салли, которым предстоит убирать за овцой, Психея рассмеялась и забыла о своих тревогах. Сегодня она забудет о приличиях. Сегодня она – греческая богиня, пришедшая развлечься с простыми смертными и, может быть, покорить пару сердец.

Бальный зал украшали фантастические цветы, как живые, так и сделанные из шелка и атласа. Такие яркие, неестественно блестящие цветы могли существовать только в мире грез. Волны музыки хлынули им навстречу. В зале витали ароматы духов, вина и цветов, и Психея на минуту застыла на пороге этой волшебной страны.

Странные существа, окружавшие их, были персонажами из книг. Психея увидела проходившую мимо Клеопатру, с чучелом змеи на шее и сверкающими браслетами на руках. Ее белое платье, смоченное по французской моде, облепляло фигуру. Психея почувствовала себя свободнее в собственной тунике, которая при сравнении выглядела просто пуританской.

Сияющее золотом и бриллиантами видение приблизилось к ним, и Психея воскликнула:

– Салли, это великолепно! Какое зрелище!

– Я же говорила, что потрудилась на славу, – послышался из-под усыпанной драгоценными камнями маски голос миссис Форсайт. – И не называй меня Салли, сегодня я – Золушка.

– Золушка, представляю тебе Эроса, – сказала Психея.

– Вы – чудное видение из волшебной сказки. – Гейбриел галантно склонился к ее руке и слегка прикоснулся губами к пальцам.

– А вы – настоящий бог любви, – заявила Салли, кокетливо обмахиваясь веером. – Боже, какая страшная маска, дорогая. Восхитительно! Вы должны потанцевать со мной. Это приказ королевы.

– А кто же будет встречать гостей? – удивилась Психея.

– На маскараде никто не представляется, – махнула веером Салли. – Пойдемте, Эрос, и не разочаруйте меня.

Гейбриел смеющимися глазами посмотрел на Психею.

– Я вернусь – пообещал он и повел Золушку в центр зала.

К Психее подошли две женщины. Одна из них была в старинном платье с высоким жабо и с золотой короной на голове. Ее дочь, тоже с короной на голове, очевидно, изображала Марию Тюдор, а старшая – Екатерину Арагонскую. Во всяком случае, они старались выглядеть особами королевской крови.

Когда старшая заговорила, Психея узнала голос миссис Флеминг, другая, вероятно, была ее дочерью.

– Это вы, Психея? – спросила старшая. – Какое... э-э... необычное платье, дорогая.

– Вам нравится? – спокойно спросила Психея. – Я должна соответствовать своему имени.

Она уже вполне овладела собой и не собиралась позволять этой старой кошке – ах да! этой королеве – испортить ей на-

строение. Она представила тощую матрону с приклеенными усами, как у того волка, которого видела на лестнице, и чуть не рассмеялась.

– А ваш жених тоже здесь? – с интересом спросила дочь. – Маркиз?

– О, этого я не могу сказать, мы же на маскараде, – объяснила Психея.

– Мама, посмотри, – обратилась к матери молодая женщина, – вон на того высокого мужчину в костюме китайского императора, по-моему, это он. Не так ли, Психея?

Психея только загадочно улыбнулась, и обе женщины поспешили прочь.

Рядом с Психеей оказался солидный джентльмен в монашеском одеянии.

– Дорогая моя богиня, ваша красота покорила меня! Вы, бесспорно, Венера, богиня красоты. Не могу ли я рассчитывать на следующий танец? – Он смотрел на нее с далеко не монашеским смирением, и Психея вновь вспомнила о том, каким открытым было ее платье.

– Очень сожалею, но этот танец я уже обещала.

– Тогда, может быть, бокал вина?

– Разве вы не знаете, что пища богинь – только нектар и амброзия? – Психея улыбнулась и отошла от него.

Под одной из полумасок она увидела знакомое лицо.

– Матильда, это ты? – Спросила она.

Пухленькая кузина была в полосатом платье цвета лаван-

ды, которое ей очень шло, а каштановые волосы украшало сооружение из крупных шелковых лепестков. Ее молодой человек, высокий и худощавый, был в зеленом костюме. Психея не могла сообразить, кого они изображают, возможно, какие-то растения.

– Психея, ты такая красавица! – Матильда вся покраснела от приятного возбуждения. – Бал просто великолепен! Ты знакома с мистером Стилтоном? – еще больше краснея, спросила кузина.

– Да, конечно. Приятно увидеть вас снова.

Молодой человек поклонился, с некоторым изумлением глядя на обнаженные плечи Психеи и ее короткую тунику. Но, и это делало ему честь, сразу же обратился к ее кухне.

– Пойдемте танцевать, а то там такая толкотня, что не останется и места, – чуть шепелявя, произнес он.

– Мы пойдем, Психея, – извинилась Матильда.

Молодая женщина в костюме Матушки Гусыни, в широкополой шляпе и с игрушечным гусем под мышкой, подошла к Психее.

– Мисс Хилл?

– Да, – ответила Психея. Ее явно легко узнавали. В следующий раз она оденется китаянкой. Или гусем!

– Моя бабушка, леди Серена, хотела бы поговорить с вами, – смущенно сказала девушка. – Она сидит вот там, в стороне.

– Конечно.

Леди Серена была ровесницей тети Софи. Психее предстоит объяснить отсутствие тетушки и любезно немного побеседовать с ней. Это, по крайней мере, избавит ее от монаха, который по-прежнему пожирал ее глазами, и от кавалера в голубом плаще, тоже не сводившего с нее глаз. К тому времени танец закончится, и Гейбриел вернется к ней. Матушка Гусыня проводила Психею к леди Серене.

На голове старой дамы красовался роскошный пурпурный тюрбан, искусно задрапированная косынка скрывала морщинистую шею, платье было прекрасного покроя, и единственной уступкой маскараду была полумаска, висевшая на запястье. «Даже Салли не смогла укротить грозную леди Си», – с улыбкой подумала Психея.

– Здравствуй, дитя, а где же Софи? Я надеялась, она развлечет меня своим остроумием, – пожаловалась леди Серена.

– У тети кашель, – объяснила Психея. – Она передает вам свои сожаления.

Старая дама фыркнула.

– Я сожалею еще больше, сидя в этом бедламе, где не с кем словом перемолвиться. Я вот что хотела сказать тебе, детка Софи спрашивала меня об одной семье, о кентских Синклерах.

– Да? – Вежливое внимание Психеи сразу же сменилось острым любопытством.

– Мне есть что рассказать ей, – заявила Серена мрачным

тоном.

Гейбриел танцевал с Салли, ее умелое и легкомысленное кокетство забавляло его.

– Знаете, я танцую с вами, и все дамы завидуют мне, – сказала Салли.

«Правило номер один: джентльмену надо льстить», – подумал Гейбриел.

– Вы слишком добры, – улыбнулся он.

– И я дорожу этой минутой, поскольку знаю, что весь вечер вы будете рядом со своей невестой, – продолжала Салли, когда фигуры танца снова свели их.

«Правило номер два: намекните, что он вам нравится».

– И это правда, – согласился Гейбриел. Они соединили руки и снова разошлись.

– Но я надеюсь еще на один танец, ведь даже невеста не может рассчитывать на постоянное внимание, – добавила Салли, когда они снова сошлись. – Это было бы так провинциально! – взмахнула она длинными ресницами.

«Правило номер три: вызовите у джентльмена интерес к вашей особе».

Салли могла бы давать уроки флирта. Гейбриел всегда был способным учеником, но теперь ему не до нее. Женщина, с которой он танцевал, была восхитительна, нежна, от нее пахло лилиями, но почему его мысли непрестанно возвращались туда, где он оставил Психею в ее легком костюме и без всякой защиты? Гейбриел был уверен, что мужчины уже

столпились вокруг нее. Ему хотелось, чтобы танец поскорее закончился.

– Уверен, мы еще потанцуем, – согласился он. – Если толпа ваших поклонников нам позволит. – Он уже заметил среди гостей несколько пар мышинных ушей. Затем, взглянув ей в глаза, он почувствовал непреодолимое желание подшутить над ней. – Возможно, мы могли бы найти какой-нибудь уединенный уголок, и я приобщил бы вас к таинствам Востока – в Индии, знаете ли, любовные ласки – настоящее искусство.

Карие глаза широко распахнулись, и Салли, заикаясь, попыталась что-то сказать.

– Н-но...

– Обойдемся без дивана, – подсказал он. – «Кама-сутра» насчитывает больше сотни позиций для блаженства, многие из которых...

Салли чуть не задохнулась.

– О Боже! Нет, то есть... мой муж... он может заметить...

Гейбриел так и думал. Она не имела в виду ничего серьезного. Салли просто развлекалась. И он был этому рад, ибо она была подругой Психеи.

Но Салли уже овладела собой.

– И вам, негодный вы человек, следовало подумать о другом препятствии, кроме моего мужа, прежде чем делать такие предложения.

– Вы боитесь, что узнает Психея?

– Нет, Психея – доверчивая душа. Дело в другом. Вы

должны думать о Психее, – холодно ответила Салли. – Может быть, вы и бог любви, милорд Эрос, но мне казалось, что ваше изменчивое сердце наконец успокоилось.

На этот раз Гейбриел промолчал. К счастью, фигура танца снова разделила их, и он ускользнул от сердитого взгляда Салли.

Психея замерла.

– Так что же вы о них знаете? – резко спросила она и тут же попыталась смягчить тон. – Я хочу сказать, что передать тете Софи?

– Синклеры? – Серена снова фыркнула. – Или эта их ветвь? Очень неприятное семейство. Отец редко выезжает из своего поместья и не имеет друзей, он уже давно их всех разогнал. Его бедная жена...

– А что-нибудь о его сыне, Гейбриеле Синклере? – Психее не терпелось услышать что-то более определенное. – Вы что-нибудь о нем знаете?

– О да, громкий был скандал! Это случилось много лет назад, но такое не скоро забывается. – Леди Серена говорила медленно, как бы взвешивая свои слова и наслаждаясь нетерпением Психеи. – Они, пытаясь замять дело, отправили мальчика за границу. Его даже не очень хорошо знали в городе, он еще учился в университете, когда это произошло, но пошли сплетни, разве ты не знаешь, как это бывает?

– Что же случилось? – шепотом спросила Психея. Кажется, ее губы онемели.

– У него был роман с женщиной старше его, женой баронета, очень хорошенькой.

– И это все? – Психея почувствовала необъяснимое облегчение. К романам в светском обществе так же привыкли, как к маргариткам в Гайд-парке.

– О нет, дорогая. – Глаза почтенной дамы злорадно блеснули. – Далеко не все. Когда он решил порвать с ней, леди впала в отчаяние. Говорили, она умоляла его, угрожала обо всем рассказать и потребовать у мужа развода.

– О-о, – протянула Психея. Романы были обычным делом, но не разводы.

Леди Серена наклонилась к ней и понизила голос, обдавая Психею запахом прокисшего вина.

– Мальчик явно перепугался, вероятно, боялся своего тирана отца. Как бы там ни было, она умерла. Они сказали, что он убил ее.

Психею как будто ударили.

– Он не мог...

– Он уехал прежде, чем удалось что-нибудь доказать, а теперь мало кто помнит об этом. Но может быть, тебе следует спросить его об этом, – закончила матрона тихим голосом, – прежде чем выходить замуж за убийцу.

Психее хотелось убежать, но тело отказывалось ей повиноваться. Она слышала, что Серена продолжала говорить, но смысл ее слов не доходил до нее.

Гейбриел – убийца? О нет, это невозможно. Этого просто

не может быть.

– Без сомнения, это была вспышка гнева. У молодых людей такие горячие головы, – говорила леди Серена сладким голосом, источавшим яд.

Если она не убежит от этой женщины, то сама превратится в убийцу. Отчаяние придало ей сил. Психея встала.

– Извините меня, я вижу подругу, с которой мне надо поговорить.

– Конечно, дорогая, – сказала старая дама. – Молодым не всегда нравится мудрость старших.

– Вы правы, – согласилась Психея.

Она с искренней жалостью посмотрела на леди Серену и поспешила уйти. В висках у нее стучало, а перед глазами, как в калейдоскопе, мелькали яркие краски бального зала. Голова кружилась, и Психея испугалась, что может потерять сознание. Глубоко вздохнув, она продолжала идти неуверенными шагами, стремясь оказаться как можно дальше от отвратительной злобной женщины. Колени у нее подгибались. Она нашла свободный стул и упала на него.

Гейбриел – убийца.

Нет, этого не может быть.

– С вами все в порядке, дорогая? – спросила дама из арабской сказки; ее тело едва прикрывала тонкая кисея, но лицо, кроме густо накрашенных глаз, скрывал умело задрапированный шарф.

Мужчина в килте посмотрел в сторону Психеи, и два пи-

рата, один с повязкой на глазу, оглядели ее с далеко не сочувственным интересом.

– Да, благодарю вас, – пробормотала Психея.

Что она могла сказать? «Я испытала страшное потрясение. Мой жених, возможно, убийца!» Как она могла так думать, ведь в действительности он не был ее женихом? Слишком легко она поддалась чарам Гейбриела.

За несколько дней Психея так привязалась к нему, что забыла, как мало о нем знает. Синклер был самозванцем, изгнанником с темным прошлым, он сам об этом говорил. А больше всего ее беспокоило и пугало то, что она влюбилась в него.

Мимо прошла женщина во французском придворном платье с маленькой позолоченной клеткой, в которой сидела настоящая канарейка, даму сопровождал индеец в боевой раскраске и, как ни странно, в расшитых драгоценными камнями башмаках.

Психея чувствовала, как снова начинает кружиться голова. Уже трудно сказать, что здесь настоящее.

– Психея, тебе нехорошо?

Голос был знакомым, но она вздрогнула.

К ней вернулся Гейбриел.

Неужели она говорит с убийцей? Разве она не видела, с какой холодной решимостью могут сверкать его глаза? Разве он не признавался в своих грехах, о которых не желал слушать?

Нет, она не могла в это поверить. Гейбриел, который часто бывал так добр, Гейбриел, которому доверяла ее маленькая сестра, Гейбриел, одно прикосновение которого заставляло трепетать ее собственное сердце, не мог быть убийцей.

– Психея? – с беспокойством повторил он.

– У меня немного... немного кружится голова, – дрожащим голосом призналась Психея.

– Не хотите выйти на воздух? Здесь довольно душно.

Психея закрыла глаза. В зале действительно было слишком жарко и душно, но выйти на балкон, одним... в любое другое время сплетни не испугали бы ее. А сейчас Психея подумала, что, возможно, подвергает опасности свою жизнь.

Нет, это невозможно. Какие глупости!

– Я бы выпила чего-нибудь освежающего, – сказала она, ощущая спазмы в желудке.

Гейбриел кивнул:

– Сейчас принесу. Вы подождете, или прислать к вам горничную?

– Нет, просто позвольте мне посидеть спокойно. Гейбриел исчез в толпе.

Не успел он отойти, как к Психее подошел молодой человек. На нем была маска с мышьиными ушами, но фрак, облежавший широкие плечи, был черным.

– Мисс Хилл? – спросил он. – Это вы? Она узнала голос.

– Лорд Уэстбери? Да, это я. – Зачем только она придумывала этот костюм, проще было бы повесить на шею табличку

с ее именем.

– А Гейбриел здесь? Такое столпотворение, чертовски трудно... о, простите, найти кого-нибудь. Я заезжал к вам домой, чтобы проводить вас на бал, но опоздал, – объяснил Дэвид.

– Он здесь, только что вышел за напитками, – сказала Психея. – Он в черном костюме и широкополой шляпе с плюмажем.

– А, – кивнул Дэвид, – попробую найти его. – И нырнул в толпу.

Психея уже ни в чем не была уверена. Прошел мужчина в русском костюме под руку с русалкой. За ними волочился по полу ее рыбий хвост. Психее показалось, что она даже почувствовала запах рыбы.

Больше никаких маскарадов, пообещала она себе. В жизни и так трудно разобраться даже без этих переодеваний в причудливые костюмы. Окружающее превращалось в кошмар.

Кем же на самом деле был Гейбриел? Что скрывалось под этим костюмом, фальшивым титулом, под всем этим притворством? Каким же был этот человек на самом деле? И неужели ее жизнь, а не только ее сердце, не только ее неудачный план зависели от того, узнает ли она правду?

Кто-то еще подошел к ней. Психея узнала его по тяжелой поступи прежде, чем подняла глаза и увидела черно-белую пуританскую одежду, не изменившую внешность Перси. Он

снял маску, на его лице было обычное брюзгливое выражение.

– Психея, мне надо поговорить с тобой.

Это было по крайней мере из реальной жизни, но не вернуло ей уверенности.

– Как поживаешь, Перси?

Но он не был расположен к светской беседе. Как обычно, Перси начал свою заранее подготовленную речь:

– Сожалею, что несколько дней не уделял тебе внимания, кузина, но я считаю своим долгом выразить свое неудовольствие по поводу твоего поведения.

– Я приму твое неудовольствие к сведению, – с серьезным видом согласилась Психея.

– Но пора обсудить эту проблему, Психея.

– Мне бы не хотелось, – сказала она. – Давай поговорим лучше о бале. Разве это не фантастическое зрелище?

– Мой отец узнал от твоего поверенного...

– У Салли просто потрясающее воображение...

– И отца не испугаешь таким шантажом...

– И гости так бурно веселятся...

– Он не может поверить, что ты хочешь вытащить маленькое семейное недоразумение в суд...

– Уверена, об этом бале будут долго говорить...

– И он просит тебя опомниться и избавиться от этого жадного охотника за приданым...

– Этот сезон...

– Который хочет присвоить твоё состояние...

– Которое ты предпочитаешь присвоить сам? – закончила за него Психея.

Жилы выступили на лбу Перси, и лицо налилось кровью.

– Психея, если ты не выслушаешь меня...

– Не собираюсь тебя слушать.

– Тогда я должен поговорить с этим... так называемым маркизом. Какой у него костюм?

– Он... э-э... у него мышинные уши, – сказала Психея, скрывая злорадную усмешку. Если повезет, он не натолкнется на Дэвида. Она видела не менее дюжины мышинных ушей на молодых людях различного роста и комплекции.

Перси, ринувшись в толпу, наступил на алый шлейф королевы и даже не извинился. Где-то заиграли невидимые музыканты. Это был вальс.

Психея с сожалением подумала о Гейбриеле. И он тут же возник перед ней с бокалом шампанского в каждой руке.

– Как вы себя чувствуете? – спросил он, подавая ей бокал.

– Лучше. – Психея сделала глоток, и ее желудок сразу успокоился, а вместе с ним и ее расстроенные чувства. Это был Гейбриел, его смеющиеся глаза и прекрасное лицо: Гейбриел, угадывающий ее мысли и всегда приходящий на помощь. Психея встретила с ним всего лишь несколько дней назад, но ей казалось, что она знает его всю жизнь. Он не мог быть убийцей, в этом девушка больше не сомневалась.

– Играют вальс, – сказал он, как будто ему тоже не терпе-

лось обнять ее.

Улыбаясь, Психея отдала свой бокал проходившему лакею и протянула Гейбриелу руку.

Во втором зале кружились в вальсе десятки пар. Они остановились на минуту, и Гейбриел положил руку на ее талию. Они плавно закружились, увлекаемые чудесной мелодией вальса.

Запела скрипка, и дрожь пробежала по обнаженным рукам Психеи. Или ее вызвала близость Гейбриела? Психея с восхищением смотрела на его лицо, словно высеченное из мрамора, похожее на лица греческих статуй. Он был так же прекрасен, но был живым, смуглым, веселым и сильным. Ей снова показалось, что это сон. Она даже не мечтала о таком человеке, а он был с ней рядом, держал ее в своих объятиях.

Гейбриел наклонился к ней и прошептал:

– Знаете, вы самая очаровательная дама в этом зале!

– Салли бы обиделась, услышав вас, – засмеялась Психея.

– Ей придется обойтись своей мышинной стаей, – ответил Гейбриел, не спуская с нее синих глаз. Он еще крепче прижал Психею к себе, а она мечтала, чтобы музыка никогда не умолкала.

Вдруг у нее перехватило дыхание.

– В чем дело? – удивленно поднял брови Гейбриел.

– Вон тот человек наблюдает за нами. Он только что был в другой комнате. Не выслеживает ли он нас?

– Возможно, он тоже хочет танцевать, – предположил Гей-

бриел, но повернулся так, чтобы видеть человека, чье появление испугало Психею.

Она почувствовала, как напряглись его мускулы.

– Гейбриел?

– Мне знакомо это лицо, – тихо сказал он. – Это один из негодяев Баррета.

Она похолодела от страха. Психея не хотела поднимать шум, но если они в опасности...

– Что мы будем делать? Мы можем позвать на помощь?

– Дэвид ушел из зала, он решил остаться на страже в холле. А Фредди здесь нет, да он и борец неважный. Думаю, нам следует двигаться в другую сторону – к балконным дверям – и тихонько выскользнуть наружу.

Гейбриел умело обошел две танцующие пары и приблизился к дальней стороне зала.

Психея прижалась к нему. Конечно же, этот человек не осмелится напасть на глазах у всех гостей. Но, взглянув из-под руки Гейбриела, она увидела еще одного человека в грубой одежде, присоединившегося к первому, а затем еще одного. Боже, да сколько же их здесь? Как они сумели проникнуть в дом Салли, и почему никто из слуг их не заметил?

Маскарадные костюмы. У всех был такой необычный вид, что нельзя было понять, кто в костюме, а кто нет.

Гейбриел тоже заметил этих людей и ускорил шаги. Они были уже у дверей, когда грубая рука схватила Психею за плечо.

– Мы поделим этот танец, вы не против, милорд? – раздался хриплый голос.

Психея попыталась вырваться, но ее крепко держали. Она поморщилась от боли. Гейбриел оттолкнул бандита, заставив отпустить Психею.

Но двое других подошли к ним, и один грязными пальцами схватил руку Психеи, а двое других оттеснили Гейбриела.

– Мы возьмем за леди хороший выкуп, – заявил один из негодяев. – А вам, сэр, перережут горло в темном переулке.

Несколько танцующих пар остановились, какая-то женщина вскрикнула, остальные гости удивленно смотрели на них. Психея старалась вырвать руку, ожидая, что кто-нибудь закричит, позовет на помощь.

Вместо этого в толпе раздался смех.

– Что еще придумает Салли? – сказал один из гостей.

– Я тоже хочу, чтобы меня похитили, – игриво заявила толстая дама.

– Осторожно, Анджела, – предупредила ее подруга. – Твой муж такой жадный, что не заплатит и двух пенсов выкупа. – Большинство гостей засмеялись, и несколько пар снова закружились в вальсе.

Их убьют прямо здесь, на глазах всего зала, с ужасом подумала Психея. Она снова попыталась освободиться.

– Кто-нибудь, помогите нам!

Но человек в римской тоге, стоявший ближе всех, засмеялся и пожал плечами:

– Не могу же я драться с ними, их слишком много. Двое бандитов преградили Гейбриелу дорогу. Один из них вытащил из-за пояса небольшой, но достаточно убедительный кинжал.

Свирепое выражение лица Гейбриела, его потемневшие глаза заставили бы Психею задрожать от ужаса, но она уже была достаточно напугана. У него не было оружия, кроме позолоченных картонных стрел в колчане на его поясе.

Несмотря на гнев, он был беспомощен перед кинжалом. И она не меньше их врагов удивилась, когда Гейбриел сбросил с плеч плащ и быстро намотал его на левую руку.

Человек с ножом, как бы предугадав намерение Гейбриела, бросился на него. Гейбриел отвел удар обернутой плащом рукой и в тот же момент ударил кулаком правой руки по подбородку врага с такой силой, что тот свалился, громко ударившись головой об пол. Гейбриел наклонился и еще раз ударил его. Зрители закричали и зааплодировали, как будто все происходящее было спектаклем.

Идиоты! Психея преодолела минутное оцепенение. Забыв о ней, державший ее бандит с изумлением смотрел на Гейбриела, и она изо всех сил ударила его локтем в бок. Охнув от боли, он отпустил ее руку, и Психея подбежала к Гейбриелу.

Третий нападавший стоял в нерешительности, силы становились равными.

– Бежим! – схватил ее за руку Гейбриел.

Они побежали. Как хорошо, что ей не мешал ни громозд-

кий парик, ни длинный русалочий хвост, думала Психея, пробираясь сквозь толпу смеющихся гостей. Видимо, она все-таки удачно выбрала свой маскарадный костюм.

– Может быть, их еще больше? – тяжело дыша, спросила Психея.

– Может быть, – ответил Гейбриел.

Едва он успел ответить, как из толпы вынырнули еще два бандита. В руках у одного из них была грубая дубина, оба были грязны и небриты.

– Держитесь позади меня, – тихо сказал Гейбриел.

– Берегитесь, – отступая назад, чтобы не мешать ему, сказала Психея. – Вот еще один!

Крупный, чисто выбритый и прилично одетый человек, появившийся в зале, имел весьма решительный вид.

Неожиданно Гейбриел рассмеялся. Психея удивленно посмотрела на него, затем увидела, что этот человек преградил дорогу их врагам и сжал кулаки.

– Можете уходить, хозяин, – сказал он Гейбриелу. Гейбриел кивнул.

– Теперь им будет не до нас, – объяснил он Психее, еще не пришедшей в себя от удивления, что этот человек оказался их другом, а не врагом. – Я нанял его в Академии джентльмена Джексона. Но нам пора уходить.

Они сбежали по лестнице. Гейбриел сунул монету подошедшему лакею.

– Быстро пришли сюда нашу карету и получишь еще одну

монетку.

Лакей поспешно ушел.

– Не оставляйте меня, – попросила Психея, дрожа отнюдь не от холода.

– Я не уйду, – пообещал Гейбриел, обнимая ее. – А где же Дэвид? Нам не помешает еще один надежный защитник, а он силен для своего возраста. Боюсь, мы его не найдем. Столько народу, и слишком много этих проклятых мышей!

Психея хотела рассмеяться, но не смогла, горло у нее сжалось. Безумие, этот вечер сначала и до конца был безумием.

Психея с опаской посмотрела на распахнутые двери. Но бандиты больше не появлялись. Однако у Психеи возникло ощущение, что чьи-то глаза пристально смотрят на нее из пестрой толпы гостей.

– Гейбриел, – прошептала она, – вы не думаете, что Баррет здесь? Я знаю, что Салли не приглашала его, но...

– Но он мог войти, переодевшись, как и остальные, – тихо сказал Гейбриел. – Меня это не удивило бы.

Психея вздрогнула.

Вернулся слуга и набросил на плечи Психеи ее накидку.

– Ваша карета подана, милорд.

– Хорошо, можешь проводить нас до дверей. – Гейбриел вложил в руку лакея еще одну монету. – У дамы немного кружится голова от стольких развлечений.

Психея с негодованием взглянула на него, но он только улыбнулся. Ладно, надо же им как-то объяснить свой внезап-

ный отъезд. Лакей распахнул перед ними дверь, они быстро вышли и чуть не упали, споткнувшись о распростертое на ступенях тело.

– Дэвид! – воскликнула Психея. – Что с ним? Гейбриел опустился на колени, потрогал горло юноши, затем приподнял веко.

– Его ударили. Немедленно помогите ему, – приказал он слуге. – Мы не можем задерживаться.

Психея на минуту остановилась, желая убедиться, что Дэвид дышит.

– А как же Салли? – шепотом спросила она у Гейбриела.

– Мы извинимся позже, – рассеянно ответил он.

– А преступники? Мы же не можем оставить их в доме!

Он кивнул и обратился к лакею:

– В дом проникли воры, несколько оборванцев. Я бы посоветовал собрать слуг, проверить всех гостей и выгнать воров, пока не поздно. Видимо, это они напали на моего друга.

– Да, милорд. – Слуга был напуган, но помог им сесть в карету и поспешил обратно, чтобы помочь внести Дэвида в дом.

Гейбриел поговорил о чем-то с кучером и сел рядом с Психеей.

Застучали копыта, зазвенела упряжь, карета отъехала, и Психея глубоко вздохнула. Она надеялась, что ранение Дэвида несерьезно и, может быть, опасность осталась позади.

Она взглянула на свою руку и увидела темное липкое пят-

но. Что это? Ее глаза широко раскрылись. Там, в зале, Гейбриел сбросил свой атласный плащ, и сейчас она увидела разрез на его рукаве.

– Вы ранены?

Значит, человек с ножом все же ранил его. Она наклонилась к его руке и коснулась разорванного рукава. Из раны сочилась кровь.

– Мы должны перевязать ее, – огорченно заметила Психея, – а вы ничего не сказали.

– Всего лишь царапина, – сказал Гейбриел и достал носовой платок. Психея перевязала им рану.

– Вы очень беспечно относитесь к тому, что в вас вонзают ножи, – затягивая узел, нахмурилась Психея. – Когда мы вернемся домой, рану надо будет промыть, чтобы она не загноилась.

– Мы едем не домой, – спокойно сказал Гейбриел. – Люди Баррета слишком обнаглели, мы должны сбить их со следа.

Психея взглянула в окошко и увидела, что они уже миновали их площадь.

– Но куда же мы направляемся?

– Думаю, пора посмотреть на мою новую собственность, – сказал Гейбриел. – И мне надо переждать некоторое время в тихом месте, пока не войду в свои права и не подыщу способ покончить с Барретом раз и навсегда.

– Но разве это не самое неудачное место, чтобы скрываться там от Баррета? – Психея пыталась понять его дерзкий

план.

– Из того, что мне сообщил поверенный, я понял, что мерзавец несколько лет не бывал в своем бывшем имении. Он скверный хозяин. Иногда выигрывает совсем не та карта, на которую ставят.

Свет уличного фонаря на минуту осветил карету изнутри, и Психея заметила, как под тонкой тканью его рубашки сверкнуло острое лезвие кинжала.

– Что это?

Но она уже знала ответ. Это был тот самый кинжал, которым угрожали наемные убийцы, когда напали на Гейбриела в первый раз. Должно быть, он отнял его у того человека, которого сбил с ног. Тогда в волнении она этого не заметила.

– Никогда не бросай оружия, – тихо сказал Гейбриел.

Психея вспомнила, что говорила старая сплетница о прошлом Гейбриела. Она ехала одна куда-то в темноту с человеком, обвинявшемся в убийстве, и никто, кроме них, не знал, куда они направляются.

Глава 18

Но Психея не верила, что Гейбриел убийца. В любом случае ее опасения казались преждевременными. Он явно хотел поскорее избавиться от нее.

– Если бы они не знали, где находится дом Салли, я бы оставил вас там, – сказал он, взглядываясь в темноту за окном. – А теперь это неразумно. У вас есть еще подруги или родственники, которых вы хотели бы навестить?

Психея живо представила, как бы выглядело ее появление на пороге дома Перси и дяди Уилфреда, и поморщилась. Нет, если бы она объяснила, какая опасность ей угрожает, она только подтвердила бы догадки Перси, что Гейбриел действительно не тот человек, за которого себя выдает. Кроме того, ей пришлось бы весь день выслушивать лекции Перси и подвергаться его ухаживаниям. Ни за что, даже если это будет стоить ей жизни. А тетя Мэрис с ее постоянным нытьем – это тоже не привлекало Психею. У нее множество родственников, но не находилось ни одного, к кому она могла бы обратиться в трудную минуту.

Истина заключалась в том, что надежнее всего она чувствовала себя рядом с Гейбриелом и не хотела с ним расставаться.

– Нет, – покачала она головой, – таких нет.

Гейбриел повернулся к ней, пытаясь в темноте рассмотреть

реть ее лицо.

– Вам тоже надо скрыться, Психея, хотя бы ради себя самой, – с беспокойством сказал он. – Поверьте мне...

– Я еду с вами, – твердо заявила она.

Он молчал. Когда Гейбриел заговорил, его тон озадачил ее.

– Психея, моя дорогая мисс Хилл...

Она вспомнила о пропасти, разделявшей их. Он был обманщиком, самозванцем и не имел никакого права находиться в ее обществе.

– Мы едем одни. Это погубит вашу...

– Если об этом узнают в свете, – спокойно закончила Психея. – Мы должны постараться, чтобы никто не узнал. Кроме того, ваши враги слишком настойчивы. Они знают, где мой дом и семья. И где бы я ни была в Лондоне, они найдут меня. Выбор невелик – или мне перережут горло, или я запятнаю свою репутацию. Я выбираю второе.

Гейбриел не ответил. Не воспринял ли он ее слова как упрек? Она не хотела этого, он же не требовал от нее этой борьбы между жизнью и смертью.

Психея закрыла глаза. Сколько лет она старательно соблюдала приличия и следовала законам светского общества. А сейчас, когда они спасались от убийц, эти заботы казались такими ничемными. Она нарушила все законы, но вместо того, чтобы огорчаться, Психея испытывала странное ощущение свободы.

– Вы уверены? – наконец спросил Гейбриел чуть хриплым от непонятных для нее чувств голосом. – Вы должны знать, что я не могу гарантировать вам безопасность, моя дорогая.

– Да, я приняла решение.

Он ничего не ответил. Психея вдруг вспомнила о сестре и тетке и невольно произнесла вслух:

– Цирцея и тетя забеспокоятся, когда мы не вернемся с бала.

Гейбриел кивнул – не следовало забывать о ее семье. Он так привык заботиться только о себе, поскольку уже давно никого в мире не интересовало, вернулся он домой или нет. Гейбриел был настолько потрясен решением Психеи остаться с ним – вопреки всем опасностям, вопреки требованиям разума держаться от него подальше, – что в его душе проснулись чувства, долгие годы дремавшие в ее глубине.

Отверженный теми, кто был ему дорог, изгнанный из родного дома, он поклялся, что никогда больше не будет так доверчив и чувствителен. Гейбриел отгородился от мира высокой стеной цинизма, чтобы навсегда избавить себя от страданий. Психея даже не представляла, какой удар она нанесла по этой стене, которую он считал непробиваемой.

Психея с беспокойством наблюдала за ним. Гейбриел велел кучеру остановиться и, выйдя из кареты, подозвал молодого дворника, стоявшего на углу.

Гейбриел назвал площадь и дом и, дав ему деньги, сказал: – Передай, что мисс Психею срочно вызвали в Кент к

больной подруге, чтобы они не беспокоились и никому больше не говорили о ее отсутствии. Запомнишь?

– Не сомневайтесь, сэр, – заверил парень.

– Лакей даст тебе монету, если скажешь, что я так велел, – добавил Гейбриел. – А теперь беги!

Он снова сел в карету, и они продолжили свой путь. Гейбриел сообщил Психее о данном им поручении, и она кивнула.

– Вы полагаете, он сумеет найти дом?

– Когда ему обещали еще одну монету? Я уверен, – ответил он, жалея, что впутал девушку в эту историю и нарушил ее размеренную жизнь. Психея казалась такой маленькой и беззащитной, что ему хотелось успокоить ее. Он все еще не мог поверить, что она не захотела покинуть его.

– Вы не хотите, чтобы я поехала с вами, Гейбриел? – тихо спросила Психея.

Они уже выбрались на окраину Лондона, где фонари попадались реже, и внутри кареты стало совсем темно. К счастью, взошла полная луна, но ее свет почти не проникал в экипаж. Гейбриел не видел лица Психеи, а лишь различал светлый силуэт на темном сиденье. Девушка сидела неподвижно, сжав руки на коленях.

Не хочет, чтобы она поехала? Да он отдаст свою душу за то, чтобы она навсегда осталась рядом с ним. Это желание было так сильно, что неожиданная мысль потрясла его. Он любит ее.

Гейбриел никогда не думал, что снова сможет полюбить женщину. Но он любил Психею с такой страстью и глубиной, что сам себе не верил. Она была прекрасна и душой, и телом, умна, бескорыстна, преданна. А он думал, что таких женщин не бывает. Гейбриел довольно часто находил удовольствие во флирте, легких романах, жарких объятиях на смятых постелях или на нагретых солнцем песках, но не ожидал, что сможет полюбить.

Но он ее любил.

Гейбриел еще не ответил на ее вопрос, молчание слишком затянулось.

– Конечно, я хочу, чтобы вы были со мной, – сказал он. Психея даже не представляла, как правдиво было его заявление. – Но я должен думать и о вас, Психея. Как я уже сказал, я не могу ручаться за вашу безопасность.

– Понимаю, но я имею право решать за себя. Гейбриел не стал спорить. Но Психея не знала того, чего он не решался ей сказать. Опасность исходила не только от Баррета и его наемных убийц, она была намного ближе. Кто защитит доброе имя Психеи, ее милую чистоту от него самого?

Луна уже заходила, когда они добрались до деревушки, находившейся неподалеку от имения, выигранного Гейбриелом. Карета замедлила ход и тихо покатилась по безлюдной улице. Все дома и единственная маленькая гостиница были закрыты и погружены в темноту. Жители, казалось, спали в своих постелях тихим безмятежным сном.

Гейбриел мечтал оказаться на их месте. Вою дорогу они молчали. Он думал, что Психея дремлет в своем уголке карты, но сам не мог заснуть, слишком многое надо было обдумать. Сон – это роскошь, на которую он не имел права. За свою жизнь Гейбриел провел немало бессонных ночей. Однако впервые ему не давало уснуть предчувствие счастья.

Ему захотелось поторопить кучера. Скорее взглянуть на свою собственность – собственность, которую он никогда не поставит на карту, которую оставит своим детям и внукам... Когда он приведет имение в порядок, это будет дом, в который можно привезти жену, это должен быть рай для... – Гейбриел взглянул на дремавшую женщину – для самой великодушной, самой смелой и самой красивой женщины. Он был недостоин ее и знал об этом. Есть ли у него надежда завоевать ее сердце?

Ради этого он готов совершить невозможное. Но сначала надо придать имению достойный вид. После Баррета, забросившего имение, дом, вероятно, потребует ремонта. Но он сделает это, пусть даже собственными руками.

Они выехали из деревни. Уставшие лошади побежали резвее. Оставались еще одна-две мили, если верить указаниям поверенного.

Когда они свернули с большой дороги, Гейбриел высунулся из окошка кареты, стараясь поскорее увидеть дом. Он с трудом сдерживал волнение. Психея проснулась.

– Мы приехали?

Он, задорно улыбаясь, кивнул.

Психея, казалось, разделяла его нетерпение.

– Его уже видно?

– Нет еще. – Неожиданно у Гейбриела возникло желание увидеть впервые свой дом без свидетелей, разумеется, это не касалось Психеи, с которой он готов был поделиться любым сокровищем. Такое событие, как обретение утерянных прав, требовало уединения.

Он крикнул кучеру:

– Останови!

Карета замедлила ход.

– Зачем? – озадаченно спросила Психея.

– Я хочу впервые взглянуть на дом, когда вокруг никого не будет, – сказал он. От волнения Гейбриел не мог объяснить своего странного желания. – Я хочу, чтобы вы пошли со мной, но если вы устали...

– Нет, – поспешно ответила Психея. – Я пойду с вами. Он помог Психее выйти из кареты. Кучер сонными глазами смотрел на них.

– Поезжай в деревню, разбуди хозяина гостиницы и попроси зерна для лошадей и еды для себя. – Гейбриел дал ему полкроны. – Мы поговорим со сторожем и осмотрим дом. Вернешься, когда немного поспишь, где-то около полудня, и скажи хозяину, чтобы он приготовил к нашему возвращению обед.

– Да, милорд, – обрадовался кучер.

Карета уехала. Они остались одни среди темного леса. Гейбриел надеялся, что не совершил ошибки, поддавшись внезапному порыву.

– Нам скорее всего придется потом вернуться в гостиницу, – сказал он Психее. – Здесь должен быть сторож, но он не ответил на письмо моего поверенного. Думаю, постели будут сырыми, комнаты – непроветренными, а мебель под пыльными чехлами. Жить здесь нельзя, пока я не пришлю сюда слуг.

Психея кивнула и взяла его под руку.

– Вы так возбуждены, – сказала она, – и я тоже. Он улыбнулся, опьяненный радостью.

– Я так долго ждал, – попытался объяснить он. – Знаю, это может оказаться не таким, как бы мне хотелось, но как только я стану хозяином, заменю мебель в доме...

– Не будем терять времени, – сказала Психея, сгорая, как и он, от нетерпения. – Пошли!

Они направились по дорожке, спотыкаясь о кочки, пробираясь под нависшими ветвями деревьев. Придется обрубить ветви, расширить дорогу, думал Гейбриел. Предстояло много работы, но это не омрачало его ожидания, а только делало его осуществление более осмысленным. Легкий ветерок пробежал по листьям деревьев, и где-то защелкала сонная птичка. Приближался рассвет.

Деревья расступились, и впереди они увидели темный силуэт большого дома. Он казался красивым, даже лучше, чем

смел надеяться Гейбриел. Строгая линия крыши, внушительные каменные ступени, ведущие к парадному входу. Два флигеля по бокам главного здания. Без сомнения, конюшни и другие постройки располагались позади дома. Перед домом запущенная лужайка, а в стороне Гейбриел заметил каменную стену – очевидно, французский сад.

Да, это могло стать прекрасной резиденцией джентльмена. Больше Гейбриел не будет бродягой, бездомным игроком, живущим одним днем, не знающим, где он встретит завтрашний рассвет или закат. У него будет дом, созданный им самим. Он ничем не будет обязан отцу, и это делало его победу еще слаще.

Ком в горле мешал Гейбриелу говорить, глаза затуманились. Он старался сдерживать слезы, чтобы не показать свою слабость стоявшей рядом с ним женщине. Психея не шевелилась, храня молчание, и он был благодарен ей за ее понимание и сочувствие.

Наконец он достаточно овладел собой, чтобы заговорить:

– Выглядит неплохо. Подойдем поближе?

– Очень красивое здание, – сказала она.

Психея взглянула на восток. Первые слабые лучи солнца пробивались сквозь темноту и золотили верхушки деревьев. Запела птица, за ней другая, их радостная песня была созвучна чувствам Гейбриела.

– Я рад, что вы здесь. – Он взял ее за руку. Психея улыбнулась ему. Ее сияющие глаза могли бы соперничать с блес-

ком восходящего солнца. Они приблизились к дому.

На подъездной дорожке почти не было гравия, она сплошь заросла сорняками. Каменные ступени выдержали испытание временем, но Психея увидела, что большие окна покрыты слоем сажи, а несколько рам сломаны. Она надеялась, что внутри не так уж плохо. Это место полностью овладело сердцем Гейбриела, и она не хотела видеть его разочарование.

Они медленно поднялись по ступеням, Гейбриел постучал в деревянную дверь. И, не веря своим глазам, выругался. От его удара дверь наклонилась, заскрипев ржавыми петлями, и провалилась внутрь дома. Взметнулось облако пыли, и грохот рухнувшей двери эхом разнесся по дому.

Гейбриел застыл на пороге. Психея увидела, как он побледнел. Затем он шагнул вперед, ступая на сгнившие доски двери, рассыпавшиеся у него под ногами.

– Гейбриел, подождите! – крикнула Психея, но он, казалось, не слышал ее.

Синклер вошел в дом. Психея, осторожно выбирая дорогу, двинулась вслед за ним. То, что они увидели, ужаснуло бы любого оптимиста. Психея осмотрелась. Сырые стены покрыты потеками, деревянные панели изгрызены мышами. Пахло плесенью, сырой землей и гнилью. Психея, зажав нос, заглянула в первую же дверь.

Когда-то это была малая столовая, но на пустых полках возле полуобвалившегося камина свили гнезда грачи, а старинный канделябр так обвила паутина, что Психея не могла

определить его форму. Мебели было мало, но и она, оставленная без чехлов, потемнела от сырости и покрылась плесенью. Психея шагнула в комнату и услышала топот маленьких лапок. Содрогнувшись, она вернулась в холл.

Другие комнаты были в таком же состоянии. На полках библиотеки осталось лишь несколько книг, но и те погибли от сырости, холода и от мышей, разбегавшихся при приближении людей.

Гейбриел, который был так счастлив, так полон надежд, так рассчитывал начать новую жизнь, как он перенесет подобное разочарование?

Яркое солнце уже пробивалось сквозь грязные окна, давая ей возможность лучше рассмотреть дом. К несчастью, свет не изменил первого впечатления. Повсюду Психея видела грязь и запустение.

– Гейбриел, где вы? – позвала она.

Наконец она нашла его на ступенях лестницы, ведущей на верхние этажи. Он сидел, закрыв лицо руками. По грязному пятну на щеке, паутине, запутавшейся в его волосах, Психея поняла, что Гейбриел осмотрел большую часть первого этажа. А по его молчанию, опущенным плечам – что он не обнаружил ничего, кроме руин.

– Гейбриел, – прошептала она.

Когда он поднял голову, она была потрясена выражением его лица. Исчезли искры надежды и счастья, щеки ввалились, а в глазах была такая печаль, что у нее сжалось сердце.

– Гейбриел, все будет хорошо. Он покачал головой:

– Здесь должен был быть мой дом, это имение – ключ к возвращению к утерянной мной жизни, достойной джентльмена, к восстановлению моей репутации. И это безнадежно, как и все мои глупые мечты. – Его голос был так безжизнен и лишен привычных интонаций, что Психея могла бы принять его за голос незнакомого человека.

– Гейбриел, это не так. Ваши мечты не были глупыми. – Она хотела взять его за руку, но он отмахнулся.

– Я самонадеянно полагал, что когда-нибудь смогу попросить женщину благородного происхождения разделить со мной этот кров. Сюда мне было бы не стыдно привести свою жену. – Казалось, он не смел посмотреть Психее в лицо. – А здесь только руины. Баррет вывез все, что имело хоть малейшую ценность. Он использовал имение как приманку для таких дураков, как я. – Он хрипло рассмеялся.

– Гейбриел, не надо! – Горечь и гнев в его словах были для нее непереносимы. – Не все так плохо.

– Вы так думаете? – Он поднял на нее глаза, и она снова увидела, как глубока нанесенная ему рана. – Вы бы согласились лечь в постель с пауками, жить с крысами и мышами, которые деловито уничтожают все, что осталось?

– Не надо, дорогой, – повторила она. – Вижу, дом в плохом состоянии. Но стены дома, вероятно, крепки, просто в нем давно не жили. Вы можете восстановить его, только это займет больше времени, чем вы предполагали...

– И больше денег, – тихо добавил Гейбриел. – Мне придется вернуться к карточному столу, а отчаяние – плохой помощник. И если я потеряю эту единственную собственность, куда я пойду?

Психея подумала, что Гейбриел снова покинет Англию, станет изгнанником и будет бродить по свету, как делал многие годы, и у нее защемило сердце. Нет, она не допустит этого.

– Я хотел, чтобы дом был достоин тебя, – заговорил Гейбриел так тихо, что она сомневалась, что понимает его. – Ничего за всю свою жизнь я не желал сильнее, чем предложить тебе хороший красивый чистый дом. Конечно, этого мало для того, кто заслуживает золота, бриллиантов и королевских замков. Но я надеялся.

Психея понимала, как страдает его гордость, как трудно ему скрывать свою боль.

Наступило время сбросить маски.

– Гейбриел! – Она сжала его пальцы. На этот раз он не отдернул руки, но с удивлением посмотрел на Психею, как будто после такого шока, разочарования и горя утратил ясность мысли. – Мне не нужны красивые дома, золото и драгоценности. Мне нужен ты, Гейбриел. Мне нужна только твоя любовь. Лучшего подарка ты не можешь мне преподнести.

Гейбриел долго молча смотрел на нее, затем рассмеялся неприятным резким смехом, в котором слышались и сарказм, и отчаяние.

– Ты думаешь, я хочу, чтобы меня любили из жалости?

– Это не жалость... – попыталась возразить Психея.

– Какой мужчина, любящий тебя, допустит, чтобы ты связала свою жизнь с никчемным человеком с темным прошлым и живущим в грязном свинарнике? Ты достойна лучшего, милая Психея. Мне нечего тебе предложить.

– Предложи мне свое сердце, – тихо попросила она. Он покачал головой, не смея поверить ее словам.

– Я никогда не позволю тебе так низко пасть. – В его голосе звучали и боль, и отчаяние, и страсть, которые он не мог скрыть.

Психея взглянула на него, но он не понял выражения ее голубых глаз. Ах, если бы он мог еще раз поцеловать ее, почувствовать сладость ее губ, показать ей...

Он бы показал, что такое любовь, радость, наслаждение, которые нельзя выразить словами. Но карты легли по-другому, и у него ничего нет, кроме этих развалин.

– Как только вернется кучер, я отправлю тебя в Лондон.

– А ты? – тихо спросила она.

Гейбриел не ответил. Сколько же попыток должен совершить человек, чтобы вернуть себе самоуважение? Хуже всего то, что теперь, встретив и полюбив Психею, он не сможет мириться с бродячей жизнью картежника без репутации и определенного положения, обладающего лишь умением играть, красивым лицом и природным обаянием. А это ничего не стоило!

Она словно поняла всю глубину его страданий.

– Нет, – сказала она. – Я тебя не оставлю.

– Ты должна. Поезжай домой и береги себя и свою репутацию. А я найду Баррета, и мы покончим с этой войной раз и навсегда. Теперь я еще больше ненавижу его.

При мысли, что Гейбриел подвергнется такой опасности, Психея похолодела от страха.

– Нет, – повторила она. – Я остаюсь.

– Я не позволю.

– Ты не можешь меня заставить, – спокойно заявила она. –

Хотя...

Гейбриелу и в кошмарном сне не могло привидеться то, что она потом сказала:

– Давай на это сыграем.

– Что? – изумился он.

– Ты же собираешься снова заняться игрой, так? Тогда почему бы не начать прямо сейчас? Если выиграешь ты, я вернусь в Лондон. Если же я, то я остаюсь и... и моим выигрышем будешь ты.

Пораженный, Гейбриел долго молчал, затем с трудом произнес:

– Психея... богиня, ты не знаешь, о чем говоришь.

– О, думаю, что знаю, – невозмутимо ответила она с улыбкой. – Думаю, даже очень хорошо знаю.

Гейбриел никак не мог поверить ей – хорошо воспитанной молодой женщине из благородной семьи. Правда, ее родите-

ли были людьми эксцентричными, но и они не предоставили бы ей такой свободы.

– Психея, – ласково, словно разговаривая с ребенком, сказал он, – я – игрок. Я и играю в карты, чтобы выжить. Ты полагаешь, что играешь лучше меня?

– Я постараюсь, – с неожиданной уверенностью заявила Психея.

Вероятно, проще уступить ей. Он сразу же обыграет ее и отправит в Лондон без споров и уговоров. Однако...

– У нас нет карт, – заметил он.

– Я видела какие-то в библиотеке, – сказала Психея. Он пожал плечами.

Они перешли в большую комнату, где стояли книжные полки, а под слоем грязи угадывались красивые деревянные панели. Действительно, в углу, где когда-то находился карточный столик, на полу были разбросаны игральные карты.

Гейбриел покачал головой, но наклонился и собрал их. Они пропитались сыростью и слегка покоробились, но это не имело значения.

– Мы не можем играть неполной колодой, – терпеливо объяснил он. – Здесь лишь немногим больше половины.

– А мы будем брать по одной из того, что есть, – сказала Психея. – Игра простая, и твоя опытность не даст тебе преимущества. Только везение – и больше ничего.

Он мог бы рассмеяться и сказать, что леди Удача всегда на его стороне. Но понимал, что обидит Психею. Он переме-

шал карты и положил стопку на пыльный трехногий столик, единственный предмет мебели в этой комнате.

– Ладно, начинай.

Психея сняла верхнюю карту и, перевернув ее, улыбнулась:

– Бубновый валет.

– Неплохо. Но мы определим победителя с трех раз, – сказал Гейбриел.

Психея нахмурилась, но, когда он вытащил тройку пик, она с облегчением вздохнула:

– Я выиграла.

– Но это только первая попытка.

На этот раз у нее оказалась шестерка червей, а у него – бубновая десятка. Психея прикусила губу.

– Бери последнюю, Психея. Скоро утро, тебе пора ехать.

– Но игра еще не закончена, и я не проиграла. – И как бы в доказательство вынула червонную даму.

– Впечатляет, – признал Гейбриел. Помедлив, он снял пикового валета.

– Я выиграла! – воскликнула Психея. – Я остаюсь. Гейбриел вздохнул. Он надеялся избежать споров, но карты подвели его. Ну разве можно было ожидать чего-то иного в такой день?

– Это детская игра, – сказал он, сдерживая раздражение. – А от твоего решения зависят твоя жизнь и репутация, Психея. Ты должна вернуться.

Она покачала головой:

– Разве вы не держите своего слова, милорд?

– Не называй меня так. Здесь нас никто не слышит, кроме крыс. Маскарад окончен, перед нами реальность. – Он кивнул в сторону полуразрушенного дома.

Но Психея видела только его одного. Она сделала шаг к Гейбриелу, и легкий аромат ее духов пробился к нему сквозь едкий запах плесени и сырости. Грязное пятно на ее щеке не могло скрыть белизну кожи, светящейся внутренним светом, как драгоценный жемчуг. Сильное до боли желание охватило Гейбриела.

Безнадежность положения, сознание гибели своей мечты, словно покрывавшая стены плесень, разъедали его душу. А он был так близок к исполнению своих желаний. Жизнь сыграла с ним очередную шутку.

– Все кончено, Психея. – В его голосе звучала безысходность. – Игра окончена, а каждый игрок знает, когда все потеряно и ему пора уходить.

Гейбриел повернулся и направился к двери. Когда-то гордо расправленные плечи поникли, он выглядел разбитым и усталым. Этого Психея не могла вынести. Она схватила со стола карты и швырнула их ему в спину.

Это принесло ей огромное удовлетворение.

Карты разлетелись по комнате, и только несколько штук попали ему в спину и шею. Он обернулся и с изумлением посмотрел на нее.

– Выслушай меня, выслушай меня внимательно, Гейбриел. Больше ты не будешь указывать мне, что я должна делать. Долгие годы я только и делала, что подчинялась законам света, правилам приличия, и мне до смерти все это надоело. – Психея говорила так громко, что голос ее срывался на крик.

Психея дала ему время осознать ее слова, затем гордо подняла голову.

– Ты можешь отказаться от борьбы, но я не откажусь. Я получу свое наследство, я не выйду замуж за Перси, и ты будешь принадлежать мне!

Гейбриел поднял бровь.

– Ты так думаешь?

– Да, я победила тебя в честной игре.

Он на минуту задумался, затем тряхнул головой.

– Если бы я мог...

Она, возмущенная его самоуверенностью, стукнула рукой по столу, подняв облако пыли.

– Ты можешь!

– Черт побери, Психея. Я не могу! – Гейбриел быстро подошел к ней и, схватив за плечи, притянул к себе. – Кем бы я стал, дав себе волю, овладев тобой, лишив невинности, сознавая при этом, что должен тебя оставить?

Таким рассерженным Психея любила его еще сильнее. Страстное желание лишало его свойственного ему самообладания.

– Видит небо, я так хочу любить тебя, чего бы я ни отдал

лишь за одно прикосновение...

Гейбриел был совсем близко. Психея чувствовала его дыхание на своих губах. Прикосновение к его груди разжигало ее страсть. Она ожидала, что он обнимет, поцелует ее, а он внезапно оттолкнул ее.

– Почему ты не можешь прогнать меня, как прогоняешь Перси?

– Потому что я не люблю его так, как люблю тебя, – слабо улыбнулась Психея.

Ее признание потрясло его. Эта удивительная женщина любила его, а он вынужден оскорбить ее. Гейбриел усмехнулся, пытаясь быть грубым:

– Дорогая моя, поверь моему опыту, то, чего ты требуешь от меня, не имеет отношения к любви – это называется похотью.

«Дорогая, убей меня своим взглядом, растерзай, но не позволяй мне погубить тебя», – повторял он про себя. Гейбриел не хотел стать причиной ее позора.

Но Психея крепко обняла Гейбриела и прильнула к его плечу.

– Я люблю тебя, – прошептала она.

Усмешка исчезла с его губ, и он закрыл глаза, чтобы не видеть лица Психеи.

– Я люблю тебя, – повторила она.

Он открыл глаза, и она увидела, какая борьба происходит в его душе. Сдерживая слезы, Психея поняла, что он тоже

любит ее. Прижавшись к нему, она прошептала:

– Ты должен научить меня всему.

Уже зная, что он не откажет ей, она оказалась не готовой к таким крепким объятиям, таким жарким поцелуям, когда их губы слились, так что было трудно дышать. Чуть отстранившись, Гейбриел неожиданно сказал:

– Я знаю, что недостойн тебя, но на несколько часов я хочу вообразить, что это наш дом, достойный тебя, и что я сам тоже достоин тебя. – Он закрыл глаза и проглотил ком, стоявший в его горле. – Хотя бы на время позволь мне думать, что я заслуживаю твоей любви. Об этих часах, проведенных с тобой, я буду помнить всю свою жизнь.

Не в силах ответить, она только сквозь слезы улыбалась ему.

– Психея, дорогая моя. – Голос его дрожал. Гейбриел чувствовал себя мальчиком, еще не знающим любви, не знающим, как дать наслаждение своей возлюбленной.

Но Психея, поднявшись на цыпочки, поцеловала его, и нежная мягкость ее губ лишила его самообладания. Губы девушки раскрылись, и сладость долгого поцелуя еще сильнее возбудила в нем жажду обладания.

– Сейчас я хочу верить, что мы всегда будем вместе, – прошептал он, нежно касаясь ее шеи. Сердце Психеи билось под его рукой, как пойманная птица.

– Мы можем всегда быть вместе, – так же тихо ответила она.

От нежных прикосновений его рук по ее телу пробегали горячие волны. Психея словно уплывала куда-то. Она не могла представить, куда унесет ее этот поток чувственного блаженства.

Гейбриел снял с нее темную накидку и, расстелив ее на пыльном полу, осторожно опустил на нее Психею.

– Я воображаю, что это наша постель и я укладываю тебя на надушенные простыни и пуховые подушки, – прошептал он ей на ухо. Она протянула к нему руки, и он лег рядом с ней. – Это не грязный маскарадный костюм, а платье, которое ты выбрала специально для своего любимого.

Опытной рукой Гейбриел снял с нее тунику. Ни один мужчина еще не касался ее груди, но ей не хотелось лишиться ласк Гейбриела. Ее соски, приподнявшиеся и жаждавшие этих ласк, словно знали, какое наслаждение ждет их впереди.

Он целовал ее груди, а она все глубже погружалась в теплые волны южного моря. Неужели можно умереть от наслаждения? А Гейбриел уже целовал нежную кожу ее живота. Психея дрожала от незнакомого, но все нарастающего внутри ее тела ощущения, как будто что-то настойчиво стремилось вырваться наружу. Ее тело требовало чего-то от Гейбриела, но Психея не знала, что он может ей дать.

Знал Гейбриел. С ним она познает все восторги страсти, какие испытали лишь немногие женщины. Его рука скользила все ниже, и она замерла, затаив дыхание. Ее сердце чуть не остановилось, когда Психея почувствовала прикоснове-

ния его губ и языка. Словно вспышка яркого света ослепила ее. Она выгнулась ему навстречу, но Гейбриел отстранился и поцеловал ее в плечо.

Он смотрел на нее с восхищением, удивленный пробудившейся в ней страстью.

– Я никогда не думала...

– А я знал, но ты сама многому можешь научить меня. Вдруг Психея осознала, что лежит совершенно голая, в то время как он полностью одет.

– Так не годится, – сказала она и начала стаскивать с него рубашку дрожащими от нетерпения руками, Гейбриел помог ей. Широко раскрытыми глазами Психея смотрела на открывшуюся ей мужскую наготу.

– Богиня, ты льстишь мужскому тщеславию, – усмехнулся он.

Едва ее сердце перестало лихорадочно биться, как он снова прижался к ней всем телом, и новая волна страсти подхватила ее. Гейбриел не сводил взгляда с затуманенных желанием глаз. Одно быстрое движение, и он проник в ее влажную теплую глубину.

Странное ощущение заставило Психею глубоко вдохнуть, и тело ее напряглось. Но Гейбриел, казалось, знал, что она чувствует. Он стал целовать ее веки и нежно, успокаивая, обнял.

– Ты мне дороже жизни, – прошептал он. Гейбриел был так нежен и осторожен, что Психея не чувствовала боли, а

только бесконечное блаженство. Она подчинялась ритму его движений, и наслаждение становилось все острее, а их движения почти яростными. Она сливалась с Гейбриелом в одно существо, у них было одно тело, одно сердце, и общая кровь струилась по их венам. Психея чувствовала, что экстаз достигает предела, экстаз, который нельзя описать словами, который не мог бы выразить ни один поэт.

Она вскрикнула и почувствовала, как напряглось тело Гейбриела. Он быстро вышел из нее и схватил брошенный широкий пояс.

Он поцеловал и обнял ее. Они лежали рядом, опустошенные, тяжело дыша. Несколько минут они молчали. Психея хотелось только лежать, прижавшись щекой к его груди, ощущать капельки пота, покрывавшие его смуглую кожу, слышать биение его сердца, его дыхание и знать, что сумела ответить на его любовь. Они стали единым целым.

– Представь, что я не оставил тебя вовремя и мы сотворили в тебе маленькую новую жизнь, – положив, как бы охраняя эту жизнь, дрожащую руку ей на живот, задумчиво сказал он. Психея не сдерживала слез, и они катились по ее лицу и разметавшимся волосам.

Гейбриел вытер ее слезы и попытался вызвать у нее улыбку.

– Ты настоящая богиня, – чуть слышно прошептал он.

Психея улыбнулась, но в ее сердце была боль. Она так хорошо знала его, но не знала, как убедить его в том, что он

заслуживает ее любви. Пока он не поверит в это, никакие слова не убедят его. Но сейчас было не время для печали. Его дыхание стало ровнее, и Психея подумала, что он заснул. Гейбриел так давно не спал.

Вот и хорошо. Она бы не вынесла разговора о том, что у них нет будущего. Она поклялась ему в любви и сдержит клятву. Правда, Гейбриел так долго был свободен, его обаяние, его красота, его прекрасно сложенное тело привлекали так много женщин.

Как она может надеяться удержать Гейбриела?

Она удержит его, вот и все. Психея не сомневалась, что в будущем их ожидает немало радостей.

Она взглянула на Гейбриела. Утреннее солнце, пробивавшееся сквозь грязные окна, бросало мягкий свет на спящего. Гейбриел будет принадлежать ей, или у нее больше никогда не будет мужчины. Ее руки сжались в кулачки, и в ее душе звучала только одна мольба: «Господи, пожалуйста, никогда не разлучай нас!»

Глава 19

Когда они проснулись, она все еще лежала в его объятиях, нисколько не стыдясь своей наготы. Когда Гейбриел посмотрел на ее обнаженную грудь, она приняла его восхищение без всякого смущения. Все так быстро изменилось! В глубине души она была благодарна, что как бы ни сложилась дальше их судьба – именно Гейбриел открыл ей тайну плотской любви. Она была уверена, что никто другой не смог бы научить ее всем сердцем и умом наслаждаться любовью и пробудить в ней страсть, удивившую ее саму. Нет, она рада, что в первый раз это произошло у нее с Гейбриелом, ибо это было истинное воплощение любви.

Сейчас она с сожалением подумала о невозможности принять теплую ванну или по крайней мере окунуться в холодное озеро. Вместе, голые, ощущение прохладной воды на разгоряченном теле... удивительно, как эти мысли возбудили ее.

Гейбриел, опершись на локоть, смотрел на нее и, заметив искру желаний в ее глазах, улыбнулся:

- По-моему, я создал...
- Чудовище? – закончила Психея, подозревая, что ее желания, возможно, если и нормальны, то не очень приличны.
- Нет, – поспешил возразить он. – Чудо, хотя не я его создавал. Пробуждение, я бы сказал. Пробуждение чувств, ко-

торые, как я всегда подозревал, скрывались под твоей строгой благовоспитанностью. Ты должна радоваться, тебе дан редкий дар, дар, исходящий из твоего открытого сердца, твоего здорового тела и здорового ума. Многим женщинам требуются годы, чтобы познать то, чему ты научилась сразу же.

«Многим женщинам просто никогда не встречается любящий мужчина, который достаточно умен и заботлив, чтобы дать им это знание», – подумала Психея.

– Так ты готов уступить моим требованиям? – спросила она, наклоняясь к нему в ожидании поцелуя.

Неожиданно Гейбриел поднял голову и прислушался.

– Мышь? – шепотом спросила Психея.

– Если мышь, то с двумя очень большими ногами, – мрачно ответил Гейбриел. – Видимо, пора нам покидать этот чудесный особняк, дорогая.

Психея натянула на себя тунику, пригладила волосы и схватила накидку и сандалии. Гейбриел оделся очень быстро. Кроме поднятой пыли, они не оставили никаких следов своего пребывания. Держа в руке сапоги, Гейбриел сделал ей знак следовать за ним. Он выглянул за дверь.

– Кажется, они у черного хода, – шепнул ей на ухо Гейбриел.

Она кивнула, даже не спрашивая, кто эти «они». У них не было никаких сомнений – Баррет никогда не отступится. Как долго они будут прятаться от его наемных убийц?

Куда бежать? Гейбриел оглянулся и указал на окно, за ко-

торым виднелись густые заросли. Он с трудом поднял разбухшую от сырости раму и, высунув наружу голову, быстро огляделся. Затем помог Психее взобраться на подоконник и прыгнуть вниз на землю, последовав за ней. Кусты закачались, и трава зашуршала, эти звуки показались Психее оглушительными. Вдруг кто-нибудь услышал или увидел их?

Вместо ответа раздались крики позади дома.

– Эй, они убегают! – выкрикнул чей-то хриплый голос.

– Бежим в лес, – сказал Гейбриел. Он схватил ее за руку, и они помчались, словно за ними гналась сама смерть. Психея морщилась от боли, наступая босыми ногами на камни и спотыкаясь о твердые корни.

Их преследовали, она слышала треск сучьев под тяжелыми шагами. Оглянувшись, девушка увидела, как качаются ветви. Она задыхалась, но Гейбриел, казалось, не ведал усталости, его сильная рука тащила ее вперед, и она была полна решимости бежать, пока не разорвутся легкие. Ее слабость не станет причиной его смерти. Да и ее тоже.

И Психея бежала, в боку была резкая боль, ноги дрожали, перед глазами плыли красные пятна. В полном изнеможении она даже не поняла, что сказал ей Гейбриел. Только когда он втащил ее в тень огромного дуба, она догадалась, что они обогнали своих преследователей.

– Отдохни минутку, – прошептал Гейбриел, – но молчи.

У нее не было сил ответить, и она только кивнула. Психея дрожала всем телом, и если бы Гейбриел не прижал ее к себе,

как бы передавая ей силу своего мускулистого тела, она бы свалилась на землю.

Отдышавшись, Психея прислушалась. Вокруг них была тишина. Вернулись ли убийцы в дом, отказавшись от пого-ни? Или притаились за ближайшим деревом, поджидая, ко-гда они с Гейбриелом выдадут себя?

Психея содрогнулась. Они не могли бесконечно долго прятаться под этим деревом.

Гейбриел, видимо, подумал о том же.

– Если б мы смогли добраться до деревни, – прошептал он ей на ухо.

Она кивнула. В деревне были ее кучер с каретой и люди, которые могли стать очевидцами и, может быть, помешали бы нападению. Психея пошла быстро, но осторожно. Она заметила, что ее ноги разбиты в кровь и оставляют следы, по которым любой опытный охотник легко их выследит.

Она увидела, что Гейбриел поворачивает к дороге или старается идти параллельно. Они не могли углубляться в лес, чтобы не заблудиться, но не могли идти и по дороге, где их могли увидеть.

Психея видела, что Гейбриел напряженно прислушивается. И тоже услышала отдаленный стук копыт. К Баррету спешит подкрепление? Ей стало страшно, и она заметила, как помрачнело лицо Гейбриела. Не выпуская ее руки, он достал из-под рубашки небольшой нож.

Они не сдадутся без сопротивления, но Гейбриел один

против нескольких.

Топот приближался, и Гейбриел заглянул под низкую ветвь дерева, чтобы рассмотреть лошадь или людей, проезжавших по дороге всего в нескольких ярдах от них. Затем он отпустил ее руку и, к изумлению Психеи, бросился к экипажу. Оглянувшись, он крикнул ей:

– Быстрее!

Психея подбежала к нему и с неопишуемой радостью увидела свою карету и своего верного кучера, возвращавшегося за ними, как ему и было приказано.

– Садись! – Гейбриел распахнул дверцу перед Психеей. – На нас напали, – крикнул он кучеру. – Разворачивайся и уезжай отсюда как можно быстрее! Когда выедешь на большую дорогу, я скажу, что делать дальше.

Психея немного успокоилась, ее раскрасневшееся от бега лицо приобрело свой обычный нежно-кремовый оттенок.

– Мы возвращаемся в Лондон? – тихо спросила она.

Гейбриел задумался. Уже не в первый раз он недооценил эту шайку негодяев, больше такого не должно произойти.

– Нет, они рассчитывают на это. Возможно, уже устроили засаду на дороге, – сказал он. – А мы поедем на юг.

Психея не возражала. Она поправила волосы и стряхнула с туники прилипшие листья.

– Странный же у меня будет вид, когда мы приедем в гостиницу, – огорченно заметила она.

Какая бы благовоспитанная девица сохранила самообла-

дание, спасаясь бегством от кровожадных бандитов, да еще полуодетой в этом маскарадном костюме? С ней не было багажа, не было горничной, и ее репутация на грани гибели, а выражение ее лица безмятежно, и в ее глазах нет страха. Она – чудо, его очаровательная мисс Хилл. Сердце Гейбриела переполняла любовь. Она ни с кем не сравнима, и она принадлежит ему, пусть даже на время. Любой ценой он должен спасти ее.

Даже если ему придется нарушить клятву, данную на всю жизнь.

Когда они выехали на большую дорогу, Гейбриел быстро переговорил с кучером и вернулся в карету. Он долго сидел молча, глядя в окно. Страшная борьба происходила в его душе.

Ему слышались громкие голоса: «Никому не позволено так позорить имя нашей семьи! Ты мне противен... Никаких просьб, черт побери, на этот раз ты зашел слишком далеко...» От воспоминаний о пережитой боли, от гнева, вновь вскипавшего в его груди, Гейбриел сжал челюсти.

Психея наблюдала за ним, понимая, что следовало бы поинтересоваться, куда это безумное бегство их приведет. Однако что бы ни готовила им судьба, она знала, что должна ценить каждую минуту, проведенную вместе, хотя бы и в карете, катящейся по ровной дороге.

Психея не хотела думать о будущем, когда рядом не будет Гейбриела. Сейчас она каждой клеточкой своего тела ощу-

щала его присутствие.

Психея прикрыла глаза и, откинувшись на мягкую спинку сиденья, покачивалась на рессорах кареты. Пока она с Гейбриелом, она не станет беспокоиться из-за убийц, скандала или гнева своей семьи. Присутствие Гейбриела, его любовь для нее важнее, чем надвигающаяся опасность.

Психея проснулась оттого, что карета остановилась. Даже не взглянув на пустое сиденье, она сразу же почувствовала, что Гейбриела нет. Психея чуть не закричала. Сумрак, она одна в карете. Где они? Где Гейбриел? Выглянув в пыльное оконце, девушка увидела, что смеркается и небо затянуто тучами.

Перед ней были высокая каменная стена и сторожка. Видимо, они остановились у въезда в какое-то большое имение. Гейбриел оживленно разговаривал с привратником, но она не слышала слов. Привратник размахивал руками и что-то доказывал визгливым голосом. Гейбриел помолчал и вновь заговорил более спокойным тоном, но она уловила в нем стальные нотки. Наконец, казалось, Гейбриел убедил его. Привратник пошел открывать тяжелые железные ворота, а Гейбриел снова сел в карету.

Вид у него был хмурый. Психея вопросительно взглянула на него, и он взял ее за руку.

– Мы остановимся на ночь здесь, в... доме моего знакомого, – сказал он. – Люди Баррета сюда не доберутся. Судя по высоте стены и несговорчивости привратника, он был прав.

Но кем же был этот старый знакомый, владелец такого большого и уединенного имения? Прошлое Гейбриела выглядело все таинственнее. Психея вспомнила слухи об убийстве, но не хотела об этом думать. Он сам ей скажет, когда придет время. Она не из тех, кто обвиняет без всяких доказательств. Разве она не знает его и его доброе сердце?

Несмотря на то, что ее разбирало любопытство, Психея не стала расспрашивать Гейбриела. Они ехали через густой лес, вокруг возвышались вековые деревья, на прогалине Психея увидела оленя, щипавшего траву. Подъездная дорога была расчищена и ухожена. Наконец карета остановилась, и Гейбриел с каменным лицом открыл дверцу, вышел и подал ей руку.

Психея огляделась. Огромный дом из серого гранита потрясал своей величиной, холодной строгостью архитектуры и необычайной тишиной, царившей в нем. Не лаяли собаки, не слышно было голосов слуг или смеха играющих детей. Психея взглянула на Гейбриела, но тот давал указания кучеру, который кивнул, натянул вожжи, и карета завернула за угол, направляясь к конюшне. Скрип колес и стук копыт неестественно громко звучали в этой тишине.

– Они знают, что мы приедем? – спросила Психея, думая, как расстроит какую-то леди их неожиданное появление.

– Нет, но здесь вполне достаточно комнат для гостей, – сказал он, коротко улыбнувшись ей. Однако настороженное выражение его глаз не изменилось.

– Ты уверен, что они будут нам рады? – снова спросила Психея с неожиданным смущением.

– Не очень, но они нас примут, – мрачно заявил он. Психея не успела попросить его объяснить ей, что происходит, как дверь наконец открылась и появился лакей. Гейбриел взял ее за руку и повел по широким ступеням.

– Привет, – сказал он. Слуга в остолбенении смотрел на Гейбриела. На нем был тяжелый парик и богатая ливрея, несмотря на то что место казалось таким уединенным. И все же он казался немного слабоумным.

– Э... х-хозяина нет дома, – заикаясь произнес он.

– Для меня он – дома, – спокойно ответил Гейбриел. Не обращая внимания на лакея, в замешательстве смотревшего на него, Гейбриел провел Психею в открытую дверь.

Навстречу, размахивая руками, спешил старый дворецкий.

– Послушайте, нельзя приходить сюда вот так, хозяин не позволяет. Уходите, пока я не спустил собак.

Психея в ужасе остановилась.

– Мы не хотим навязываться, – сказала она Гейбриелу. Но он не слушал ее.

– Нет никаких собак, Макдаффи. Он не выносит, когда они ласкаются. Разве ты не помнишь, как он утопил бездомного щенка, которого я принес домой? Мне тогда было восемь.

Психея широко раскрытыми глазами смотрела на своего

спутника. Худой, высокий дворецкий, казалось, сейчас упадет в обморок.

– Это вы, сэр! Вернулись, я бы никогда не поверил. Психее страшно хотелось отвести Гейбриела в сторону и потребовать у него объяснений. Но он продолжал разговаривать с дворецким.

– Но его милость... – ломая руки, говорил старик, – он угрожал, что отхлещет вас кнутом, если вы снова появитесь здесь после того, что вы сказали ему в прошлый раз... Я не думаю...

– Предоставь его милость мне, Макдаффи, – в отличие от взволнованного слуги удивительно спокойным тоном сказал Гейбриел. – Полагаю, он в кабинете? Я поговорю с ним. О, и скажи экономке, чтобы она приготовила две комнаты для гостей и добавила два прибора на обеденном столе. Мы остаемся на ночь.

Не обращая внимания на пытавшегося возразить дворецкого, Гейбриел зашагал к дверям, и Психея старалась не отставать от него.

– Я бы избавил тебя от этой встречи, но мне негде тебя оставить, кроме как в этом холодном холле. Камин здесь разжигают только в его комнате.

– Гейбриел, где мы? Не думаю...

Но было уже поздно, они подошли к дверям кабинета.

Гейбриел громко постучал в тяжелую дубовую дверь и распахнул ее. В комнате было темно, в дальнем углу потрес-

кивал огонь в камине, но, несмотря на сгущавшиеся сумерки, ни одна из ламп не была зажжена. Тяжелые занавеси закрывали окна, воздух был затхлым, как будто комнату никогда не проветривали.

Гейбриел вошел, Психея последовала за ним с таким ощущением, что входит в обиталище паука. Гейбриел знаком велел ей оставаться у двери. Она скрестила руки на груди, стараясь подавить желание спрятаться за большим шкафом. Гейбриел вышел на середину комнаты и посмотрел в сторону камина.

– Какого черта вы беспокоите меня? Обед еще не скоро, – прорычал хриплый голос.

– Мы на минуту, – сказал Гейбриел. – Я подумал, надо предупредить, что у тебя гости.

Молчание, скрытая тенью фигура зашевелилась. Человек сидел в придвинутом к камину большом кресле с высокой спинкой, и Психея не видела его лица, пока он не поднялся и не повернулся к ним. У Психеи перехватило дыхание. Почему она чувствовала себя как ребенок, который раскрыл свою книгу сказок и увидел на картинке людоеда?

Вид человека, шагнувшего к Гейбриелу, поразил Психею. Он не уступал ростом ее возлюбленному, плечи были так же широки, но он был массивнее, толще в талии. У него были светлые волосы и кожа, покрытая веснушками. Его лицо производило неприятное впечатление, хотя об этом было трудно судить, поскольку его искажала гримаса удивления и

неудовольствия.

– Черт побери, что ты здесь делаешь? – Он явно хотел, чтобы его тон, как и слова, звучал оскорбительно.

Психея тихо ахнула от негодования, но ответ Гейбриела поверг ее в шок.

– Здравствуй, отец. Я был уверен, что встречу теплый прием.

Гейбриел произнес это спокойно и вежливо, но с циничной усмешкой на лице. Психея могла только догадываться, чего это ему стоило. Он стоял не шевелясь, как будто приготовился к схватке с врагом, куда опаснее тех, с которыми они до этого встречались.

– Почему я должен радоваться твоему приезду? После тех слов, которые ты бросил мне в лицо, когда уходил, чего другого ты ожидал?

Психея видела, как в этом человеке удивление уступает место гневу.

– По-моему, я тогда сказал: «Какой же ты отец?», – по-прежнему спокойно заметил Гейбриел. – При тех обстоятельствах это был вполне правомерный вопрос.

– Наглость, проклятая наглость! – почти прорычал старик. – После того, что ты сделал...

– Много воды утекло с тех пор, не правда ли? Оставим старый спор до лучших времен. А сейчас по некоторым причинам я приехал с дамой, и мы должны здесь переночевать. Мы уедем завтра утром и больше не будем нарушать твой

покой. – Не дожидаясь ответа, Гейбриел отвернулся.

Его отец? Гейбриел даже не представил ее, подумала Психея, все еще озадаченная происходящим. Почему Гейбриел никогда не говорил, что его отец так богат? Почему у них так испортились отношения? Убийство, слухи об убийстве благородной леди – не в этом ли все дело?

– Гейбриел...

– Потом, – тихо сказал он. – Знаю, у тебя есть ко мне вопросы.

Вопросы? У нее их множество. Но он взял ее за руку и вывел в пустой холл. Неужели слуги разбежались, растерявшись от появления гостей, которые, как она догадывалась, редко посещали этот дом.

Гейбриел провел ее по коридору, и они вышли через другую дверь. Неужели он передумал и они уже уезжают? Психея с радостью покинула бы этот негостеприимный дом.

Гейбриел молчал. Они прошли мимо невероятно ухоженного сада, где не смело пробиться ни одно сорное растение. Как и дом, сад был в идеальном порядке, но в нем не было души. Гейбриел сорвал одну рано распустившуюся розу и продолжал идти.

Психея пыталась представить маленького мальчика, живущего в этом холодном доме, и ей захотелось плакать. А его мать? Она-то не могла быть такой же жестокой и бесчувственной, как тот человек, которого она только что видела.

– Гейбриел! – Она пыталась пробиться сквозь стену, ко-

торой он окружил себя.

– Подожди, – сказал он. – Я хочу посмотреть... я ищу свою мать.

Психея отложила свои вопросы и молча шла за ним мимо французского сада, мимо огорода с ровными рядами грядок. Почему Гейбриел ищет свою мать здесь? Или она обычно прячется в саду, и это ее единственное убежище? При таком муже это легко понять.

Но они все шли мимо фруктового сада, мимо небольших рощиц. Наконец они подошли к невысокой каменной стене, и за ней Психея увидела фамильное кладбище, в центре которого возвышалась маленькая часовня из серого камня. Может быть, его мать находит утешение в молитве? Дверь часовни была закрыта, но Гейбриел повернул в другую сторону и повел ее по дорожке, посыпанной гравием. На минуту он остановился и огляделся.

Психея начинала понимать. Большинство памятников были очень старыми, покосившимися от времени. Видимо, у семьи Синклеров были старые корни.

Гейбриел подошел к могиле, по-видимому, появившейся не так давно. На небольшом камне была короткая надпись «Мэри Гиллингем» и даты рождения и смерти. Его мать умерла три года назад, когда Гейбриел был еще за границей. Психея тоже потеряла родителей и знала, какое это горе. Она хотела дотронуться до Гейбриела, утешить его. Но он стоял неподвижно, и мысли его, казалось, были далеко.

– Привратник рассказал мне, – тихо, словно разговаривая сам с собой, произнес он, – что мой отец даже не собирался известить меня.

– О Гейбриел! – Психея едва сдерживала слезы.

– Грубый камень, даже никакой надписи, – продолжал он. – Будь он проклят, он отказал ей даже в этом. Я замену камень.

Психея положила руку на его плечо, он стоял как каменный, но его душу, должно быть, наполняли боль и печаль.

– Она всегда умоляла его не бить меня. Когда отец отсылал меня спать голодным, она потихоньку приносила мне хлеб с маслом в носовом платке. Она пыталась оберегать меня, но отец был слишком силен и жесток.

– Она, наверное, очень любила тебя, – тихо сказала Психея.

– Возможно, – сказал он странным тоном. – Но она не пришла, чтобы уговорить его не отсылать меня. Я надеялся, что хотя бы один раз она открыто выступит на моей стороне, когда от этого столько зависело, но...

– Может быть, она очень боялась, – нерешительно предположила Психея, хотя не понимала, как мать могла не защитить свое дитя. Конечно, трудно представить женщину, тем более робкую, нежную Мэри, которая могла бы противостоять чудовищу, которое Психея видела в кабинете. Какая жизнь была у этой несчастной женщины! А Гейбриел...

Как всегда, он словно прочитал ее мысли.

– Когда я был ребенком, он не был таким... как сейчас. Он всегда был груб, суров, но не так часто ругался и пускал в ход кулаки. Но... отец думал, что моя мать изменила ему.

– О Боже... – Психея не нашлась что сказать.

– Он был одержим мыслью, что я не его сын. Я мало подходил на него. Старший брат унаследовал его нос и светлые волосы. Я же – фамильные черты моей матери. Он становился все более злобным и жестоким. Мать старалась как можно чаще отсылать меня к своему отцу. Он был добрым, ученым человеком, в нем было мое спасение. Он сумел вселить в меня веру в себя вопреки стараниям родного отца, постоянно утверждавшего, что я ничтожество.

Гейбриел положил сорванную в саду розу к подножию камня, выпрямился и глубоко вздохнул.

– Надеюсь, она не поверила сплетням. Я так и не успел объяснить ей...

Психея затаила дыхание, неужели он наконец признается, из-за какого скандала его выгнали из дома?

Глава 20

– Ее звали Сильвия Фаули, но все, знавшие ее, называли ее Сильви, – тихим голосом начал Гейбриел. Он смотрел на могильный холмик, избегая взгляда Психеи. – Когда я встретил ее, она была женщиной тридцати двух лет, маленькой и изящной, как бабочка, у нее были мягкие каштановые волосы и большие карие глаза. Я гостил у школьного товарища, дедушка к тому времени уже умер, и я пользовался любым предлогом, чтобы не возвращаться на каникулы домой. Она была женой дяди моего друга. Казалось, ей нравилось находиться в моем обществе, она не считала меня слишком молодым для нее, танцевала со мной на рождественском балу, улыбалась, заглядывала мне в глаза и гладила по щеке... Я был пленен. Ни одна женщина так не относилась ко мне. Когда все засыпали, она приглашала меня в свою комнату. Разумеется, у нее с мужем были отдельные спальни.

Психея молча кивнула, боясь прервать его исповедь. Она представила молодого и невинного школьника, попавшего в сети женщины старше его, и ей стало больно при мысли о том разочаровании, которое его неизбежно ожидало.

– Я был влюблен до безумия. Ночью я на цыпочках пробирался через холл, сердце у меня замирало, тело разрывалось от пробудившихся желаний, а она ожидала меня. Сильвия обучала меня любовным ласкам, учила, как одеваться, и

еще многому другому, и я был прилежным учеником. Я думал, что буду вечно любить ее, но не ожидал, что она вспомнит обо мне после этих каникул. Но она вспомнила. Сильвия писала мне в школу, приезжала туда, где бывал я, и часто приглашала к себе. Ее муж начал что-то подозревать, но наша связь продолжалась. Через несколько месяцев она сказала, что муж угрожает ей, и предложила вместе бежать. Она собиралась развестись с мужем.

Психея удивилась. Как могла зрелая женщина ожидать, что школьник решится на что-то подобное? Ведь у него есть семья? Они стали бы изгоями.

– Но то, что я принимал за очаровательные капризы, превратилось в настоящее рабство. Умело пользуясь слезами, притворяясь обиженной, она начала заставлять меня думать, говорить, одеваться и даже менять привычки, как ей того хотелось. Она намеревалась выбирать мне друзей, она хотела, чтобы я бросил университет... – Гейбриел тяжело вздохнул. – Я любил университет, там я скрывался от своей семьи, но мне также нравилось читать книги, нравились преподаватели и царившая в нем атмосфера спокойствия. У меня там были друзья, преподаватели одобряли мои успехи в учебе. Так проходили недели, я чувствовал, как меня подавляет любовь Сильвии, казавшаяся безграничной. Она была как ароматный цветок, распустившийся на лиане, которая обвивала, опутывала меня, не давая свободно дышать. Я набрался смелости и сказал ей, что будет лучше для нас обоих, если

она не станет разводиться, ибо от скандала и осуждения общества пострадает больше всего она сама. Возможно, я был не прав, возможно, я должен был оставаться ей верным до конца, но...

– Гейбриел, а сколько лет тебе было? – спросила Психея.

– Семнадцать, когда мы встретились, и чуть больше восемнадцати, когда я предложил расстаться. Это расставание было ужасным. Она рыдала, обвиняла меня в том, что я погубил ее, обесчестил. В истерике она била фарфор, швыряла подушки. Такой я ее никогда не видел. Наконец она велела мне убираться, и я ушел. Я не знал... был слишком неопытен, чтобы понять, насколько неуравновешенной душевно она была. В ту ночь Сильвия выпила целый пузырек опия и на следующий день умерла.

– О Боже! – Психея чувствовала, как он дрожит, вспоминая об этом.

– Перед отъездом я узнал, что у нее были и другие молодые любовники, целая коллекция, так сказать. Но именно я стал причиной ее самоубийства.

– В этом нет твоей вины. Ты был еще так молод.

– Я должен сознавать свою вину, – возразил Гейбриел. – И никогда больше не позволять кому-нибудь иметь надо мной власть. Ни одной женщине не будет дано право касаться моей души. Это пятно на мне на всю жизнь, моя репутация навеки погублена, и я больше никогда не разрушу жизнь женщины, как это произошло с Сильвией. Само мое существо-

вание принесло беды моей матери, уничтожив всякое доверие к ней ее мужа.

Психея онемела от глубины его раскаяния и страдания.

– А мой отец... когда он услышал сплетни о том, что Сильвия умерла из-за меня, что я косвенно виновен в смерти этой хрупкой нервной леди благородного происхождения, он приказал мне убираться из дома, ибо я недостойн носить имя Синклеров. И я уехал.

– Ты же не виноват! – настаивала Психея. – Сильвия была взрослой женщиной, намного опытнее тебя. Она хотела этого романа, хотела владеть тобой. А у тебя даже не было отца, который помог бы тебе советом, а не выгонял из дома, даже не выслушав.

– Так ты, узнав мою историю, теперь возненавидишь меня?

Она приподнялась на цыпочки и подставила губы для поцелуя. Гейбриел обнял ее с радостным чувством утопающего, почувствовавшего под ногами твердую землю. После долгого поцелуя он прошептал:

– Я никому не рассказывал об этом. Отец убедил меня, что семья Сильвии может потребовать моего ареста, хотя теперь я думаю, что они просто хотели скрыть печальные обстоятельства ее смерти.

Он был невиновен, его изгнали, подумала Психея, потрясенная этим рассказом. Гейбриел остался без друзей, без всякой помощи. Все эти годы он боролся в одиночку, борол-

ся, чтобы выжить.

И он выжил, он устоял, а годы борьбы закалили его. Они долго стояли обнявшись, затем Гейбриел неохотно отстранился от нее.

– Скоро обед, – сказал он. – Здесь обедают рано, и тебе, наверное, хочется помыться.

Психея взглянула на свою запачканную и порванную во время бегства через лес тунику. Ей требовалось не только мыло и вода, у нее не было багажа. Гейбриел взял ее за руку, и они направились обратно к большому дому. Они уже подходили к боковому входу, когда неожиданно из двери выбежала маленькая толстененькая женщина средних лет.

– Молодой хозяин Гейбриел! – воскликнула она с сияющей улыбкой.

Гейбриел подбежал к ней и, приподняв, заключил в свои медвежьи объятия.

Психея улыбнулась. Девушка не знала, кто эта женщина, но это был первый человек, которого обрадовало возвращение Гейбриела, и Психея чувствовала, что полюбит ее, кем бы она ни была.

Поставив женщину на ноги, Гейбриел повернулся к Психее.

– Это миссис Парслип. Она была моей няней, а потом стала помощницей экономки. Миссис Парслип, это мисс Хилл, моя... невеста.

– Здравствуйте, мисс. Мои поздравления вам обоим. Но

я теперь экономка, – поправила она его.

– Не могу поверить, что вы остались здесь, – сказал Гейбриел. – С моим отцом, которому так трудно угодить.

– О, он увольняет меня почти каждую неделю, – пожалала плечами женщина, – но я не обращаю внимания. Видите ли, все мои родные умерли, и мне некуда идти. Кроме того, никто больше не умеет готовить сливовый пудинг так, как ему нравится. Вот я и осталась.

– Ему повезло с вами. – Психея протянула ей руку. Экономка с достоинством присела, затем, Широко улыбаясь, дотронулась до пальцев Психеи.

– Какая вы милая девушка, моя дорогая! Если уж я говорю это, все со мной согласится.

Гейбриел улыбнулся. Психея так обрадовалась, что нашелся хоть один человек, который любит его, что готова была обнять эту маленькую женщину.

– Спасибо. Вы должны рассказать мне, каким был Гейбриел в детстве, – сказала она.

Миссис Парслип посмотрела в лицо Гейбриелу.

– Я вижу, вы пережили тяжелые времена.

– А это так заметно? – поднял брови Гейбриел.

– Это написано на вашем лице, дорогой мой. У вас никогда не было такого настороженного взгляда. Но я вижу, что сердце у вас осталось добрым. Каким видным мужчиной вы стали! Мне только жаль, что ваша матушка не дожила до вашего возвращения.

Улыбка исчезла с лица Гейбриела, и он поспешил сменить тему разговора:

– Да. Может быть, вы поможете нам, миссис Парслип? Нам пришлось неожиданно покинуть Лондон, мы уехали прямо с костюмированного бала.

– Так вот почему вы выглядите как какой-то хитрый цыган, – сдержанно заметила миссис Парслип. – Все шутите, Гейбриел?

– Да не совсем, нам бы не помешало переодеться. Не осталось ли чего-нибудь из моей старой одежды, а мисс Хилл, может быть, подойдет платье моей матери?

Экономка оглядела Психею.

– Гм, да. Я храню ее платья, пересыпанные с травами от моли. Придется немного переделать, но, думаю, я сумею. Посмотрю, что смогу найти, да еще бритву для вас. Такой заросший, а ведь он никогда не был неопрятным, – поделилась она с Психеей. – А сейчас пойдете в ваши комнаты. Если вы опоздаете к обеду, отец раскричится.

Они поднялись вслед за экономкой по главной лестнице в пустынное крыло дома с рядом комнат, в которых никто не жил. Двери двух спален были открыты, в той, куда вошла Психея, горничная взбивала подушки. Психея остановилась на пороге и невольно услышала тихий голос экономки, что-то рассказывающей Гейбриелу.

– Она пыталась переубедить его, знаете ли. Она просила разрешить вам остаться.

– Моя мать? Но она даже не вышла ко мне. Когда он приказал мне уехать, я ждал ее, но она так и не вышла из своей комнаты.

В комнате Психеи горничная обернулась и покраснела от смущения.

– Я... все готово, мисс, вот кувшин с теплой водой и полотенца на комод. Вам нужна моя помощь?

– Нет, спасибо, – сказала Психея. Горничная ушла, и Психея, хотя ей очень хотелось дослушать разговор в соседней комнате, закрыла дверь.

Гейбриел даже не заметил, как Психея исчезла за дверью своей комнаты. Он был потрясен рассказом экономки. И все это время он думал... Экономка продолжала говорить, с беспокойством поглядывая на него.

– Он не давал ей говорить. Ссора была ужасной, я никогда больше не слышала, чтобы она так на него кричала. Но это не помогло. Как всегда, он оказался сильнее. В тот день, еще до вашего прихода, он втолкнул ее в спальню. Приказал успокоиться, бедная леди была бледна и рыдала. А затем в холле он велел ее горничной дать ей двойную дозу опия. Ваша мать не догадывалась, что она выпила, – с грустью закончила экономка.

– Ее усыпили? – Голос не слушался Гейбриела.

– Бедняжка не просыпалась целых два дня. Я боялась, что она умрет, но вас уже не было. Однако она не переставала верить в вас. Она говорила о вас... со мной... очень часто.

Экономка вздохнула.

– Пойду займусь одеждой. Но вы должны знать, что ваша мать любила вас. Вы этого заслуживаете. – Она вышла, и он услышал ее удаляющиеся шаги.

Гейбриел был не в силах пошевелиться, комната кружилась перед его глазами. Он услышал короткий стук в дверь, и знакомый голос сказал:

– Бедная горничная так растерялась, что забыла положить мыло. Я могу где-нибудь... Гейбриел, что случилось?

На этот раз ему даже не пришло в голову скрывать свои слезы. Он невидящими глазами взглянул на Психею и прошептал:

– Моя мать... моя мать пыталась. Она все-таки любила меня.

Гейбриел чувствовал что сейчас упадет. Это всего лишь слабость в ногах, скоро он придет в себя. Но Психея не собиралась смеяться над его слабостью.

– О, дорогой мой, конечно, она любила. – Психея подвинула ему стул, и Гейбриел тяжело опустился на него. Она прижала его лицо к себе, и Гейбриел зарыдал.

Она молча, нежно гладила его темные волосы. Пусть со слезами выйдет вся накопившаяся в душе горечь. Столько лет он думал, что мать предала его.

Наконец он затих, прошло несколько томительных минут.

– После смерти деда она оставалась единственной, кто любил меня, не считая миссис Парслип, конечно. И думать, что

я внушал ей такое отвращение, что она даже не захотела проститься со мной, было невыносимо больно.

– Я понимаю, – тихо сказала Психея.

– Я задержал тебя. Ты хочешь вымыться, да и я тоже. Спасибо тебе, Психея, любимая, дорогая моя мисс Хилл.

У Психеи потеплело на сердце. Она улыбнулась и, забыв о мыле, вернулась в свою комнату. Но горничная, краснея и оправдываясь, уже принесла ей кусок розового мыла.

Психея налила в тазик остывшую воду и сняла тунику. Так приятно было смыть с себя дорожную грязь и снова прилично выглядеть.

В дверь осторожно постучали, и Психея поспешно завернулась в полотенце. Но это была экономка. Она принесла одежду и, спасибо ей, шпильки для волос!

– Давайте посмотрим на это платье и сорочку, мисс, я захватила нитки и иголки.

Психея надела чистую сорочку и чулки, а затем и платье. Это было очень строгое платье из темно-синего шелка с кружевной косынкой, закрывавшей грудь и шею, такие иногда носили старые дамы.

– Вам это не требуется. – Миссис Парслип убрала кружева.

Психея сняла платье, и экономка быстро принялась ушивать слишком широкую талию. Иголка с невероятной быстротой мелькала в руке маленькой женщины, и скоро Психея снова была в платье, а ее волосы были красиво уложены. Она

не без удовольствия посмотрела в зеркало. Платье ей шло, оттеняя белизну кожи.

Внизу раздался звук гонга.

– А, обед, – сказала миссис Парслип, довольная, что успела все сделать. – А вы, мисс, смею сказать, выглядите прелестно.

– Спасибо вам, миссис Парслип, вы так помогли. – Девушка улыбнулась и в невольном порыве поцеловала экономку в щеку. – И спасибо за верность Гейбриелу. Это как бальзам для его мятущейся души, – шепотом добавила она.

В глазах экономки блеснули слезы.

– Я и осталась здесь потому, что он мог когда-нибудь вернуться, – призналась она. – Бедный мальчик. Я рада, что на этот раз его любит добрая сильная леди. Как я буду счастлива, когда он обзаведется собственной семьей.

Теперь уже Психея сдерживала слезы. Если бы только она была уверена...

– Вы не должны опаздывать к обеду, – предупредила экономка.

Психея послушно направилась к дверям. Если не считать золотых сандалий, по-прежнему остававшихся у нее на ногах, она была готова показаться в обществе.

В коридоре ее ждал Гейбриел в черном фраке, белом жилете, бежевых панталонах и с аккуратно завязанным белым шейным платком. Он был чисто выбрит и выглядел, как и всегда, безупречно. Но что-то изменилось в выражении его

глаз. К нему вернулось его непринужденное обаяние, но оно было лишено обычного налета некоторого цинизма. Психея не смела поверить, что этот мягкий свет в его синих глазах означал, что старая рана начала заживать.

– Очень хорошо, – прошептала она. Он поморщился.

– Если я подниму руки, мой фрак расползется по швам, – заметил он.

Психея рассмеялась.

– Ты просто как картинка, – сказал он. – Тебе идет синее.

Она улыбнулась и взяла его под руку. Он заставил ее почти забыть об испытании, ожидавшем их. Внизу была столовая и находился этот монстр, его отец. Психея чувствовала, как оттуда веяло холодом.

Они медленно спускались по лестнице, и она смотрела на портреты, развешанные по стенам, старинные портреты нескольких поколений Синклеров. Одна маленькая медная табличка привлекла ее внимание.

– Маркиз Гиллингем? Он ваш родственник?

– Прапрадед, – мрачно усмехнулся Гейбриел. – Ходили слухи, что он так часто запирал жену в ее комнате, что бедная леди сошла с ума.

– Господи! Но это значит, что твой отец...

– Маркиз. Это так, – ответил Гейбриел. – Но у меня есть старший брат, очень похожий на моего родителя, он тоже относится ко мне с неодобрением, так что титул меня мало интересует.

– А твой брат?..

– О, он точная копия отца.

– А почему его здесь нет?

– Они похожи не только внешне, но и по темпераменту.

Когда они вместе, то грызутся, как собаки. В соседнем графстве есть небольшое имение, и брат живет там.

Его отец оказался маркизом, а она придумала ему титул. Какая нелепая шутка судьбы! Но было уже поздно говорить об этом. Они спустились на первый этаж, в холл, и из кабинета вышел отец Гейбриела. Он сердито посмотрел на них.

– Ну, проходите, раз уж решили остаться, Я не потерплю, если обед остынет.

Гейбриел кивнул. Психее показалось, что старик разочарован. Неужели он ожидал, что его младший сын будет трястись от страха перед ним, как мальчишка? Она испытывала глубокое негодование, думая о том, как жестоко обращался он с Гейбриелом.

В молчании они вошли в столовую. Психея чувствовала напряжение Гейбриела. Сколько еще печальных воспоминаний пробуждал в нем этот дом?

В столовой было темно и мрачно, тяжелые занавеси на окнах задернуты, а в канделябре горела лишь половина свечей. Этот угрюмый старик любил темноту? Вероятно, это соответствовало его характеру.

В центре стоял стол черного дерева с толстыми резными ножками. Массивный сервант ломился от яств. Неужели это

все для одного человека? На кухне едва ли успели приготовить что-либо особое для неожиданных гостей.

Но видимо, они постарались.

– Потратили мои деньги на негодяя? – нахмурился старший Синклер. – Не представляю, что они затеяли. Надо их всех уволить.

Психея прикусила губу, сдерживая негодование. Но Гейбриел уже был не тот мальчик, который дрожал от страха перед грозным отцом.

– Может быть, они имеют понятие о том, как следует принимать гостей, – холодно заметил он. – Даже негодяев.

Лакей подал первое блюдо. Психея была очень голодна, со вчерашнего дня она ничего не ела, и ей пришлось так много всего испытать, с тех пор как они покинули Лондон. Однако она не могла сделать и глотка. Тяжелая обстановка за столом подавляла ее. Пища оказалась едва съедобной. Ее собственный повар постыдился бы подавать такой жидкий соус и пережаренный ростбиф. Желе были водянистыми, в соусе плавали комки. Только пудинг, очевидно, приготовленный миссис Парслип, был превосходен.

Но надо есть: кто знает, что ее ожидает завтра? Она откусила кусочек мяса и принялась старательно жевать его. Психея сочувствовала Гейбриелу, который ел тоже очень медленно. Насколько ему тяжелее переносить это ледяное молчание, открытую враждебность во взгляде старика, когда тот смотрел на него. Обед проходил в молчании. Когда подали

пирог с фруктами, Психея подумала о том, что она будет делать дальше.

По обычаю леди уходили в гостиную, оставляя джентльменов наслаждаться своим бренди и сигарами. Но Гейбриел говорил, что в гостиной не зажигают камин, а мебель, вероятно, покрыта чехлами. Она предположила, что сможет просто уйти в свою комнату, но ей не хотелось оставлять Гейбриела наедине с этим грубияном. Старший Синклер положил вилку.

– Так, я накормил вас. Полагаю, я сделал то, чего вы от меня ожидали.

– Ожидали от тебя? С каких это пор ты делаешь то, чего от тебя ожидают? – приподнял бровь Гейбриел. – Между прочим, как там мой брат?

– Как обычно.

– Печально это слышать. – Гейбриел отхлебнул вина. – Можешь передать ему мои поздравления, когда вы снова будете разговаривать через год или два.

– Ха! По крайней мере, он не опозорил имя Синклеров, – разозлился его отец.

– Как я? Да ты повторял это сотни раз, перед тем как выгнать меня из дома.

– У меня была причина! Дверь приоткрыл лакей.

– Милорд, не желаете ли еще...

– Вон! – взревел маркиз. Слуга попятился и поспешно закрыл за собой дверь. И как раз вовремя! Старик швырнул

ему вслед бокал, и на пол со звоном посыпались осколки.

Психея сжалась, не желая привлекать к себе внимание.

– Ты даже не знаешь, была ли причина, – слегка повысив голос, сказал Гейбриел. – Ты только слушал сплетни и намеки, а меня ты не спросил. Да ты никогда даже не разговаривал со мной!

Гейбриел не спеша выбрал из вазы грушу. Психея восхищалась его выдержкой.

– Слушать твои слезливые объяснения – только терять время. Ты еще хуже своей матери, – ответил старик. – Еще щенком ты уже был ни на что не годен.

– Когда ты впервые сказал мне это и повторял десятки раз, я плакал. Но я уже не ребенок. Сожалею, но должен сказать, что меня не интересует твое мнение.

– Смеешься надо мной? – помрачнел старик. – Дурные манеры и дурная кровь.

Психея искренне недоумевала. Как можно так ненавидеть свое дитя? Даже сомневаясь в своем отцовстве, как можно ненавидеть ребенка, который всего лишь хочет, чтобы его любили? Каким же мелочным должен быть человек, чтобы вымещать свои сомнения на ребенке?

– Что касается моих манер, то меня учили моя мать и ее отец. Плохо бы мне пришлось в жизни, если бы я следовал только твоему примеру.

– Да, я вижу, до чего ты дошел, – с издевкой сказал старик. – Приполз сюда в – шутовском наряде. Стал цыганом?

Гадаешь по руке и воруюешь на задворках?

– Не хочу тебя разочаровывать, – сказал Гейбриел. – О своем положении я сообщу тебе позже. Я еще не достиг того, чего хотел. Полагаю, яблоко от яблони недалеко падает.

Старик фыркнул.

– Только не обвиняй меня в своей слабости. Сомневаюсь, что ты обязан мне своим смазливym личиком.

– Значит, нам обоим повезло.

– Хм. Так чего тебе надо? – Старик был явно разочарован, что не смог вывести сына из себя. – Если денег...

– Никогда, деньги у меня есть. Однако мне нужно твое гостеприимство – на одну ночь. Мы с леди переночуем, а утром уедем.

Впервые старик повернулся и посмотрел на Психею. Злобное выражение его лица не предвещало ничего хорошего.

– Леди? Такая же леди, какой была твоя мать. Как ты посмел привезти эту непотребную девку в мой дом... я не позволю... – Но ему не удалось закончить.

Гейбриел бросился к нему и, схватив старика за горло, поставил на ноги и держал его осторожно, но с таким выражением лица, словно касался ядовитой змеи.

– Ты только что оскорбил двух женщин, двух достойных уважения женщин, которые мне очень дороги, – тихо сказал он с пугающим спокойствием. – Если ты хочешь жить, возьми свои слова обратно, и чтобы я больше никогда не слышал ничего подобного.

Старик вырывался, но Гейбриел держал его железной хваткой. Психея затаив дыхание смотрела, как он начинает задыхаться. Его безобразное лицо посинело, а глаза вылезали из орбит.

Психею трясло. Нельзя допустить, чтобы Гейбриел убил своего отца.

– Гейбриел, не надо!

Глава 21

Минута тянулась бесконечно, Психея подумала, что он не слышал ее. Старик боролся, стараясь оттолкнуть Гейбриела, но за пятнадцать лет не только его волосы поседели и лицо изрезали морщины, теперь силы были неравны.

– Нет, я не стану таким, как он, – хриплым от возбуждения голосом сказал Гейбриел.

Он ослабил руки, и старик судорожно хватал ртом воздух.

– Ты больше не сможешь бить меня, – глядя на отца, проговорил Гейбриел. – И запомни, что я сказал об этой леди. Она настоящая леди, можешь не сомневаться. Против нас существует заговор, поэтому ей нужны кров и защита на одну ночь. И ты их предоставишь, как бы ты ни возражал.

Он отпустил отца, и тот, шатаясь, шагнул к своему стулу. Он не сразу смог заговорить. Психея услышала, как где-то скрипнула половица. Неужели слуги подслушивали за дверью?

– Тебя выпорют на конюшне, – прохрипел старик. – Тебя повесят!

– Меня повесят, если только я убью тебя, – почти весело ответил Гейбриел, как будто эта стычка несколько рассеяла жгучее чувство обиды, терзавшее его долгие годы. – А я не опущусь так низко. И ты уже не можешь отослать меня на конюшню, у тебя не хватит смелости, как и у твоих запуган-

ных слуг. Ты будешь делать то, что я скажу, и помалкивать.

У маркиза вырвался почти звериный рык, но Гейбриел уже не обращал на него внимания. Он с поклоном обратился к Психее:

– Миледи, позвольте проводить вас в вашу комнату. Она с радостью взяла его под руку.

Когда они подошли к ее спальне, Гейбриел сказал:

– Запри дверь. Не думаю, что тебе грозит опасность, но... на всякий случай.

– Хорошо, – кивнула она. Закрыв дверь, Психея повернула ключ, но комната, несмотря на слабый огонь в камине, казалась пустой и холодной.

Психея пала духом. Ей предстояло провести здесь долгую ночь. С какой радостью она завтра уедет отсюда! Она сняла платье и надела старомодную ночную рубашку, приготовленную экономкой, расчесала волосы, умылась и, забравшись на высокую кровать, натянула одеяло до подбородка.

Она почувствовала себя одинокой. Неужели любовь Гейбриела так подействовала на нее? Не только ее тело жаждало его ласк, ей не только хотелось прижаться щекой к его груди, но даже постель казалась без него такой пустой, что она была готова заплакать.

Но ничего не поделаешь! В доме своего отца Гейбриел не придет к ней. Как печально иметь такого отца. Психея вспомнила своих родителей и впервые поняла, какое счастье выпало ей вырасти в атмосфере взаимной любви и уважения.

Родители любили ее, верили в нее и доверяли ей. У нее никогда не возникало необходимости доказывать, что она чего-то стоит.

Неудивительно, что заброшенный дом оказался для него таким тяжелым ударом. Гейбриел рассчитывал, что это имение позволит ему возродиться словно фениксу из пепла. Ему надо было доказать и отцу, и самому себе, что он достоин уважения, что может гордиться собой. И пока он не добьется этого – не успокоится. И никакая любовь женщины не удержит его, если он по-настоящему не поверит в себя.

Психея со вздохом закрыла глаза, пытаясь уснуть. Огонь в камине угасал, в комнате становилось все холоднее, и сон бежал от нее.

И когда в конце коридора раздался слабый крик, Психея сразу же услышала его. Она напрягла слух, думая, что ей показалось, но крик повторился. Психея сбросила одеяло и села. Что случилось?

Она встала с постели и зажгла свечу. Завернувшись в шаль, Психея отперла дверь и выглянула в коридор. Там было темно, и она ничего не увидела. Крик раздался снова. Он доносился из соседней комнаты. Гейбриел? Кто осмелился напасть на него в этом ужасном доме? Дверь была не заперта, и Психея заглянула в темную комнату.

– Гейбриел? – тихо спросила она. – Ты здесь?

Ответом ей был бессвязный вопль. Она закрыла за собой дверь и, подняв свечу, вошла в комнату. На постели беспо-

койно метался Гейбриел.

– Гейбриел, ты болен? – Глаза его были закрыты. – Гейбриел, это я, Психея.

Наконец он открыл глаза и затуманенным взглядом посмотрел на нее.

– Психея?

– Да, дорогой, тебе снились кошмары. – Она дотронулась до его щеки, он дрожал.

– Мне снилось, что отец запер меня в комнате и я не могу выйти.

«Это дом пробуждает в нем страшные воспоминания», – подумала Психея.

– Но ты уже не ребенок, – сказала она. – И доказал, что отец больше не имеет над тобой власти.

Она вспомнила сцену в столовой и подумала, что напрасно напоминает о ней Гейбриелу. Но к ее удивлению, Гейбриел тихо рассмеялся.

– Нет, конечно, не ребенок. Ребенок не подумал бы о том, о чем подумал я, увидев тебя полуодетой.

Она немного смутилась, но затем почувствовала, как замерзли босые ноги.

– Пусти меня в свою постель, – попросила она. – Коврик такой тонкий, а пол холодный, как и мои ноги. – Психея кокетливо взмахнула ресницами. – Конечно, только для того, чтобы я не простудилась.

– Отказать тебе было бы бесчеловечно, моя дорогая мисс

Хилл, – усмехнулся Гейбриел.

Она устроилась рядом с ним, довольная, что может наконец прижаться щекой к его груди, и еще ближе придвинулась к нему. Гейбриел поцеловал ее. Вот таким должен быть брак, мечтательно подумала она. Настоящая постель, тихая комната, где никто их не побеспокоит. Блаженство, близость, и так каждую ночь, если они пожелают.

Он не собирался заниматься с ней любовью в эту ночь, в этом холодном враждебном доме. Но прикосновение ее теплого тела воспламенило его, как огонь воспламеняет сухое дерево. Все его чувства обострились, в теле нарастало желание.

Она раскрыла губы, отвечая на его поцелуй, и Гейбриел увидел в ее голубых глазах необычайную теплоту и доверие. Психея была такой хорошей, доброй, милой и чистой.

Гейбриел заставил себя отстраниться.

– Психея, было бы лучше, если бы я проводил тебя в твою комнату.

– Разве моя кровать больше? – Ее глаза весело блеснули.

– Нет, колдунья! – с притворной строгостью сказал Гейбриел. – Ты же понимаешь, что ты должна спать отдельно. Я могу теперь и один пережить воспоминания о прошлом, которые преследуют меня в этом доме. Я становлюсь сильнее благодаря тебе.

– Гейбриел, я не сомневаюсь, что ты можешь. Но я не хочу, чтобы ты страдал в одиночестве. Я здесь ради тебя. Я хо-

чу разделять с тобой и ад, и небеса.

– Ты не подходишь для ада. Ты создана для рая, дорогая.

– Так возьми меня туда, – прошептала она.

Психея прижалась к нему, и кровь забурлила в его жилах, унося в своем потоке остатки его самообладания. Но теперь уже Психея неожиданно отодвинулась от него.

– Я думала, что ты тоже голый, – с таким откровенным разочарованием сказала она, что он едва не рассмеялся.

– Привычка, любовь моя. Лучше не раздеваться, когда в любую минуту может возникнуть необходимость выпрыгнуть из окна.

Психея с подозрением осуждающе прищурила глаза.

– Ревнивые любовники? Он сдержал улыбку.

– Бедные неудачники.

– Хм, – задумалась она. – Ловко увернулся. Трудно понять, кого ты имеешь в виду: игроков в карты или ревнивых любовников? Однако зная тебя...

Она больше ничего не успела сказать, он зажал ей рот поцелуем. Но Психея только обрадовалась. Она откинула одеяло и начала раздевать Гейбриела.

– Сегодня я хочу видеть и чувствовать тебя всего. Она с любопытством водила пальцами по его груди, опускаясь все ниже. Вздрагивая от наслаждения, Гейбриел лежал не шевелясь. Но ее прикосновения, то робкие, то уверенные, слишком возбуждали его, и, больше не сдерживаясь, он обхватил ее бедра и раздвинул их. Посадив ее на себя, он быстро про-

ник в раскрывшуюся ему навстречу теплую глубину.

Психея испытала невообразимое наслаждение. Она, не отпуская его, приподнялась, снова опустилась и принялась безжалостно дразнить его. Гейбриел со стоном открыл затуманенные страстью глаза.

– Богиня, пожалуйста!

С торжествующей улыбкой женщины, понявшей свою власть, она не позволяла ему остановить эту пытку. Но она забыла, какую власть имел над ней Гейбриел.

Они все еще лежали, не выпуская друг друга из объятий, и Гейбриел слышал, как бьется ее сердце. Ему никогда не было так хорошо! Гейбриел знал, что должен будет покинуть ее, и эта мысль была невыносима.

– Тебе уже не нужно одобрение твоего отца? – спросила Психея.

– Нет, – слишком поспешно ответил Гейбриел и вздохнул. – Но я не отказался бы от его уважения.

– А если этого не получится, разве ты не сможешь уважать сам себя?

– За что? – с волнением спросил он. – За то, что убежал от скандала, который сам вызвал?

– Ты был мальчишкой, – напомнила она.

– Но теперь я мужчина. А чем могу гордиться?

– Ты вернулся, ты стал старше и мудрее, – возразила Психея. – Ты спас меня от жадного дяди и назойливого кузена. Ты не испугался своих врагов, победил свои страхи. Ты не

испугался отца.

– Когда я уезжал, я сказал, что вернусь и поставлю его на колени, – чуть слышно сказал Гейбриел.

– Детская угроза.

– Так ты не презираешь меня за то, что я позволил ему уйти?

Она поцеловала его в подбородок.

– Нет, мой дорогой, нет. Он помолчал.

– Старше – да, но мудрее? Благодаря тому, что умею играть в карты, танцевать, стрелять и владею шпагой? Или знаю, как покорить женщину? Насколько я помню, когда мы впервые встретились, тебе не понравилась моя развязность.

Психея улыбнулась в темноту, свеча уже давно догорела.

– Обаяние – это дар, который может служить и добру, и злу.

– Ты думаешь, я делал добро? – с едва заметной надеждой в голосе спросил Гейбриел. Странно, но в темноте, когда она не видела его лица, Психея лучше понимала значение его слов.

– Да, я видела, как ты заставил некрасивую женщину почувствовать себя красавицей.

– И это заслуживает одобрения?

– Вполне заслуживает, – подтвердила она.

– Но мне этого недостаточно, – вздохнул он.

– Но достаточно женщине, в чью жизнь ты принес радость.

Ты должен избавиться от воспоминаний и от своего гнева. У

тебя доброе сердце, не отягощай его. В тебе есть смелость и преданность. Это ценные качества.

– Забавно, – прошептал Гейбриел. – Я бы то же самое сказал о тебе.

– В самом деле? – улыбнулась Психея, хотя он не мог этого видеть в темноте.

Они долго лежали, их тела переплелись, и наконец она заснула.

Утром Психея проснулась в своей комнате и увидела, что рядом никого нет. Ей стало страшно, но затем она вспомнила. Полусонную и протестующую, Гейбриел перенес Психею в ее постель ранним утром. Он не хотел ставить ее в неловкое положение перед слугами отца. Смогут ли они когда-нибудь долго оставаться в постели, не опасаясь, что от них потребуют объяснений? Как бы ей хотелось подольше полежать, прижимаясь к нему. Тут Психея вспомнила, что он, возможно, уедет, и печаль овладела ею. Нет, утешила она себя, Гейбриел одумается.

Она быстро надела синее платье, уложила волосы в узел и направилась вниз. Гейбриел находился в столовой, где, к ее радости, никого больше не было, кроме обеспокоенного чем-то лакея.

Психея села и взяла чашку с чаем.

– Доброе утро, мисс Хилл. Хорошо спали? – осведомился Гейбриел с веселым блеском в глазах.

Он прекрасно знал, что мешало ей спать, и она сначала

нахмурилась, но воспоминание об удовольствиях этой ночи смягчило ее.

– Терпимо, – ответила она, видя, что лакей остается в комнате.

Лакей подал на стол блюда, наполненные почками и ветчиной, кашей и поджаренным хлебом. Психея была очень голодна. Взглянув на сидящего напротив нее Гейбриела, она увидела странное выражение на его лице. Гейбриел отвел глаза.

– О чем ты думаешь? – не выдержала она.

– На этом стуле обычно сидела моя мать, – сказал он. – Ты бы ей понравилась... я уверен, она бы тебя полюбила.

– Очень жаль, что мне не довелось с ней познакомиться. – Психея протянула руку через стол и дотронулась до его руки.

Гейбриел кивнул и некоторое время сидел молча.

– Я велел слугам, чтобы подали твою карету, – наконец сказал он.

– Мы едем в Лондон?

– Да, погода хорошая. К полудню мы будем в городе. Не думаю, чтобы шайка Баррета сидела в засаде так долго. На дороге будет много экипажей, и это им помешает. Мы можем ехать относительно спокойно.

Психея без сожалений приготовилась покинуть легальный пустой дом.

– А не следует ли нам... э-э... поблагодарить нашего хозяина?

– Хозяйина поневоле? – поправил ее сухим тоном Гейбриел. – Наверное.

Под руку с Гейбриелом Психея подошла к кабинету, и Гейбриел постучал.

Не дождавшись ответа, он открыл дверь.

– Мы уезжаем, отец.

Молчание. Затем послышался звук, похожий на рычание. Кресло снова было придвинуто к камину, и в комнате было слишком жарко. Психея подумала, как много теряет этот злобный человек из-за своей неспособности любить или быть терпимым к своим сыновьям.

– Благодарим тебя за гостеприимство, – вежливо продолжил Гейбриел.

Снова никакого ответа. Только в камине треснул горящий уголь. Гейбриел закрыл дверь. У Психеи остался в памяти образ почти неразличимого в темноте, неподвижно сидящего человека с устремленным на огонь взглядом. На мгновение она инстинктивно почувствовала, каким ненужным и нелюбимым должен считать себя маркиз, чтобы отвергать любую привязанность и даже дружбу людей, которые по закону самой природы обязаны быть самыми близкими ему.

Она взглянула на Гейбриела и увидела на его лице печаль.

У дома их ожидала карета. Миссис Парслип вышла попрощаться с ними. Несмотря на присутствие лакея, Гейбриел опять обнял маленькую экономку.

– Рад был повидать вас, миссис Парслип, – сказал он. – С

вами я снова почувствовал себя мальчишкой.

– Надеюсь опять увидеть вас, – улыбнулась экономка. Она что-то вынула из складок передника и вложила в руки Гейбриела маленький предмет.

Психея не удержалась и посмотрела. Это была миниатюра, из тех, какие часто заказывают для себя модные дамы. Психея увидела прелестное милое личико дамы с мягкими каштановыми волосами, имевшее явное сходство с лицом человека, стоявшего рядом с ней. Портрет матери Гейбриела.

У Гейбриела сжалось сердце.

– Спасибо, миссис Парслип, – преодолевая комок в горле, сказал он, будучи совершенно уверенным в том, что экономка не имела разрешения его отца на этот подарок, такой дорогой для него.

Он сел рядом с Психеей. Кучер дернул вожжи, и карета тронулась.

Они ехали молча. И только когда выехали из имения, Психея тихо спросила:

– Тебе помог этот визит?

Гейбриел не стал притворяться, что не понял ее. Действительно, несколько утих гнев и ослабела горечь, переполнявшие его сердце долгие годы. После любовных ласк он заснул, и кошмары уже не мучили его. Казалось, он переступил порог. Узнал, что мать любила его. Посмотрел на отца глазами взрослого человека и увидел, что тот совсем не всемогущий, не всезнающий тиран, которого Гейбриел боялся в детстве.

И всеми этими потрясающими открытиями он был обязан Психее. Только благодаря ей он вернулся в этот дом страданий и благодаря ей понял, что может стать таким, каким ему хочется, а не оставаться неудачником, каким считал его отец. И не превратиться в тирана наподобие своего отца.

– По-моему, ты сняла с меня проклятие, тяготевшее надо мной десятки лет, – сказал он.

Психея, казалось, удивилась.

– Я рада, – сказала она. – Мы все должны помириться со своими родителями.

– Неужели этот глупец, мой родитель навел тебя на такие мысли? – в свою очередь удивился он.

– О да! Я долго обижалась на своих родителей за то, что они погибли, так беспечно рискуя жизнью, и оставили меня одну с Цирцеей. Но пребывание в этом доме напомнило мне о счастливом времени, проведенном с ними. Мне повезло, они любили меня, дорожили мной и принимали такой, какой я была. – Голос Психеи задрожал, а на глаза навернулись слезы. – Я должна быть благодарна за каждый день, прожитый вместе с ними.

Гейбриел сжал ее руки, ему так хотелось прогнать эту грусть с ее лица и защитить от грядущих бед. Ему было больно думать, что его отъезд сделает ее несчастной. Но он также понимал, что, оставшись, может сделать ее еще несчастнее.

Очень скоро он уедет в чужие страны, и, может быть, Психея сумеет снова вернуться к той жизни, которой заслужива-

ла. Гейбриел понимал, что не может лишить ее того, на что она имела право. Но он также понимал, что не может обречь такую прекрасную женщину на годы ожидания, пока он не вернет свое состояние. Однако воспоминания об их любви он будет хранить в своем сердце всю жизнь.

Вздыхнув, Гейбриел посмотрел в окно. Они уже ехали по дороге, ведущей к Лондону. Через несколько часов они будут в городе, и он найдет способ избавиться от Баррета раз и навсегда, убедить старого мерзавца прогнать наемных убийц и решить дело по-мужски.

– Гейбриел! – вскрикнула Психея.

Он увидел то, что заставило ее закричать, и приказал кучеру остановиться.

Зрелище было довольно печальным. Легкая двуколка, преграждавшая дорогу, потеряла колесо и, наклонившись, стояла на краю канавы. Лошади, казалось, не пострадали. Что касается человека, ехавшего в коляске... тут Гейбриел понял волнение Психеи.

– Надо же, кузен Перси, – растягивая слова, произнес Гейбриел. – Какого черта вы здесь делаете?

Сидевший на краю дороги грузный человек поднялся.

– Кузина! – не обращая внимания на Гейбриела, радостно воскликнул Перси, глядя на Психею. – Как я рад, что ты жива и здорова.

– Я абсолютно здорова, спасибо, – ответила Психея. – Однако тебе, как я вижу, не повезло. Что ты здесь делаешь?

– Я спешил тебе на помощь, конечно. Когда ты так поспешно покинула город, я опасался худшего! – Перси сердито посмотрел на Гейбриела.

– И даже не позаботились взять с собой грума? – сухо заметил Гейбриел. – Или вы послали его за помощью?

– Нет, конечно, я поехал один. Я не хотел, чтобы все узнали о скандальном поступке кузины! Уехать одной, с мужчиной... – Лицо Перси побагровело, и, видимо, он собирался говорить долго.

– С мужчиной, который является моим женихом! – прервала его Психея. – Перси, ни я, ни моя репутация не нуждаемся в твоей защите. У тебя на это нет никакого права. Сколько раз я должна это повторять?

– Пока ты не опомнишься, – сказал он, затем повернулся к Гейбриелу. – Я бы попросил вас отвезти меня в ваше имение, сэр, если можно. Насколько я понимаю, это всего в нескольких милях.

Гейбриел взглянул на него с удивлением. Действительно, имение, которое он выиграл у Баррета, находилось недалеко по той же дороге, но...

– Откуда вы об этом узнали? – спросил он, от возникшего подозрения холодок пробежал по его спине.

– Когда я спросил, где вы, тетя Софи сказала, что вы уехали в Кент, – с довольным видом признался Перси. – Я навел справки о больших пустующих имениях. Я же не мог позволить Психее уехать и не позаботиться хотя бы о ее добром

имени. И, проделав такой путь только для того, чтобы поддержать тебя, кузина, я думаю, могу попросить оказать мне небольшую помощь.

Гейбриел взглянул на Психею.

– Боюсь, вы не понимаете. Я не отказываю вам в гостеприимстве, но имение разрушено. В нем вам негде остановиться. В соседней деревне есть маленькая гостиница...

– Неужели вы думаете, я могу появиться на публике в таком виде? – возмутился Перси, показывая на слегка порванный рукав и запылившиеся панталоны.

– Но, Перси, в доме никого нет. Нет служанки, чтобы привести твою одежду в порядок, – вступилась за Гейбриела Психея. – Правда...

– Не могу поверить, что вы отказываете в такой простой просьбе. – Перси с оскорбленным видом сложил на груди руки, готовый упрямо добиваться своего.

– Пустая трата времени, – сказал Гейбриел. – Он будет говорить до бесконечности. Может, нам стоит остановиться в моем... имении... и показать ему, в каком оно состоянии. По крайней мере оставим там его лошадей, а потом пришлем за ними кого-нибудь из деревни.

– А это не опасно? – шепнула Психея.

– Полагаю, негодяев там уже нет, они не думают, что мы вернемся, – сказал Гейбриел.

Психея кивнула:

– Хорошо, Перси, мы отвезем тебя в имение Гейбриела, а

затем в деревню, где починят колесо.

Психее меньше всего хотелось, чтобы Перси сидел в их карете всю дорогу до Лондона и читал ей проповеди о ее недостойном поведении. У них с Гейбриелом оставалось так мало времени. Они должны избавиться от назойливого кузена как можно быстрее.

Гейбриел с кучером распрягли лошадей Перси, одна из которых сильно хромала, и привязали сзади к своей карете. Перси занял переднее сиденье, к счастью, лицом к кучеру. Однако это не мешало ему часто оборачиваться и говорить с Гейбриелом и Психеей, сидевшими сзади. Из-за хромой лошади приходилось ехать медленно, и Психея очень обрадовалась, когда карета остановилась перед домом.

Какие красивые линии, думала Психея, представляя себе восстановленный дом. Если его привести в порядок, это будет прекрасное здание. Она погрузилась в мечты об обновленных стенах и новых обоях, не замечая, что мужчины вышли из кареты.

– Кузина, – окликнул ее Перси, подавая руку.

Она не собиралась покидать карету, поскольку остановка предполагалась короткой, но легче было выйти, чем спорить с Перси.

– Вот видишь, – сказала она кузену. – Здесь нет слуг, некому обслуживать тебя. Мы оставим здесь твоих лошадей и поедem в деревню. Это маленькое местечко, и никто не осудит тебя за порванный рукав.

Перси взобрался по ступеням и заглянул в открытую дверь.

– Если это так, то что вы здесь делали, Психея? Вы не провели здесь... ночь... одни? – В его голосе звучал неподдельный ужас.

– Мы провели ночь не здесь, – резко ответил Гейбриел. – Мы навестили моего родственника, и там было достаточно большое общество.

Психее не хотелось, чтобы Перси увидел ее улыбку.

– Проходи, Перси, – сказала она. Слишком вызывающе вел себя ее кузен. Он вошел в дом, словно намереваясь найти тайное гнездо любовников. Она шла за ним.

Тревога не покидала Гейбриела, что-то было не так. Почему Перси так стремился осмотреть эти руины? Искал ли он лишнего повода убедить Психею отказаться от помолвки с человеком, которого считал мерзавцем? Могло быть и так.

Почему они так задержались в этом грязном холле?

– Психея, – позвал Гейбриел. – Вы идете?

Он услышал, как она вскрикнула, а Перси что-то сказал, успокаивая ее. Гейбриел взбежал по ступеням. Опять мыши? Он вошел в сумрачный холл, и прежде чем его глаза привыкли к темноте, он почувствовал, как сильные руки схватили его.

– А, – услышал он знакомый голос, – как я и надеялся. Добро пожаловать в мой дом, лорд Самозванец.

Глава 22

Каким же он оказался дураком!

Каждым мускулом, каждым нервом Гейбриел ощутил опасность, но было уже поздно. Перед ним, направив на него дуло пистолета, стоял Баррет, а один из наемных убийц связывал веревкой руки Гейбриела. Другой бандит зажимал рот Психее. Его грязные пальцы не скрывали ее лица, побледневшего от потрясения и страха. На лице Перси сияла самодовольная улыбка.

Перси! Проклятый трус, он каким-то образом сговорился с Барретом заманить их сюда. И будь проклят он сам за то, что, обманутый слабохарактерностью и глупостью Перси, поверил, что тот безвреден. Если они останутся живы, что весьма сомнительно, он оторвет Перси голову.

Психея укусила руку, помешавшую ей предупредить Гейбриела. Бандит выругался и затряс укушенным пальцем. Психея, все еще не веря, смотрела на своего кузена.

– Перси, как ты мог? Как ты узнал...

– Баррет пришел ко мне и все объяснил, – с привычным самодовольством ответил Перси. – Поскольку я хотел вырвать тебя из сетей этого мерзавца, а Баррет рассказал мне немало о его преступлениях...

– Преступлениях? – Голос Психеи дрожал от ярости. – Этот человек, – она указала подбородком на Баррета, – пы-

тался убить нас, и не один раз. И не говори мне о преступлениях! Как ты мог вступить с ним в сделку, Перси?

– Я хотел избавиться от Таррингтона, – просто объяснил Перси. – Я понимаю твою женскую чувствительность, кузина, но со временем ты оценишь мудрость моего поступка и будешь мне благодарна.

Неужели он в самом деле верил во весь этот вздор? Психея с ужасом смотрела на кузена, словно впервые его увидела. Он спокойно выдержал ее взгляд. Но он всегда думал только о себе, своих желаниях, своих потребностях и никогда о ней. Почему это предательство должно удивлять ее? Может быть, он не способен убить своими руками, но если кто-то сделает это за него...

– Я буду ненавидеть тебя всю свою жизнь, сколько бы ее ни осталось. – Психея всеми силами старалась сдержать дрожь. – И я никогда, никогда не выйду за тебя замуж, лучше умру старой девой.

– Ты передумаешь, – с непоколебимой уверенностью сказал он. – Ты же женщина.

– Перси! – Психея с гневом посмотрела на него. – Ты – дурак.

Перси хмыкнул.

– Почему вы думаете, что вам позволят долго жить? – тихо спросил его Гейбриел. Баррет в это время отошел в сторону и, казалось, совещался с другими убийцами. Он кивнул человеку, державшему Психею, и тот отпустил ее. – Неуже-

ли вы думаете, что Баррет оставит в живых свидетеля, после того как расправится со мной?

Перси заморгал. Ему явно никогда не приходила в голову такая мысль.

– Нет, – самодовольная улыбка несколько увяла на его лице, – я обещал, что ничего не скажу...

– А вы имеете представление о том, какой опасности вы подвергаете Психею? – Гейбриел испытывал презрение к идиоту Перси и одновременно страх за Психею, и этот страх мешал ему сосредоточиться. Нет, он не должен впадать в панику. Ему нужно все его хладнокровие.

Психея с тревогой смотрела на него.

– Ты не видишь чего-нибудь острого? – прошептал он, проверяя крепость веревки, связывающей его запястья. Веревка оказалась новой и крепкой, и его усилия были тщетны. Психея осмотрелась, но вокруг не было ничего, кроме клоков пыли и щепок на полу. Но никакого ножа. Небольшой кинжал, который он отобрал на маскараде, был спрятан в его одежде, и Гейбриел не мог достать его, как и Психея не могла сделать это незаметно.

– Послушайте, Баррет, – сказал Перси чуть изменившимся голосом, – я думаю, нам с мисс Хилл пора возвращаться в Лондон. – После слов Гейбриела у него появились сомнения, но было уже поздно. Слишком поздно.

Гейбриел чувствовал, как в его груди закипает гнев. Как смеет Баррет покушаться на женщину, обожаемую Гейбри-

елом, женщину, вселившую в него уверенность, что он сможет полюбить вновь. Что бы ни произошло дальше, он должен сделать все, чтобы Психея вышла из этого испытания живой и невредимой. Он снова натянул веревки, стягивавшие его руки. Ему показалось, что узлы немного ослабли.

Баррет бросил на него острый взгляд и обратился к Перси.

– Боюсь, это невозможно, – с мягкой учтивостью сказал он.

– Почему же? – Капли пота выступили на его лбу, а в голосе слышалась паника.

– Потому что я опасаясь: леди молчать не будет. Она питает нежные чувства к этому мерзавцу, что случается часто, когда у мужчины красивое лицо. Они не желают видеть истинную натуру человека. – Баррет шагнул к Психее.

Она вздрогнула.

– Думаю, я понимаю вашу истинную натуру, – сказала она, не выдавая своего страха.

«Милая Психея, храбрая как львица», – подумал Гейбриел. Он снова подвел ее, позволив Перси заманить их в ловушку. Этого он себе никогда не простит. За одну только эту ошибку он заслуживает самых глубоких кругов ада.

– Я бы хотел доказать вам обратное, – сказал Баррет, глядя на ее грудь. – Но к сожалению, мы не можем здесь задерживаться. Маловероятно, но какой-нибудь проезжающий может заметить, что в доме кто-то есть, а это так необычно, что пойдут разговоры. Боюсь, нам придется избавиться от

незванных гостей, и если вдруг пустой дом загорится, то огонь уничтожит все улики.

Он направил пистолет на Перси, сжавшегося от ужаса, затем на Психею, которая не шевельнулась, хотя ее лицо померкло.

Гейбриел чувствовал, что холодеет. Он перестал растягивать веревки и приготовился броситься на Баррета. Понимая, что не успеет оттолкнуть Баррета, он рассчитывал дать Психею возможность убежать.

За окном ветер раскачивал ветви деревьев, и одна большая ветвь стукнула по стеклу окна. Баррет вздрогнул. Психея взглянула на окно, а затем перевела взгляд на побелевшего от страха Перси.

– Это все твоих рук дело, – злобно сказала она, неожиданно шагнув к нему и ударив по щеке.

Все, даже Баррет, с изумлением посмотрели на нее. Ее удар оставил яркое пятно на белом лице Перси.

– К-кузина, – начал оправдываться он, – я не хотел... я не предполагал...

Не слушая его, Психея со всей силой толкнула Перси, и он покачнулся, ударившись спиной об окно. Раздался треск. Он вскрикнул и, поскользнувшись, рухнул на груды обломков разбитой рамы.

От звона посыпавшегося стекла все застыли на месте – все, кроме Психеи. Она словно в ужасе прижала ладони к лицу и бросилась к поверженному Перси. Наклонившись, по-

могла ему сесть.

– Господи! Что я наделала! Прости меня, Перси.

Гейбриел с недоумением наблюдал, как она хлопотала над поверженным кузеном. Ахая и успокаивая его, она вынула из рукава носовой платок и прикладывала его к царапинам и мелким порезам на лице и руках Перси.

Баррет улыбнулся:

– Вероятно, ты все же не победил, Синклер. Утратил все свои таланты. – Он указал на Психею. – Уж тебе-то следовало знать, что нельзя доверять женщине. Слабых всегда тянет к слабым.

Психея повернулась к Гейбриелу.

– Этого бы не случилось, если бы из-за вас бедный Перси не сошел с ума от ревности. Он только хотел защитить мою честь, честь, которую вы украли у меня, в очередной раз соблазнив женщину! – Она тяжело дышала от сдерживаемого возмущения, и щеки ее пылали.

– О, ладно, Синклер! А то я почти разочаровался в тебе. Не попробовать такой лакомый кусочек – это на тебя непохоже. Когда я убью тебя, наступит моя очередь.

Гейбриел до боли напрягал руки, рвавшие растерзать Баррета. Эта тварь не имела права даже дышать одним воздухом с Психеей, тем более так говорить о ней. Психея не слабая, и она не предательница. Он никогда не поверит, что она может покинуть его.

Когда Баррет замолчал, Психея, присевшая рядом с Пер-

си, медленно поднялась.

Она с отвращением посмотрела на Баррета.

– Вы можете иметь удовольствие убить этого негодяя, но лишь после того, как я сделаю то, что хочу.

Один из людей Баррета собирался остановить ее, но Баррет помешал ему.

– Нет, – сказал он. – Это даже интересно.

Гейбриел пристально смотрел в сверкающие глаза Психеи, приближавшейся к нему. Ее пухлые губы были плотно сжаты, а лицо побледнело. Когда она подошла ближе, он увидел, что она как-то странно прижимает окровавленный платок к поясу. Незаметным движением руки она немного развернула платок, чтобы он увидел что в нем.

Гордость захлестнула его. Острый осколок оконного стекла!

«Вот она, моя умная девочка!» – подумал он, сдерживая улыбку. На мгновение ее прекрасные глаза ответно блеснули, и в них было столько доверия к нему, что ему стало страшно. Он не имел права разочаровывать ее.

Психея остановилась перед ним.

– Так вы думали, что можете украсть и мое сердце, и мою репутацию? – сурово спросила она.

Гейбриел постарался изобразить подходящее смущение. Он услышал слабый звук, она, прикрыв телом свои руки, перепиливала толстую веревку, связывавшую его, при этом она продолжала смотреть ему в глаза с притворным гневом.

– Мисс Хилл, вы неправильно истолковали мои мотивы... – Гейбриел пытался подыграть ей, в то время как все его тело напряглось в ожидании свободы.

Психея придвинулась ближе и, продолжая перепиливать веревку, театральным жестом подняла другую руку.

– Скольким невинным девушкам вы, сэр, разбили сердца? Вы – негодяй! – Она ударила его по щеке, но Гейбриел не почувствовал боли от ее удара. За ее спиной хохотнул Баррет, и его приспешники загоготали.

Оставалось лишь несколько нитей, но было еще не время показывать, что он свободен. У Баррета в руках пистолет. Они с Психеей переглянулись и поняли друг друга. Надо потянуть время.

– Сколько еще репутаций вы погубили? – продолжила Психея. А Гейбриел краем глаза следил за Барретом.

Как бы заставить его подойти поближе? Не успел Гейбриел об этом подумать, как Баррет снова заговорил:

– Как это ни забавно, боюсь, мисс Хилл, что пора кончать этот спектакль.

– Как вы можете пренебрегать моими страданиями? – Психея повернулась к Баррету. – Вас... как джентльмена... должно возмущать то зло, которое причинил мне этот человек!

– Но, мисс Хилл, – вкрадчиво напомнил Баррет, – вы только что назвали меня убийцей. Я сомневаюсь в ваших намерениях...

Она бросилась к нему, и Баррет в испуге поднял пистолет. Но Психея остановилась перед ним, ломая руки, что совершенно не было на нее похоже.

– Пожалуйста вы должны пожалеть меня! Вы не знаете, как я страдала в его руках.

О Гейбриеле почти забыли. Он напряг руки и окончательно разорвал веревку. Внезапно он понял, что собиралась сделать Психея, и похолодел. «Нет, нет! – хотелось крикнуть ему. – Это слишком опасно!»

Но Психея не сводила глаз с негодяя, который с недоверием смотрел на нее.

– К сожалению, нельзя верить, что вы будете держать язык за зубами, миледи. – Баррет с нескрываемой усмешкой произнес последнее слово, но никто, в том числе и Психея, не заметил этого. – Понимаете, тут нет ничего личного, просто я забочусь о своем благополучии.

Рыдая как бы в отчаянии, она закрыла лицо рукой. В другой руке она все еще сжимала носовой платок с острым осколком стекла, и он блеснул у самого горла Баррета.

Гейбриел бросился к нему, но тот успел направить пистолет на Психею, и, когда Гейбриел схватил Баррета, раздался выстрел и запахло порохом. Гейбриел начал душить врага, но Баррет оказался сильнее, чем можно было предположить.

Психея, где Психея? Она ранена, убита? Если так, то Баррет не выйдет отсюда живым, поклялся Гейбриел. Отчаяние придало ему сил, и через мгновение Баррет, хватая ртом воз-

дух и почти теряя сознание, лежал на полу. Пистолет выпал из его руки. Под одеждой Баррета Гейбриел заметил второй пистолет. Он схватил его и заткнул себе за пояс, затем обернулся в поисках Психеи.

Она приставила осколок стекла к горлу другого бандита, который просто онемел от удивления и страха. Психея никогда не теряла присутствия духа!

Гейбриел, едва не теряя сознание от радости, вынул пистолет и направил его на негодея, и Психея смогла опустить руку, которая начинала дрожать от напряжения. Свободной рукой Гейбриел прижал ее к себе.

– Слава Богу, ты цела, – прошептал он. – Если бы с тобой что-то случилось, я бы с ума сошел от горя!

– Тише. – Она дотронулась до его щеки. – Мы оба живы и более или менее здоровы...

Он увидел кровь на ее плече.

– Психея! Ты ранена!

– Всего лишь царапина, как сказал бы ты, – ответила она. – Но нам надо придумать, как уйти отсюда. Приспешники Баррета все еще в имении.

– Да. – Гейбриел осмотрел ее плечо, кость не задета, рана поверхностная, и кровь почти не течет. Он сразу же перевяжет ей рану, как только они покинут этот дом. У Гейбриела чуть не вырвался стон, когда он вспомнил, что Баррет грозился сжечь дом – его дом. Ибо, несмотря ни на что, Гейбриел все еще считал его своим. Если бы не Психея, он бы по-

гнался за последним из убийц.

А что с Перси? Гейбриел огляделся и увидел его, забившегося в угол подальше от выстрелов и борьбы. Он закрыл лицо руками и, казалось, от страха ничего не соображал.

– Перси, уходи из дома, – сурово приказала Психея. – Его могут поджечь. И отправляйся в Лондон, там приведи свои дела в порядок, ибо, когда я вернусь, я потребую твоего ареста за покушение на убийство.

Он опустил руки, лицо его было совершенно белым.

– Кузина, я никогда не желал тебе ничего плохого.

– Ты думаешь, тебя спасет объяснение, что ты только помогал убить моего жениха? – ледяным тоном поинтересовалась Психея. – Сомневаюсь, что судья согласится с тобой.

– Но, кузина, умоляю тебя. Подумай о позоре...

– Ты не представляешь, как я рада, что никогда больше не увижу тебя, – не тронутая его мольбой, ответила Психея.

– А я считаю, – сказал Гейбриел, ставя несчастного Перси на ноги, – что тебе следует дать ему шанс, Психея.

– Что? – изумилась Психея. – После всего, что он сделал?

– Ты могла бы проявить великодушие, – продолжал Гейбриел. – А отец Перси согласится предоставить тебе право выбрать мужа, любого мужа, и немедленно отдаст тебе наследство.

Перси раскрыл рот, а Психея сразу изменила тон.

– Великолепно, – шепнула она. – Да, я думаю, для тебя это единственный способ избежать виселицы, Перси.

Гейбриел с трудом сдержал смех. Он был не уверен, что у них найдется достаточно оснований, чтобы накинуть петлю на шею Перси, но сам Перси был в этом убежден.

– Кузина, обещаю, я сразу же поговорю с отцом, только позволь мне уехать...

– В твоём распоряжении двадцать четыре часа на то, чтобы отправить моему поверенному подписанные бумаги о переходе имущества в мои руки, – предупредила Психея.

– Забирайте вашу здоровую лошадь и отправляйтесь, – сказал Гейбриел. – А теперь нам лучше выбраться отсюда, пока не появились остальные бандиты Баррета. Психея, возьми веревку и свяжи этой крысе руки.

Они направились к двери. У Психеи кружилась голова, видимо, от потрясения и потери крови, и она пошатнулась. Гейбриел обнял ее за талию, и они медленно двинулись дальше. Перси, как обычно, думая только о себе, не дожидаясь их, исчез за дверью, и они больше его не видели.

Они почти дошли до холла, когда какой-то звук, раздавшийся позади них, заставил Гейбриела насторожиться.

– Гейбриел, берегись! – вскрикнула Психея.

Она не успела отодвинуться. Пришедший в себя Баррет бросился на Гейбриела, и он пошатнулся от его удара.

Психея пыталась схватить Баррета за руку, но он оттолкнул ее с такой силой, что она упала, ударившись об пол головой. Оглушенная, она лежала неподвижно.

Баррет дрался как человек, спасающий свою жизнь. Нена-

висть сверкала в его глазах, и он старался всеми силами завладеть пистолетом. Он ухватился за него и не выпускал.

– Джейк, иди сюда и помоги мне! – крикнул Баррет. Его помощник со связанными руками подскочил к нему. Гейбриелу придется драться с двумя, если он не сумеет быстро покончить с первым.

Они наносили друг другу удары почти вслепую. Гейбриел вдруг почувствовал запах дыма. Дождь стучал по окнам, и где-то заржала лошадь. Неужели Перси сбежал, оставив их на милость Баррета?

Психея лежала неподвижно. Если она серьезно пострадала... Гейбриел ударил Баррета по лицу, но этот безумец был необычайно силен и едва ли почувствовал удар. Он выкручивал пистолет из руки Синклера, пока дуло не уперлось в живот Гейбриела. Если Баррет дотронется до курка... Гейбриел пытался повернуть пистолет, но Баррет не уступал. На мгновение Гейбриелу показалось, что дуло повернулось, но он не был уверен, если...

Сверкнул огонь, и боль пронзила тело Гейбриела. Ноги не повиновались ему, и он свалился на пол.

Гейбриел подумал, что теряет сознание, но услышал, как кто-то повторяет его имя, перед глазами в темноте плыли красные круги. Затем, зрение медленно вернулось к нему. Он по-прежнему лежал на деревянном полу, одежда пахла порохом и кровью, и... Психея! Психея стояла около него на коленях... Она была жива.

– Скорее уходи из дома, – прошептал он. – Оставь меня. По-моему, я ранен... уходи, пока Баррет...

– Баррет мертв, – сказала Психея, по ее щекам катились слезы. – Он выстрелил в себя. Твоя рана не опасна, Гейбриел, хотя я сначала ужасно испугалась. Тебя опалило порохом и, наверное, обожгло кожу. Но пуля попала в Баррета.

Гейбриел заставил себя подняться. Он увидел тело Баррета, распростертое в луже крови.

– А с тобой все в порядке? Психея кивнула.

– Пойдем, мы должны выбраться отсюда. Перси, думаю, давно уехал.

– А другой бандит? – Гейбриел огляделся.

– Он убежал, прямо со связанными руками, – ответила Психея. – Это было так смешно. И я больше никого не видела.

– Третий может быть поблизости. Пойдем посмотрим, здесь ли еще кучер с каретой.

Самое главное – уехать из этого дома, подальше от шайки убийц. Гейбриел остался жив, чудо из чудес, и Психея только слегка ранена. Гейбриел, прихрамывая и держась за Психею, благодарил судьбу.

В холле раздались шаги, и они застыли на месте. Гейбриел чуть не застонал. В таком состоянии как он сможет отразить еще одно нападение?

– Спрячься за меня, – приказал он Психее.

– Нет, – не дрогнувшим голосом ответила она. – Мы будем

защищаться вместе.

Они так и стояли рядом, измученные, но полные решимости, и, когда в дверях появилась фигура человека, они от изумления лишились дара речи.

– Так вот вы где, – сказал Дэвид, и радость осветила его лицо. – Ну и вид у вас! Ты ранен, старина?

– Нет, – придя в себя от потрясения, ответил Гейбриел. – Позаботься о Психее. А я думал, что ты сильно пострадал. Когда мы уходили, ты лежал без сознания на ступенях дома Форсайтов. Что ты здесь делаешь?

– О, всего лишь шишка с гусиное яйцо на голове, но это не важно. Цирцея попросила меня прийти, – объяснил Дэвид, бросив на Психею смущенный взгляд. – Она думала, что вы нуждаетесь в моей помощи.

– Но как ты узнал, где нас искать? – настойчиво продолжал расспросы Гейбриел.

– Я поехал к твоему поверенному, выжал из него сведения и помчался сюда. Я уже погасил огонь и связал парочку весьма неприятных типов, – рассказал Дэвид. – Подумал, что лучше войти через черный ход. Но где же Баррет?

– Дэвид, ты настоящий герой, – взволнованно сказала Психея. – Баррет мертв.

Дэвид увидел у них за спиной лежавшее на полу тело и присвистнул.

– Черт побери... О, извините. Но еще никто так не заслуживал смерти, как этот человек.

Психея вздрогнула и еще крепче ухватилась за руку Гейбриела. Все могло кончиться по-другому. На полу мог лежать Гейбриел с кровавой раной в груди.

Они вышли из дома. Дождь прекратился, но их карета исчезла. Видимо, Перси воспользовался ею, как всегда, думая только о себе. У Дэвида была лошадь, и он предложил ее Гейбриелу. Они посадили Психею позади него, и она ухватилась за талию Гейбриела, а Дэвид взял одну из лошадей Перси, ту, которая не хромала.

Когда они поворачивали на дорогу, Психея оглянулась. Бедный дом, она была рада, что он не сгорел. Это было бы несправедливо теперь, когда Баррет уже не мог претендовать на него. Может быть, если Гейбриел... нет, не все сразу. Они остались живы, и она должна быть благодарна за это.

Они медленно въехали в деревню и остановились у маленькой гостиницы. У хозяина не было кареты, но нашлась небольшая двуколка, на которой они могли бы продолжить свое путешествие. Хозяин обещал позаботиться о хромой лошади, которую они оставили в поместье.

Договорившись об экипаже, Гейбриел отправил сообщение о преступлениях Баррета и его смерти местному судье. Психея сидела на скамье под открытым небом, ибо гостиница была полна любопытных фермеров, глазевших на необычное нашествие дворянства.

Они с Дэвидом засвидетельствуют обстоятельства смерти Баррета, и Гейбриелу не надо будет опасаться властей, уве-

ряла она себя. Он будет свободен, станет хозяином имения и постепенно восстановит его, но ему уже не придется опасаться появления убийц, готовых в любую минуту наброситься на него. И у него больше не будет необходимости выдавать себя за маркиза Таррингтона. В свете поднимется шум из-за фальшивого титула, но после того, что они пережили, Психею не волновали сплетни, какими бы они ни были. Она, наконец, получит свои деньги, наймет лучших учителей для Цирцеи. А если Гейбриел уедет, она будет, свободна в выборе жениха.

Но от этой мысли Психея ощутила в груди какую-то пустоту. Он ничего еще ей не обещал, и она старалась не поддаваться отчаянию. Она вернется в Лондон, успокоит Цирцею и тетушку, отдохнет как следует, подкрепится, а затем они вместе смогут принять разумное решение.

Но когда Гейбриел возвратился, выражение его лица встревожило ее.

– Дэвид отвезет тебя в Лондон. Сначала вы поедете в двуколке, немного неудобно, но ничего. В ближайшем городке вы сможете нанять экипаж и, возможно, горничную для тебя, чтобы все выглядело благопристойно.

Как будто сейчас она могла думать о благопристойности! У Психеи упало сердце.

– А ты не поедешь с нами? Он избегал ее взгляда.

– Я думаю, что поскольку я уже недалеко от побережья, то поеду в другую сторону. Мне необходимо поправить свои

денежные дела, карманы у меня почти пусты, а в Париже и Мадриде игра в это время года в самом разгаре. После случившегося в Лондоне начнутся сплетни, и я буду слишком известен, чтобы рассчитывать на удачную игру.

– Но твое имя... – У Психеи пересохли губы.

– Пока у меня нет денег на его восстановление. Я стану владельцем, возможно, через год или два. За это время в нем мало что изменится.

Год или два... У Психеи сжалось сердце.

Гейбриел взглянул ей в лицо и отвернулся. Он не мог сказать ей правду – если он возвратится с ними в Лондон, увидит радость Цирцеи, снова будет наслаждаться обществом Психеи, почувствует себя дома, в своей семье, то у него может не хватить сил уехать. Обнять Психею, поцеловать ее нежные губы, прижать к себе ее жаждущее ласки тело – от одной этой мысли кровь вскипала в его жилах и в сердце просыпалась знакомая боль. Нет, он должен сделать это сейчас, пока еще владеет собой. Кроме того, Гейбриел не решался дотронуться до Психеи.

– Я думала, что ты... что мы... – Психея замолчала, как бы не решаясь продолжать. – Теперь я могу выйти замуж за кого захочу.

Он не мог допустить, чтобы она думала, что он не любит ее, не мог притвориться бессердечным. Да она бы и не поверила ему.

– Я бесконечно восхищаюсь вами, моя дорогая мисс

Хилл, – сказал он. – Глубоко уважаю и люблю, но вы заслуживаете большего, чем я могу предложить вам.

Голос изменил ему, но Гейбриел собрал все свое мужество и посмотрел ей в глаза.

– Ты заслуживаешь принца, Психея, а не придуманного маркиза, фальшивого лорда без репутаций и чести. Ты заслуживаешь человека с незапятнанной репутацией. И что бы я ни сделал, чтобы вернуться к достойной жизни, есть вещи, которые нельзя изменить. Боюсь, я никогда не стану человеком, заслуживающим твоего уважения и тем более твоей руки.

– Но люблю-то я тебя, – прошептала Психея, сдерживая слезы.

Гейбриел чувствовал, как сжимается его сердце.

– Я буду хранить это признание в своем сердце всю мою жизнь. Но впервые я совершаю правильный поступок. Я уйду ради того, чтобы у тебя была лучшая жизнь, блестящее будущее, чего я не могу тебе дать.

– Ты совершаешь глупость! – Психее от отчаяния хотелось топнуть ногой, но она не шевельнулась.

– Уже не первый раз, – мрачно согласился Гейбриел.

Ему хотелось дотронуться до ее щеки, но он не осмеливался прикоснуться к ее теплой нежной коже, ибо тогда его решимость растает. Он отступил назад.

– Без меня тебе будет лучше, – повторил он.

– Нет! – С упрямой настойчивостью Психея посмотрела

ему в глаза. – Ты можешь в это верить, а я не могу. Но я выживу и одна. После гибели моих родителей я поняла, что я сильнее, чем думала.

Гейбриел почувствовал, что в ней проснулась гордость.

– Но я всегда буду любить тебя, Гейбриел, – тихо сказала Психея. – Всегда. Даже сейчас, когда так сержусь на тебя, я не откажусь от своих слов.

Любовь, сиявшая в ее ясных голубых глазах, заставила его замолчать. Он никогда не забудет этой минуты, этого полного любви взгляда.

Он будет вспоминать его в долгие дни и ночи одиночества и думать, что он поступил правильно и благородно. Благополучие Психеи важнее его счастья.

Послышались шаги, и появился Дэвид. Молодой человек остановился, поняв, что нарушил их уединение.

– А-а, я пойду проверю коляску, – сказал он. – Не обращайтесь на меня внимания.

– Нет, я уже ухожу, – сказал Гейбриел.

Психея протянула руку и увидела, что он не доверяет себе и не решается дотронуться до нее. И она только кивнула.

– Храни тебя Бог, – очень тихо произнесла Психея.

Она сдерживалась, до крови закусив губы, пока Гейбриел не повернулся и не ушел. И только тогда она зарыдала, уткнувшись в грудь Дэвида.

Глава 23

Солнце еще не взошло, когда он оседлал коня и, выехав со двора гостиницы, помчался по дороге. Утренний туман поднимался над зеленеющими полями, начинали перекликаться птицы, приветствуя наступление дня, и к их голосам присоединялись все новые трели и щебетание. Но Гейбриел почти ничего не слышал, как и не замечал покрытые травой пастбища, золотившиеся поля и фермеров, убиравших сено, ибо он был поглощен одной-единственной мыслью об одной-единственной женщине.

Час спустя, проехав Танбридж, Гейбриел подумал, что скоро будет поворот к его собственному заброшенному имению. Он мог бы туда заехать и посмотреть, в каком оно состоянии, но Гейбриел отбросил эту мысль. Едва ли там что-то изменилось за несколько недель. С этим можно подождать. Он должен спешить в Лондон, должен найти Психею... В эту минуту, может быть, какой-нибудь молодой повеса, склонившись к ее руке, просит оказать ему честь и поехать с ним на утреннюю прогулку в парк, затем усаживает ее в седло. Никто не смеет дотрагиваться до Психеи, никто не смеет обнимать ее стройную талию или пытаться поцеловать ее – при этих мыслях у Гейбриела вырывались проклятия, и он прищипывал своего уставшего коня.

Но, подъехав к повороту, он невольно придержал коня.

Телега, груженная толстыми досками, поворачивала к его имению. Как она здесь оказалась? По ошибке возчика? Усталый конь Гейбриела, что-то почуяв, тряхнул головой. Гейбриел заколебался, затем повернул на подъездную дорогу.

Он увидел свежие следы колес. Впереди неспешно двигалась телега. Гейбриел пытался окликнуть возчика, но тот, казалось, его не слышал, и Синклер поехал вслед за ним, со все возрастающим недоумением. Несмотря на то что он дорожил каждой минутой, Гейбриел решил выяснить, что все это значит. Неужели кто-то завладел его именем? Не нашелся ли какой-нибудь наследник Баррета, предъявивший на него права? Или на пустующей земле остановился цыганский табор? Кто-то должен их прогнать.

Телега остановилась перед домом, и Гейбриел тоже остановил коня позади нее. Из дома вышли два человека и начали помогать сгружать тяжелые доски, но Гейбриел, не замечая их, смотрел на дом. Затем он привязал коня к мраморной статуе, неведомо как появившейся у входа на ухоженной траве, и поднялся по ступеням. Дверь была открыта. Кто-то вновь повесил ее или заменил на новую, судя по блестящим новым петлям. Внутри дома раздавался стук молотков.

Черт побери! Гейбриел отступил в сторону, уступая дорогу рабочему в кожаном переднике, выносившему какие-то деревянные планки.

Гейбриел нахмурился. Он должен найти того, кто отвечает за этот бедлам, и спросить, знает ли тот, что делает. Кто

здесь распоряжается? Он огляделся, удивленный тем, как изменился холл. Стены блестели от свежей краски и обоев, сгнившие панели заменены новыми. Заглянув в первую комнату, Гейбриел увидел там усердно трудившихся мастеров. Солнце весело светило сквозь вымытые стекла, пол блистал чистотой, мыши исчезли, и единственным звуком был стук молотков. В доме пахло свежей краской, воском, мылом и лимонным маслом. Ему трудно было поверить, что это тот самый полуразрушенный дом, по которому они с Психеей ходили всего лишь несколько недель назад.

Психея! Он должен спешить в Лондон, найти ее, просить у нее прощения, умолять дать ему последний шанс...

Он проходил мимо библиотеки, где, очевидно, Не работали и было тихо, как вдруг краем глаза Гейбриел заметил что-то, заставившее его вернуться и войти в нее.

На пороге он остановился от изумления. Перед ним было видение, должно быть, сказались дни и ночи, проведенные в мечтах о ней.

Видение подняло белокурую голову. Ее глаза слегка расширились, но она не вскрикнула от удивления.

– Здравствуй, Гейбриел, – сказала Психея. Она сидела за красивым письменным столом, на полированной поверхности которого лежали бумаги.

Он долго не мог оторвать глаз от ее лица. Ее волосы были уложены свободно, а не стянуты в обычный узел. Декольте нежно-розового платья было более глубоким, слишком от-

крытым, недовольно подумал он. Еще никогда она не выглядела такой хрупкой, прелестной и женственной. Но Гейбриел знал, что слово «хрупкая» не для нее. Психея – сильная, достаточно сильная, чтобы позволить ему уйти и дать время одуматься.

Было видно, что она оправилась после выпавших на ее долю испытаний, но Гейбриел напрасно надеялся увидеть следы страдания в ее голубых глазах. Она задумчиво смотрела на него и, казалось, почти не испытывала удивления.

«Боже, сделай так, чтобы она тоже страдала от разлуки. Сделай так, чтобы ее чувство ко мне осталось неизменным!»

Гейбриел сделал шаг к ней, затем другой. Она по-прежнему молчала.

– Ты можешь меня простить? – с волнением спросил он.

Она некоторое время не поднимала глаз от бумаг, лежавших перед ней.

– Вопрос в том, простил ли ты себя сам? Гейбриел задумался, перед тем как ответить:

– Думаю, я положил начало, меня больше не беспокоят призраки прошлого. И я больше не вспоминаю своего отца.

Он надеялся, что она спросит, о ком же он думал, но Психея лишь спросила будничным тоном, как будто они расстались несколько часов назад:

– Где ты был?

– Я побывал в Испании, – пытаюсь сохранить небрежный тон, ответил Гейбриел.

– Игра была неудачной?

– О нет, мои карманы пополнились, но карты мне надоели, – сказал он. – Да и погода для этого времени года была плохая.

– Слишком много солнца? – сухо предположила Психея.

– Слишком жарко, – признался он. – И я разлюбил паэлью и сангрию, а ночью совсем не мог спать. Сверчки трещали, птицы пели слишком громко. Я собирался поехать в Италию, но знал, что и там мне не будет покоя... потому что там нет тебя.

Психея смотрела на него, но Гейбриел ничего не мог прочитать в ее прекрасных глазах. Он чувствовал, как страх пробирается в его душу. Он словно превратился в зеленого юнца.

– Все, о чем я мог думать, – это о тебе, мне виделось твое лицо в первых золотистых лучах солнца, слышался твой смех в звоне церковных колоколов. Ты всегда была со мной, но тебя со мной не было, и я думал, что сойду с ума.

– Так ты вернулся?

Но она не улыбнулась. Может быть, он опоздал? У него дрогнуло сердце. Он кивнул:

– Прости меня, Психея, моя дорогая мисс Хилл.

– За отъезд или за возвращение? – по-прежнему сдержанно спросила она. Гейбриел подумал, что сейчас умрет от желания обнять ее. Что, если она скажет, чтобы он уходил и больше никогда не возвращался?

– За то и другое, полагаю, – вздохнул он, с огромным усилием сохраняя самообладание. Он сделал еще один шаг ей навстречу. – Один раз в жизни я пытался совершить благородный поступок, но не сумел. Я понимаю, что недостойн тебя, богиня, но я не могу изменить себя. И все равно я не могу тебя забыть. Не могу изгнать твой образ из моего сердца. И, черт побери, я не хочу этого! Я таков, какой я есть. Я никогда не стану святым, но я сделаю все, чтобы ты была счастлива. Не знаю, что еще я могу сказать, кроме того, что я люблю тебя.

Психея чуть раскрыла губы, такие нежные, такие мягкие – ему так хотелось снова поцеловать их, нет, он хотел целовать их каждый день, каждый час. Она собиралась что-то сказать, но за спиной Гейбриела раздались шаги.

– Прошу прощения, мисс, но куда отнести эту каминную полку? – спросил появившийся рабочий. Он указал на красивую резную доску, которую с трудом держали два человека.

– В гостиную, это большая комната на втором этаже. Рабочие ушли, и Гейбриел почти с облегчением спросил:

– А что ты здесь делаешь? Что все это значит?

Губы Психеи дрогнули, как будто она сдержала улыбку.

– Дядя Уилфред отдал мои деньги, и я согласилась не предъявлять кузену Перси обвинение. Вот я и решила начать восстанавливать дом.

– Психея, мисс Хилл, я не могу позволить выбрасывать

деньги на ветер. Это развалины, а не дом.

– Но мне нравится этот дом, – возразила она. – К тому же я обнаружила, Гейбриел, что у меня гораздо больше денег, чем я предполагала. И я могу позволить себе переделать этот дом, наш дом, так, как мне хочется. О, я еще пригласила миссис Парслип приехать к нам и занять должность экономки. Она настояла на том, что должна предупредить твоего отца за две недели, так что я жду ее завтра. Надеюсь, я поступила правильно?

– Конечно, – согласился Гейбриел, чувствуя, как надежда возвращается к нему со скоростью урагана. – Но... значит ли это, что ты еще... – Гейбриел за два шага преодолел расстояние, разделявшее их, и, взяв ее за плечи, поднял на ноги. – Психея, значит ли это, что ты берешь меня со всеми моими недостатками? Ты выйдешь за меня замуж?

Наконец она улыбнулась ему.

– Раз уж все в свете думают, что мы уже помолвлены, это будет самое разумное решение, как ты думаешь?

– К черту «разумное»! – вскипел он. – Я люблю тебя, Психея! Я не могу без тебя жить. Я пытался, но...

Она протянула ему губы, и он поцеловал ее с таким жаром, с такой страстью, что оба чуть не задохнулись. Когда наконец Гейбриел оторвался от ее губ, он вспомнил еще об одной проблеме.

– Психея, в свете все считают меня маркизом Таррингтоном. Что мы скажем теперь?

Ей было так уютно в его объятиях, что она чувствовала себя там на своем месте.

– О, я уже объяснила Салли, строго по секрету, что ты принял этот титул, чтобы скрыться от убийц, преследовавших тебя.

– Что означает?

– Это означает, что весь Лондон уже знает нашу историю и находит ее ужасно романтической, рассмеялась Психея.

Гейбриел снова поцеловал ее.

– Я не думаю, что вместе с досками, красками и обоями ты привезла еще и особое разрешение на брак?

– А ты так торопишься жениться? – Ее глаза весело блеснули.

– Я жду не дождусь брачной ночи, – объяснил Гейбриел, целуя ее в висок, а затем в мочку уха.

Приятная дрожь пробежала по телу Психеи.

– Боюсь, не получится. Цирцея строго-настрога запретила нам жениться до возвращения в Лондон. Она хочет быть подругой невесты. Когда я уезжала, она советовалась с портнихой, как сшить такое платье, чтобы ее грудь казалась побольше.

Теперь рассмеялся Гейбриел.

– Вы все так уверены. Почему ты не сомневалась в том, что я вернусь? Неужели было заметно, как я колебался?

Психея ответила не сразу.

– В библиотеке я нашла собрание трудов... по современ-

ным методам ведения сельского хозяйства.

Гейбриел надеялся, что не покраснел.

– М-м, я просто хотел стать хорошим землевладельцем, – попытался объяснить он.

Психея доверчиво посмотрела на него.

– Это дало мне надежду на то, что ты хочешь наконец остепениться, пустить корни, надежду на то, что одной женщины тебе будет достаточно, чтобы быть счастливым.

– О, моя дорогая, – возразил он, – с того дня, когда я впервые увидел тебя, для меня не существовало никого, кто мог бы пробудить во мне желания.

– Даже когда я буду старая и в морщинах?

– Я буду любить и целовать каждую твою морщинку, – пообещал Гейбриел.

– А когда я буду ждать ребенка и растолстею? На мгновение он замер, потрясенный ее словами.

– Я буду считать себя счастливейшим из людей. Кроме того, знаешь ли, я тоже состарюсь. Превращусь в старого огрубевшего помещика, которого заботит здоровье коров или огорчает отсутствие дождей. Станешь ли ты обвинять меня в этом, дорогая моя мисс Хилл?

– Никогда. – Она дотронулась до его щеки, зная, что с годами черты его лица станут еще благороднее и не утратят своей красоты. Она приложила ладонь к его губам, и он поцеловал ее пальцы. – Боюсь, нам действительно необходимо пожениться, лорд Гейбриел Синклер. У нас нет другого вы-

хода.

Неожиданная мысль мелькнула у него, и он вопросительно посмотрел на Психею.

Она с неудовольствием заметила, что краснеет.

– Нет, нет, не... я только хотела сказать, что это единственный способ заставить тебя прекратить называть меня «моя дорогая мисс Хилл», что ты постоянно делаешь. Я должна изменить свое имя. После нашей свадьбы я стану леди Гейбриел Синклер.

– Я буду только счастлив, – согласился Гейбриел. – Хотя я мог бы называть тебя «моя червонная дама» в память о том, как ты выиграла, вытащив эту карту.

Неожиданно ее глаза насмешливо блеснули.

– О, в таком случае я была бы «твоей бубновой тройкой».

Сначала Гейбриел не понял, но затем широкая улыбка озарила его обветренное, но довольное лицо.

– Так ты хочешь признаться, что моя благовоспитанная, порядочная мисс Хилл... – Он остановился, встретив ее укоризненный взгляд. – То есть будущая леди Гейбриел Синклер сжувльничала?

– Конечно, – заявила она. – Как только ты отвернулся.

– Крайне неприличный поступок, – осуждающе заметил Гейбриел.

Психея привстала на цыпочки и обняла его.

– О, дорогой, я знала, что ты будешь этим гордиться. Он ответил ей поцелуем, который никак нельзя было назвать

«приличным». Но именно такой, решила она, больше всего ей нравится.